

**MARGULAN
UNIVERSITY**

ISSN 2957-5567 (Print)
ISSN 2957-5575 (Online)

2022 жылдан шығады
Издается с 2022 года

ӘЛКЕЙ МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ ПАВЛОДАР ПЕДАГОГИКАЛЫҚ УНИВЕРСИТЕТИ
ПАВЛОДАРСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЬКЕЯ МАРГУЛАНА
ALKEY MARGULAN PAVLODAR PEDAGOGICAL UNIVERSITY

**ТІЛ ЖӘНЕ ӘДЕБИЕТ:
ТЕОРИЯСЫ МЕН ТӘЖІРИБЕСІ**

**ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

**LANGUAGE AND LITERATURE:
THEORY AND PRACTICE**

4'2023

ТІЛ ЖӘНЕ ӘДЕБИЕТ: ТЕОРИЯСЫ МЕН ТӘЖІРИБЕСІ

КУӘЛІК

2022 жылы 4 наурызда

№ KZ06VPY00046675

мерзімді баспасөз басылымын,

ақпараттық агенттікті және желілік басылымды есепке қою туралы
Қазақстан Республикасы Ақпарат және қоғамдық даму министрлігі

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА

Бас редактор

Теміргазина Зифа Қақбаевна, филология ғылымдарының докторы, профессор, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. Scopus ID: 55776658000 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55776658000>), Web of Science Researcher ID AAC-7121-2020 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAC-7121-2020>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Атқарушы хатшысы

Гаранина Екатерина Петровна, филология ғылымдарының кандидаты, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. Scopus ID: 56258135800 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56258135800>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Халықаралық редакция алқасының мүшелері:

- Әбішева Сәуле Жүнісқызы*, филология ғылымдарының докторы, профессор, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университет, Алматы қ., Қазақстан. Scopus ID: 55801544900 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55801544900>), Web of Science ResearcherID: AAJ-1094-2021 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/2238472>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4497-0805>
- Агманова Әтіркүл Егембердіқызы*, филология ғылымдарының докторы, профессор, Л.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университет, Астана қ., Қазақстан. Scopus ID: 56223933300 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56223933300>), Web of Science ResearcherID: E-5676-2015 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/1716154>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0222-2304>
- Андрющенко Ольга Константиновна*, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. Scopus ID: 56016816000 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56016816000>), Web of Science ResearcherID: ADB-6737-2022 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/3081175>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>
- Ергалиев Қуаныш Советұлы*, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Ә.Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. Scopus ID: 56263071700 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56263071700>)
- Жарқынбекова Шолпан Құзарқызы*, профессор, филология ғылымдарының докторы, Л.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университет, Астана қ., Қазақстан. Scopus ID: 55446258300 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55446258300>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4160-6215>
- Лучик Малгожата*, филология ғылымдарының докторы, профессор, Зеленогурский университет, Зиелона Гура қ., Польша. Scopus ID: 57216740660 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216740660>)
- Николаенко Сергей Владимирович*, педагогика ғылымдарының докторы, профессор, П.М. Машеров атындағы Витебск мемлекеттік университет, Витебск қ., Беларусь. Scopus ID: 57208782361 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57208782361>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7749-6671>
- Осокина Светлана Анатольевна*, филология ғылымдарының докторы, Алтай мемлекеттік университет, Барнаул қ., Ресей. Scopus ID: 57207456758 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57207456758>), Web of Science ResearcherID: AAO-6543-2020 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/2007473>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9480-1364>
- Сағындықұлы Бекен*, филология ғылымдарының докторы, профессор, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. Scopus ID: 57193848072 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57193848072>)

com/authid/detail.uri?authorId=57193848072). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1423-0339>

10. *Синячкин Владимир Петрович*, филология ғылымдарының докторы, профессоры, Ресей халықтар достығы университет, Мәскеу қ., Ресей. Scopus ID: 57192938803 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57192938803>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

11. *Сүтжанов Сейфитден Назымбекович*, филология ғылымдарының докторы, профессор, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3819-1450>

12. *Тоқатова Людмила Ербулатқызы*, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университет, Павлодар қ., Қазақстан. Scopus ID: 56127290800 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56127290800>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

Техникалық хатишы: Г.С. Салменова

«Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі» журналдың тақырыптық бағыты:
тіл білімі, әдебиеттану, мектепте және университетте тілдерді оқыту әдістемесі,
мәдениетаралық коммуникация.

Журнал жылына 4 рет шығарылады.

Мақалалар қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде жарияланады.

© Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар
педагогикалық университеті

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о постановке на учет периодического печатного издания,
информационного агентства и сетевого издания
№ KZ06VPY00046675

выдано Министерством информации и общественного развития Республики Казахстан
04.03.2022 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Темиргазина Зифа Какбаевна, профессор, доктор филологических наук, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. Scopus ID: 55776658000 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55776658000>), Web of Science Researcher ID AAC-7121-2020 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAC-7121-2020>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Ответственный секретарь

Гаранина Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. Scopus ID: 56258135800 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56258135800>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Члены международной редакционной коллегии

1. *Абишева Сауле Жунусовна*, профессор, доктор филологических наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан. Scopus ID: 55801544900 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55801544900>), Web of Science Researcher ID: AAJ-1094-2021 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/2238472>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4497-0805>

2. *Агманова Атиркуль Егембердиевна*, проф., доктор филологических наук, Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, г. Астана, Казахстан. Scopus ID: 56223933300 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56223933300>), Web of Science Researcher ID: E-5676-2015 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/1716154>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0222-2304>

3. *Андрющенко Ольга Константиновна*, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. Scopus ID: 56016816000 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56016816000>), Web of Science Researcher ID: ADB-6737-2022 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/3081175>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>

4. *Ергалиев Куаныш Советович*, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. Scopus ID: 56263071700 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56263071700>)

5. *Жаркынбекова Шолпан Кузаровна*, профессор, доктор филологических наук, Евразийский национальный университет имени Л. Гумилева, г. Астана, Казахстан. Scopus ID: 55446258300 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55446258300>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4160-6215>

6. *Лучик Малгожата*, хабилитиров. доктор наук, профессор, Зеленогурский университет, г. Зелена Гура, Польша. Scopus ID: 57216740660 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216740660>)

7. *Николаенко Сергей Владимирович*, доктор педагогических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Беларусь. Scopus ID: 57208782361 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57208782361>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7749-6671>

8. *Осокина Светлана Анатольевна*, доктор филологических наук, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия. Scopus ID: 57207456758 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57207456758>), Web of Science Researcher ID: AAO-6543-2020 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/2007473>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9480-1364>

9. *Сагындықұлы Бекен*, доктор филологических наук, профессор, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. Scopus ID: 57193848072 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57193848072>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1423-0339>

10. *Синячкин Владимир Петрович*, доктор филологических наук, профессор, Российский универси-

тет дружбы народов, Москва, Россия. Scopus ID: 57192938803 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57192938803>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

11. *Сутжанов Сейфитден Назымбекович*, доктор филологических наук, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3819-1450>

12. *Токатова Людмила Ербулатовна*, кандидат филологических наук, доцент, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана, Павлодар, Казахстан. Scopus ID: 56127290800 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56127290800>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

Технический секретарь: Г.С. Салменова

Тематическая направленность журнала «Язык и литература: теория и практика»:
языкознание, литературоведение, методика преподавания языков в школе и вузе,
межкультурная коммуникация.

Периодичность: 4 номера в год. Язык публикуемых статей: казахский, русский, английский

© Павлодарский педагогический университет
имени Әлкей Марғұлан

LANGUAGE AND LITERATURE: THEORY AND PRACTICE

CERTIFICATE

about registration of a periodical print publication, an information agency and an online publication
№ KZ06VPY00046675
issued by the Ministry of Information and Public Development of the Republic of Kazakhstan
04.03.2022

EDITORIAL BOARD

Chief editor

Temirgazina Zifa Kakbaevna, Professor, Doctor of Philology, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. Scopus ID: 55776658000 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55776658000>), Web of Science Researcher ID AAC-7121-2020 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/AAC-7121-2020>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

Executive secretary

Garanina Yekaterina Petrovna, Candidate of Philological Sciences, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. Scopus ID: 56258135800 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56258135800>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Members of the international editorial board:

1. *Abisheva Saule Zhunusovna*, Professor, Doctor of Philology, Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Almaty, Kazakhstan. Scopus ID: 55801544900 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55801544900>), Web of Science ResearcherID: AAJ-1094-2021 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/2238472>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4497-0805>

2. *Agmanova Atirkul Egemberdievna*, Professor, Doctor of Philology, L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. Scopus ID: 56223933300 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56223933300>), Web of Science ResearcherID: E-5676-2015 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/1716154>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0222-2304>

3. *Andryushchenko Olga Konstantinovna*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. Scopus ID: 56016816000 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56016816000>), Web of Science ResearcherID: ADB-6737-2022 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/3081175>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>

4. *Ergaliev Kuanysh Sovetovich*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. Scopus ID: 56263071700 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56263071700>)

5. *Zharkynbekova Sholpan Kuzarovna*, Professor, Doctor of Philology, L. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan. Scopus ID: 55446258300 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=55446258300>), Web of Science ResearcherID: P-3739-2014 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/1696263>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4160-6215>

6. *Luczyk Malgorzata*, hab. Doctor of Science, Professor, Zelenogursky University, Zielona Góra, Poland. Scopus ID: 57216740660 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57216740660>)

7. *Nikolaenko Sergey Vladimirovich*, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vitebsk State University named after P.M. Masherova, Vitebsk, Belarus. Scopus ID: 57208782361 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57208782361>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7749-6671>

8. *Osokina Svetlana Anatolyevna*, Doctor of Philology, Altai State University, Barnaul, Russia. Scopus ID: 57207456758 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57207456758>), Web of Science ResearcherID: AAO-6543-2020 (<https://www.webofscience.com/wos/author/record/2007473>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9480-1364>

9. *Sagyndykuly Beken*, Doctor of Philology, Professor, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. Scopus ID: 57193848072 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57193848072>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1423-0339>

10. *Sinyachkin Vladimir Petrovich*, Doctor of Philology, Professor, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia. Scopus ID: 57192938803 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57192938803>)

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3399-7364>

11. *Sutzhanov Seyfitden Nazymbekuly*, Doctor of Philology, Professor, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3819-1450>

12. *Tokatova Lyudmila Erbulatovna*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. Scopus ID: 56127290800 (<https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=56127290800>). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8282-1096>

Technical secretary: G.S. Salmenova

Thematic focus of the journal «Language and Literature: Theory and Practice»:
linguistics, literary studies, methods of teaching languages at school and university,
intercultural communication.

Frequency: 4 issues per year. The language of published articles: Kazakh, Russian, English

© Pavlodar pedagogical university named
after Alkey Margulan

МАЗМҰНЫ. СОДЕРЖАНИЕ. CONTENT

1 Бөлім. Тіл білімі және әдебиеттану
Раздел 1. Языкознание и литературоведение
Section 1. Linguistics and literary studies

О.К. Андрищенко, Г.К. Абзудинова

Мировоззренческие и философско-нравственные особенности романа Р.Ш. Сейсенбаева
«Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам»..... 9-16

А.К. Каиржанов, Р.О. Туксайтова, Г.А. Кукенова

Мировоззренческие парадигмы культуры древних тюрков и восточных славян 17-33

А.Д. Тезекбаев

Роль третьего лица в художественном тексте: прагмалингвистический аспект 34-44

В.И. Хомяков, Е.П. Гаранина

Образ ребёнка в литературе ужасов (на материале сборника Д. Бобылевой
«Забытый человек»)..... 45-56

2 Бөлім. Тілдерді оқыту әдістемесі
Раздел 2. Методика преподавания языков
Section 2. Methods of teaching languages

В.К. Vasic

Formation of language: psychological and pedagogical aspects 57-69

Б.Ш. Құралқанова, Э.Ж. Мажина

Көркем мәтіннің теориялық ерекшеліктері..... 70-76

G.N. Starchenko, Zh.K. Shirokova

The ways for forming students' speech competence
In the lessons of russian as foreign and a foreign language..... 77-85

3 Бөлім. Хроника. Оқиғалар. Тұлғалар
Раздел 3. Хроника. События. Персоналии
Section 3. Chronicle. Events. Personalities

А.Е. Агманова

Валентина Дмитриевна Нарожная (к 70-летию со дня рождения) 86-88

1 БӨЛІМ.
ТІЛ БІЛІМІ ЖӘНЕ ӘДЕБИЕТТАНУ

РАЗДЕЛ 1.
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

SECTION 1.
LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

МРНТИ 17.09.91

[DOI:10.52301/2957-5567-2023-4-6-14](https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-6-14)

УДК 82-3

О.К. Андрющенко

*Павлодарский педагогический университет им. Әлкей Марғұлан,
Павлодар, Қазақстан*

 <https://orcid.org/0000-0003-4269-95881>

Г.К. Абзудинова

*Павлодарский педагогический университет им. Әлкей Марғұлан,
Павлодар, Қазақстан*

 <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>
e-mail: guleke160265@mail.ru

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
И ФИЛОСОФСКО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РОМАНА Р.Ш. СЕЙСЕНБАЕВА «ОТЧАЯНИЕ,
ИЛИ МЕРТВЫЕ БРОДЯТ ПО ПЕСКАМ»**

Аннотация. В статье рассматриваются мировоззренческие и философско-нравственные особенности романа Р.Ш. Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам». Важную идейно-философскую роль играют эпиграфы, которые предваряют роман в целом и каждую его часть. В эпиграфах обозначается главная проблема романа – обмеление Аральского моря, потеря воды – величайшего в мире богатства. В зависимости от отношения к экологической катастрофе Синеморья автор характеризует литературные персонажи. Также рассматривается проблема нравственности как важнейшая философская проблема выживания человека и природы, их совместного сосуществования на земле. Основная философско-мировоззренческая идея романа – истинная человечность, которая объединяет человека со всем живущим на земле, со всей природой.

Ключевые слова: Роллан Сейсенбаев, философский роман, нравственная проблема, экологическая катастрофа, эпиграф.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 27.06.2023.

Дата принятия к публикации: 26.08.2023.

Введение

В романе Роллана Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам» рассматривается проблема нравственности как важнейшая философская проблема выживания человека и природы, их совместного сосуществования на Ремле. Основная философско-мировоззренческая идея романа: истинная человечность не выделяет, а объединяет человека со всем живущим на земле – с животным и растительным миром – со всей природой. Вся идейно-художественная и структурная сложность произведения связана воедино общими творческими принципами романа как произведения философской прозы (Мейрамгалиева, 2013, с.38). М.Н. Mitias детально осветил жанровые особенности философского романа в современной литературе (Mitias, 2022, с. 11–13). Вряд ли сам Роллан Сейсенбаев сознательно ставил цель написать роман, выдержанный в стилистике и правилах философского диспута. Скорее, сама масштабность волновавших его коллизий «ДОБРО И ЗЛО», «ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ» привела повествование к подобной жанровой определенности.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования выступает текст романа Роллана Шакиновича Сейсенбаева «Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам», а также его отдельные элементы: заглавие, эпиграфы к главам и т.д. Кроме общенаучных методов наблюдения, анализа, обобщения, в статье используются специальные методы: текстологический анализ, историко-литературный метод, жанровый анализ.

С помощью текстологического анализа мы установили взаимосвязь между эпиграфами и идейно-художественным содержанием глав романа. Жанровый анализ позволил определить своеобразие философского романа Сейсенбаева, уточнить жанрообразующие признаки произведения. Исторический контекст создания романа проанализирован с помощью историко-литературного метода.

Результаты и обсуждение

Важную идейно-философскую роль играют в романе «Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам» эпиграфы, которые предваряют роман в целом и каждую часть. В начале романа эпиграф взят у Антуана де Сент-Экзюпери: *«30-е годы XX века. ... Вода! ... Ты – величайшее в мире богатство, но и самое непрочное в мире – ты, столь чистая в недрах земли. Можно умереть подле источника, если в твоей прозрачности есть хотя бы маленькая примесь магния. Можно умереть у твоего озера – если оно солончаковое. И даже утренняя роса становится ядовитой, если есть в ней соль. Ты не терпишь примесей, не выносишь ничего чужеродного, ты божество, которое так легко спугнуть. Но то простое счастье, которое ты даешь, – бесконечно»* (Сейсенбаев, 1991, с.4). В эпиграфе обозначается главная проблема романа – обмеление Аральского моря, т.е. потеря воды – величайшего в мире богатства

Роман состоит из 4-х частей. Перед первой частью романа Роллан Сейсенбаев также использует эпиграфы, которые не требуют комментария:

«Уже много лет не так текут прошлогодние воды – море высохло, а берег стал пустыней.

Египетское поучение Анн к своему сыну Кхонсухотеу, XX в. до н.э.)

«Жди каждый день какой-нибудь беды от людей.

Трагическое послание: Сенека – Луцилию, около IV века до н.э.».

Первая часть романа отличается некоторой декларативностью стиля, символической обобщенностью отдельных сцен. Здесь прямо сформулированы основные идеи романа, которые автор далее воплощает, пользуясь художественной образностью, типическими характерами, сюжетом, композицией и другими образными средствами.

Фабульную основу произведения составляют воспоминания старого рыбака Насыра, пережившего голодомор 1930-х годов и вторую мировую войну. Завязка романа – его размышления о прожитой жизни: *«Плохо и мало спится человеку на старости лет, беспокоят воспоминания. Приходят из прожитой жизни и ворошат память тяжелые, трудные годы...»* (Сейсенбаев, 1991, с.12). Повествование об Аральском море писатель предваряет эпизодом, в котором Насыр читает газеты. Это своеобразный публицистический этюд о последних новостях в мире: *«Поздно вечером, когда Насыр остался один, он долго просматривал ворох газет за последние дни. Утешительного в них для него было мало, напротив, сомнения и тревоги старого рыбака усилились... Ему казалось, что обезумел весь мир. Иначе как было уразуметь то, что творится на земле. Гибнут обитатели моря. Около 75 процентов тюленей погибло за полгода в Северном море в результате вирусной эпидемии, вызывающей у животных сильное воспаление лёгких. Учёными отмечен интересный факт: акулы в отличие от других рыб никогда не болеют раком. Дело в том, что в их хрящах содержится вещество, препятствующее развитию этой страшной болезни. Настоящим бедствием для морских млекопитающих и птиц стали пластмассовые отходы, попадающие в море. Пытаясь проглотить кусок пластмассы или запутавшись в пластмассовых сетях, животные погибают...»* (Сейсенбаев, 1991, с.52).

Затем писатель переходит к описанию внутреннего состояния Насыра, которое продиктовано, с одной стороны, негативными новостями об экологических катастрофах в мировом океане, а с другой стороны, родное Аральское море успокаивает его и навеивает покой и радость. *«Не просто так остался Насыр на берегу моря. Обновленное, полноводное, оно призывало его к откровенному сердечному разговору. Насыр оглянулся, бросил взор на вечернее побережье: ласковый, нежный. Скоро он покроется зеленью. И хоть недолго век скудных, прибрежных цветов, но и их не будет суждено увидеть Насыру. Между тем потянул бодрящий северный ветер – море пошло рябью. Завтра он снова возьмёт с собой ребят и потянут они сеть – полную рыбы. «Что задумался, Насыр? Не печаль ли терзает тебя?» – спросило негромко море. «Нет печали в моём сердце. Оно не уставало радоваться все эти дни, радуется и сейчас. Решил отдохнуть на твоём берегу: только что с ребятами поставили сети...».* «Будут они полны, Насыр, не беспокойся. Уж тебя-то одарю я щедро. Ты вернул мне жизнь, вымолил у аллаха. Мне того вовек не забыть. Хоть сейчас тащи их – они уже полны» (Сейсенбаев, 1991, с.108–109).

Насыр разговаривает с морем как с живым существом. Этот диалог героя и моря является аллюзией пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Только здесь рыбак ничего не просит у природы – золотой рыбки и морской стихии, она сама дает ему необходимое пропитание. Рыбак выступает в романе не просителем, он равный партнер и близкий друг природы – морской стихии. Такими должны быть отноше-

ния человека и природы, считает Сейсенбаев. Не хищническими, эгоистическими, а равноправными, взаимообогащающими друг друга, эмоционально теплыми. Жизнь человека зависит от природы, а природа зависит от человека. Человек должен быть един с природой. Рыбак благодарит море: *«Знаю о твоей щедрости, спасибо. Мы всю жизнь прожили на твоём берегу – никогда нам не забыть о твоей доброте; никогда мы не бросим тебя по своей воле. Как бы далеко ни унесло человека от тебя, все свои помыслы он направляет на то, чтобы вернуться. Я расскажу тебе одну древнюю историю, да ты и сам ведь помнишь времена гуннов...»* Море перебило Насыра: *«А многие говорят, что это всего лишь легенда. Ты, я вижу, веришь в неё. Могу тебе поклясться – в этой легенде нет ни слова выдумки. Она вся – чистейшая правда! И я тому свидетель ...»* (Сейсенбаев, 1991, с.109).

Насыр выступает рупором философской идеи автора, это человек, которому доверяет автор и который пользуется безусловным нравственным авторитетом у окружающих. В описании его внешности Сейсенбаев подчеркивает признаки, свидетельствующие о его мудрости, силе, трудолюбию, открытости, немногословности: это *«был сильный, жилистый старик – в сущности, был он стариком без возраста. Только скуластое, смуглое лицо с печатью глубоких морщин говорило о том, что он уже долго живет на свете. Такие крепкие, будто бы полагающиеся только на свое натруженное тело и руки старики узнаются сразу. Живые глаза Насыра смотрели на окружающий мир, на людей открыто и независимо. Насыр был скуп на слова, замкнут и сосредоточен, как, впрочем, многие в здешних местах»* (Сейсенбаев, 1991, с.12–13).

Важно для автора и мастерство рассказчика, которым обладает Насыр и которое покоряет сельчан: *«Но если кому удавалось разговорить Насыра, он вдруг оказывался чудесным рассказчиком. Особенно хорошо Насыр пересказывал легенды и предания. Неожиданно в голосе его, в интонациях появлялась мудрость, величавость. Старинные, давно вышедшие из употребления слова звучали загадочно, с тем оттенком превосходства над нынешними словами, который в точности определял меру неприязни старика к ним»* (Сейсенбаев, 1991, с.12–13).

Еще один герой романа Сейсенбаева русский ученый Славиков, защитник интересов казахского Синеморья, говорит о природе: *«Природа не делает ошибок»*. Он восстает против плана строить Каракумский канал, который должен отобрать воду у двух рек – Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи на орошение рисовых и хлопковых полей. Арал, который будет от этого мелеть и погибать, должны будут наполнить северные реки Обь и Иртыш, которые необходимо повернуть на юг. Славиков считает этот проект нарушением законов природы, вмешательством в ее естественный ход. Единение человека с природой, с морем должно стать законом жизни на земле. Извечная борьба человека и природы приведет к взаимоуничтожению: *«Правы были старики – уж они-то познали жизнь, – когда говорили, что, уничтожая природу, человек сам себя приговаривает к смерти. Знали они, знали...»* (Сейсенбаев, 1991, с.19).

Вторая часть романа начинается такими эпиграфами:

«Гибнет государство, когда перестают в нём отличать хороших людей от плохих.

Антисфен, IV век до н. э.

Что мне в том, что живёт общее, когда страдает личность? Что мне в том, что гений на земле живёт в небе, когда толпа валяется в грязи.

Из письма В.Г. Белинского В.П. Боткину в 1841 году ...

Все наши достоинство заключается в мысли. Будем же стараться мыслить правильно: это основа морали.

Блез Паскаль, XV век».

Эпиграфы первых двух частей романа подготавливают нас к философскому восприятию дальнейшего содержания романа: экологической катастрофы на Арале и нравственной проблемы хорошего – плохого, добра – зла.

Другой герой романа – Кахарман: *«Он хороший специалист, умеет точно рассчитать задание, найти оптимальный вариант во всём, чтобы ни делал... Что стало с Кахарманом, который говорил правду в глаза? Выжили его, пришлось оставить ему родное Синеморье. Вот что случается с людьми, которые за дело болеют душой»* (Сейсенбаев, 1991, с.24). Однако для автора прежде всего важна не характеристика Кахармана как руководителя нового времени, а его нравственная позиция в борьбе за сохранение Арала: *«Моя судьба, – сказал в тот вечер Кахарман, – давно переплелась с судьбою этого края, но жить здесь и каждый день видеть, как умирает море, – это всё равно, что медленно и мучительно умирать самому»* (Сейсенбаев, 1991, с.24). В образе Кахармана как бы сконцентрировались авторские размышления о современном человеке, о его нравственном долге. Не случайно автор наделяет героя сложной трудовой биографией: *«Ты думаешь, если сняли Кахармана с работы, так и жизнь остановилась? Всем нам дорого Синеморье, Есен. Долг каждого из нас – отдать морю всё доброе, что имеем. Учёба и знание ещё никому не вредили. А обо мне не беспокойтесь, я найду себе место. А вот морю... морю, наверно, трудно будет без меня. Ещё труднее»* (Сейсенбаев, 1991, с. 26).

Писатель не стремится представить Кахармана идеальным, у него есть человеческие слабости: он стал выпивать, чтобы «не умереть от ярости и тоски» (Сейсенбаев, 1991, с. 236). Внутренний конфликт героя: разделенность с морем, переживание за судьбу моря – стали причиной нравственных страданий героя. Его жизненная позиция: море нравственно и духовно обогащает людей, и они также должны отдавать ему долг доброты и заботы: *«Долг каждого из нас – отдать морю всё доброе, что имеем»*.

Автор рисует еще одну картину экологической катастрофы – обмеления Сыр-Дарьи, являющегося результатом бездумной разрушительной деятельности человека, строящего заводы, системы орошения: *«Молодой учитель географии стоял на берегу и с жалостью смотрел на реку. Да, она мелела. Там по всему верховью, из нее жадно сосут воду промышленные предприятия, воздвигнутые на берегах за последние годы. Вода ее уходила в песок, бесхозно выплескиваясь на огромные плантации хлопка и риса, разбросанные вдоль обеих ее берегов... Если так будет дальше, то скоро Сырдарья окажется испитой до дна. Однажды она не принесет свою воду морю – она умрет. Если умрет река, умрет и море. Если умрет море, умрут и рыбаки, и землепашцы, и животноводы, населяющие ее берега. Вымрут и аулы. Разбросанные по всему побережью. И дальше – смерть потянется к городам...»* (Сейсенбаев, 1991, с. 4–5). Люди не заглядывают вперед, в свое будущее и живут одним днем, вот о чем размышляет молодой учитель.

Заключение

В романе «Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам» писатель соединяет в одной картине движение народов, действия больших масс с переплетениями индивидуальных судеб, с мировоззренческими и нравственными исканиями отдельных людей. Каждый из этих элементов необходим, чтобы сложилась эпическая цельность философского романа. Множество переплетающихся сюжетов и сюжетных линий образуют общее движение романа (Синеморье, Зайсан, Балхаш, Афганистан, декабрьские события 1986 года в Казахстане, Москва и др.) и развитие его основной философской идеи – человек должен жить в гармонии с природой, брать у нее, но и отдавать ей добро. Эта идея находится в русле великих гуманистических и соприродных традиций номадизма как философии непротиворечивого события, со-жития с природой, как образа жизни, максимально сближенного с природой и зиждущегося на благоговейном отношении к ней.

Роллан Сейсенбаев принадлежит к числу писателей, который в высшей степени руководствуется общей философской идеей. В романе доминантная роль авторской мысли проявляется в сюжете и композиции произведения, которые несут в себе черты развернутого нравственно-философского спора на идеологически острые темы современности. Идея философских и нравственных рубежей, составляющая главную истину, ради которой развивается в романе интеллектуальная дискуссия, входит в мир интимных переживаний героев, и ею измеряет автор уровень духовного здоровья современного мира в целом.

В 2007 году В. Бадиков писал в «Литературной газете»: «Роман Роллана Сейсенбаева «Отчаяние» в 2002 году был переиздан под вторым названием «Мертвые бродят в песках», но чувство глубинного, почти вселенского отчаяния от этого в нем, конечно, не убавилось. Волю автора, сместившего акценты в заглавии, надо уважать. Читать роман нужно медленно, накапливая и анализируя свои впечатления и мысли, как это делал Г. Гачев при помощи дневника. Он и назвал свою статью – записи «Отчаяние Роллана Сейсенбаева», чутко уловив авторский лирико-публицистический пафос этого большого произведения» (Бадиков, 2007).

Молодые исследователи говорят о том, что художественное мировоззрение писателя сформировалось в переходный период – от советского мышления к постсоветскому, и в этом драматичность писательской судьбы Роллана Сейсенбаева: «Творческая судьба Р.Ш. Сейсенбаева сложилась благополучно, хотя жить и творить ему пришлось и приходится в период, полный противоречий», и потому, как подлинному писателю, ему «выпала нелегкая задача примирить внешнее показное процветание, победное шествие вперед и драматический распад, терзающий ум и сердце» (Салимжанова, 2001, с. 23).

В одном из своих интервью Роллан Сейсенбаев сказал: «Я уверен, что человек непобедим. Он оставляет за собой надежду. Ради этой надежды он и борется, чтобы земля оставалась обитаемой и живой – для будущих поколений. Только мало для этого делается, нужно гораздо больше. И я верю: народы мира будут делать больше» – так закончил свое интервью писатель» (Мейрамгалиева, 2013, с. 102).

Список использованной литературы

- Бадиков В.В. На переломе // Литературная газета. 31 октября 2007 г.
Мейрамгалиева Р.М. Типология и структура философского романа современной казахской литературы. Алматы: «Қазақ университеті», 2013.

Салимжанова Ш.О. Жанрово-стилевое своеобразие творчества Р.Ш. Сейсенбаева. Алматы, 2001.

Сейсенбаев Р.Ш. Отчаяние, или Мертвые бродят по пескам. Москва: Советский писатель, 1991.

Mitias M. H. The philosophical novel as a literary genre. Springer, Palgrave Macmillan Cham, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97385-8>

References

Badikov, V.V. (2007). Na perelome [At the break]. *Literaturnaya gazeta*. 31 oktyabrya. (in Russ.).

Meiramgalieva, R.M. (2013). *Tipologiya i struktura filosofskogo romana sovremennoy kazakhskoy literatury* [Typology and structure of the philosophical novel of modern Kazakh literature]. Almaty: «Kazak universiteti» (in Russ.).

Salimzhanova, Sh.O. (2001). *Zhanrovo-stilevoe svoeobrazie tvorchestva R.Sh. Seysenbaeva* [Genre and style originality of R.S. Seysenbaev's creativity]. Almaty (in Russ.).

Seysenbaev, R.Sh. (1991). *Otchayanie, ili Mertvye brodyat po peskam* [Despair or The Dead wander the sands]. Moskva: Sovetskiy pisatel (in Russ.).

Mitias, M. H. (2022). *The philosophical novel as a literary genre*. Springer, Palgrave Macmillan Cham. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-97385-8>

О.К. Андрющенко

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар, Қазақстан*

Г.К. Абзудинова

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар, Қазақстан*

Р. СЕЙСЕНБАЕВТЫҢ «ҮМІТСІЗДІК, НЕМЕСЕ АРУАҚТАР ҚҰМДАРДЫ КЕЗЕДІ» РОМАНЫНЫҢ ДҮНИЕТАНЫМДЫҚ ЖӘНЕ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ-АДАМГЕРШІЛІК ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа. Мақалада Р.Ш. Сейсенбаевтың «Үмітсіздік, немесе Аруақтар құмдарды кезеді» романының дүниетанымдық және философиялық-адамгершілік ерекшеліктері қарастырылады. Роман тұтастай және оның әрбір бөлігін алдын ала көрсететін эпиграфтар маңызды идеялық-философиялық рөл атқарады. Эпиграфтарда романның басты мәселесі – Арал теңізінің тайыздануы, әлемдегі ең ұлы байлық – судың жоғалуы көрсетілген. Синеморьенің экологиялық апатына қатысты автор әдеби кейіпкерлерді сипаттайды. Сондай-ақ, адамгершілік мәселесі адам мен табиғаттың тіршілік етуінің, олардың жерде бірге өмір сүруінің маңызды философиялық мәселесі ретінде қарастырылады. Романның негізгі философиялық-дүниетанымдық идеясы – адамды жер бетіндегі барлық тіршілермен, бүкіл табиғатпен біріктіретін шынайы адамгершілік.

Түйінді сөздер: Роллан Сейсенбаев, философиялық роман, адамгершілік мәселесі, экологиялық апат, эпиграф.

O.K. Andryuchshenko

Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Kazakhstan

G.K. Abzuldinova

Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Kazakhstan

**IDEOLOGICAL AND PHILOSOPHICAL AND MORAL FEATURES
OF R. SEYSENBAEV'S NOVEL «DESPAIR, OR THE DEAD WANDER THROUGH
THE SANDS»**

Abstract. The article deals with world outlook and philosophical and moral features of R. Seysenbaev's novel "Despair, or the Dead Wander Through the Sands". An important ideological and philosophical role is played by the epigraphs that preface the novel as a whole and each part of it. In epigraphs, the main problem of the novel is the shallowing of the Aral Sea, the loss of water – the greatest wealth in the world. The author characterizes literary characters depending on their attitudes towards the ecological disaster of Sinemorye. It also considers the problem of morality as the most important philosophical problem of survival of man and nature, their joint coexistence on earth. The main philosophical and ideological idea of the novel is true humanity, which unites man with all living things on earth, with all nature.

Keywords: Rollan Seysenbaev, philosophical novel, moral problem, ecological catastrophe, epigraph.

Вклад авторов

Андрющенко О.К. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание – обзор и редактирование.

Абзулдинова Г.К. – методология, формальный анализ, роли/письмо – первоначальный проект, написание.

А.К. Каиржанов*ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0002-5940-7433>**Р.О. Туксайтова***Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Астана,
Республика Казахстан***Г.А. Кукенова***Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина,
Астана, Республика Казахстан*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ И ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Аннотация. В статье исследуется процесс длительного и постоянного контакта древнеславянской и тюркской этнической группы людей, который привел к некоторому сдвигу культурной парадигмы обоих контактирующих народов. Однако глубинные ценностные парадигмы культуры у обеих групп этносов сохранялись в течение длительного времени. В сопоставительном аспекте рассмотрены эквивалентные мировоззренческие идеи (мифологемы, обозначающие солярные, лунарные и другие символы) древнейшей поры, с одной стороны, в сравнении с исконными славянскими языческими божествами, с другой стороны, с древнейшими наименованиями мифологических божеств, присущими древним тюркам. В результате применения методов и приемов аккультурации мы выявили исконные ценности культур обеих суперэтнических групп, которые не подверглись существенным изменениям и трансформациям. Некоторые культурные парадигмы в мировоззрении подверглись определенным сдвигам на ментальном уровне. В результате этого процесса произошла ломка функционального единства у обоих контактирующихся этносов, затем в течение определенного времени установился новый баланс, который отразился, прежде всего, в мировоззрении обоих этносов. Произошло эквивалентное семантическое сходство в некоторых солярных и лунарных языческих божествах в сравниваемых культурах. Мы определили, что некоторые рефлексы и рудименты былых отношений сохранились в обычаях и поверьях культур.

Ключевые слова: аккультурация, славянский и тюркский суперэтносы, двоеверие, троеверие, солярные символы, лунарные символы.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 31.06.2023

Дата принятия к публикации: 22.08.2023

Введение

Актуальность исследования заключается в том, что мы подвергаем исследованию мифологемы, обозначающие солярные, лунарные и другие символы древних

тюрков и славян. Для исследования используем метод аккультурации, который понимается так: при длительном и постоянном контакте одной этнической группы индивидов с другой происходит процесс, изменяющий культурные парадигмы обеих групп. Именно это явление Франц Боас и Маргарет Мид назвали аккультурацией (Боас, 1926; 1997; Мид, 1988). Затем исследование процессов аккультурации продолжили в начале XX века американские культурные антропологи М. Херсковиц и другие (Herskovits, 1967). В начале XXI века эту методологию применил Дж. Берри в проекте MIRIPS (Multicultural Ideology in Plural Societies) (Berry, 1992; 1997). Дж. Берри сумел выделить разные переменные, характеризующие аккультурацию. Переменные были разделены на три этапа взаимодействия культур: 1) условия аккультурации, 2) аккультурационные ориентации и 3) результаты аккультурации. Условиями аккультурации являются базовые установки, то есть определяются основные характеристики принимающего общества. Аккультурационные ориентации – это медленное структурирование процесса аккультурации, с одной стороны, сохранение ключевых аспектов собственной этнической культуры, с другой, медленный процесс усвоения и принятия ключевых аспектов другой этнической культуры. Результатом аккультурации может быть степень успеха процесса аккультурации: успешное усвоение и новых черт другой культуры, что представляет собой зависимой переменной. В течение длительного и постоянного контакта появляется новый тип культуры, проявляющейся в определенной сфере ситуации.

Однако конечным результатом процесса взаимодействия является инкультурация – человек может стать компетентным в культуре: освоить язык, ритуалы, познать ценности чужой культуры, приобрести новые для него поведенческие стереотипы. Инкультурация невозможна без социализации – это два процесса, протекающие одновременно и подвержены синергии, так как без вхождения в чужую культуру человек не сможет адаптироваться как член суперэтнического объединения (Herskovits, 1997). Мы рассматриваем второй этап инкультурации, именно здесь происходят явления инновации. Однако этот процесс может быть и дискретным, это касается отдельных фрагментов во время усвоения элементов другой культуры. Такое усвоение будет успешным, если эти фрагменты случайно совпадут с его собственными представлениями культуры. Иначе говоря, возникает возможность для индивида, в которой те или иные принципы принимаемой культуры либо усваиваются, либо отбрасываются, если они не совпадают с его устоявшимися парадигмами культуры. Мы в нашем исследовании сталкиваемся с такими вопросами, почему, например, оказались эквиполентными по своему содержанию многие обозначения солярных, либо лунарных символов восточных славян и древних тюрков. Можно только предполагать, что развитие отдельной личности в этом процессе взаимодействия достигается при помощи специфичной для обеих культур социализации, включенной параллельно в общую инкультурацию (Berry, 1992). В этом случае можно воспользоваться наработками ученых, которые выдвинули идею о групповой культурной трансмиссии (Мид, 1988), которая вобрала в себя и процессы инкультурации, и процессы социализации. Формируется механизм, с помощью которого одна этническая группа, находясь в состоянии рефлексии в структуре «нового баланса», может передавать усвоенные стереотипы культуры последующим поколениям. В этом случае некоторые концепты, содержащие исследуемые символы, начинают отражаться в письменных памятниках, и их рудиментарные особен-

ности можно обнаружить в фольклорных образцах. Что касается аспектов мировоззрения, то, по-видимому, здесь наблюдается некий вертикальный процесс, когда культурные ценности, верования передавались от одного поколения к другому.

Другая трудность для исследования заключается в том, что мы, пытаясь преодолеть аберрацию дальности событий, осмысливаем то, что две совершенно разные этнические группы людей оказались в одном и том же вмещающем и кормящем ландшафте. И каждый член этих групп начинает устанавливать свою собственную культурную дистанцию. И как же тогда протекает процесс адаптации? По-видимому, в процессе интеграции, когда каждая из взаимодействующих групп, стремясь сохранить свою доминанту культуры, вдруг одновременно оба этноса начинают устанавливать тесные контакты между собой. Вот здесь и начинается процесс усвоения черт чужой культуры (Berry, 1997).

Отталкиваясь от изложенных выше идей, мы выдвигаем цель нашей работы: рассмотреть культурно-исторические связи и взаимоотношения в области древних форм мифологии – эквиполентных сходствах солярных и лунарных символов между восточными славянами и древними тюрками.

Важность и трудность предпринимаемого исследования заключается в том, что мировоззренческие сходства / различия некоторых черт культуры между разными народами древнейшей поры изучались многими учеными попутно. В настоящее время нет современной специальной работы, посвященной исследованию аккумуляционных процессов двоеверия или троеверия восточных славян, и главное, как эти воззрения могли оказывать влияние на своих соседей и как происходил ментальный сдвиг у контактирующих этносов в раннем Средневековье (Толстой, Толстая, 1978; Клёсов, Пензев, 2015; Иордан, 1997; Гаврилов, 2002; Топорков, 1984). Проблемы «двоеверия» изучались известными учеными. Так, «двоеверие» понималось, с одной стороны, как мирное сосуществование христианства и отголосков язычества, с другой, понимали, что существовало наличие противостояния между старой и новой верой. Так, язычество нельзя считать чем-то неразвитым по сравнению с христианской верой, так как и оно удовлетворяло потребности верить и в последующем своем развитии оно почти приблизилось к некоторым чертам монотеизма (Лотман, 1970). Поэтому утверждалось, что возникло такое понятие свойственности в славянской культуре (Успенский, 1984; Левин, 2004). В некоторых трудах предидировалась мысль, что народ, принимая христианство, не отказывался от своих языческих убеждений. Между христианством и язычеством не было вражды, определялось несколько уровней взаимодействия между ними (Obolensky, 1982). Однако сегодня мы не имеем каких-либо специальных трудов о взаимодействии славян с другими языческими тюркскими народами.

Однако, благодаря археологическим разысканиям, мы обнаруживаем, что у древних славян и у древних тюрков были близкие по изображению солярные петроглифы, которые использовались в быту, часто с сакральной целью и служили в качестве оберега или амулета. Солярные символы: «свастика», круг, внутри которого помещен крест, круг, внутри которого несколько кругов, и их петроглифы были обнаружены в Восточном Туркестане (Су бей Хай, 1994, с.159, 177, 183, 289, 329–330, 344). Эти петроглифы передают по форме движение Солнца. Древние славяне называли такую свастику словом «Солнцеворот», что означало движение Солнца. Сегодня эти символы сохранились в орнаментах одежды, наносят их на деревянную

и глиняную посуду и их изображение можно обнаружить в узорах их жилищ. Еще в древнейшую эпоху этот солярный символ был идентичен и у древних славян, и у древних тюрков. Он олицетворял свет и тепло. Кроме того, обозначал Вселенную и был символом животворящего начала всего сущего на земле.

Однако специальных трудов, посвященных идентичным изображениям солярных или лунарных символов, сегодня нет. Мы можем привести в этом плане обзор современного проекта «Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане» (И.А. Невская, К. Шёнинг) на базе Свободного университета г. Берлин и Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева г. Астана. Опираясь на социолингвистические данные, они пытались исследовать результаты аккультурационных явлений, происходившие между тюркскими и славянскими народами во время их длительного контакта и постоянного обитания на одной и той же территории. Были выявлены процессы становления «нового баланса» у этих народов, что отразилось не только в изменении некоторых парадигм в культуре, но также были усвоены новые знания с помощью изучения языка друг друга. Однако ценностные ориентации у них не претерпели никаких изменений (Невская, Тажибаева, 1984, с.19-34).

Таким образом, каждая культура имеет свое самобытное, основанное на определенном историческом развитии «функциональное единство» (Herskovits, 1997). Однако в процессе аккультурации это единство нарушается и только спустя некоторое время устанавливается «новый баланс» культуры. Мы пытаемся исследовать, как происходило становление «нового баланса» у рассматриваемых этносов.

Материал и методы

Для реализации нашей цели мы придерживаемся принципов конкретности и системности, историзма и опоры на исторические нарративные источники (Степанов, 2009; Richards, 1950; Каиржанов, 2018). Нами привлечены методы культурной антропологии, в частности, метод аккультурации. Кроме этого, мы используем методы семантического описания и исторического познания: диахронический анализ нарративных источников, приемы герменевтики и некоторые приемы сравнительно-исторического языкознания.

В основе исследования находится этнографический материал, эксцерпированный из памятников древнерусской и древнетюркской письменности, а также мы привлекаем археологические данные для того, чтобы выявить и описать взаимоотношения этнических групп с целью определения, каким образом совпали некоторые мировоззренческие парадигмы культуры в области солярных и лунарных символов. Именно эта методология позволяет открыть проблемы не только в теории культуры, но и определить, как происходили ментальные сдвиги у контактирующих этносов. В результате мы фиксируем, каким образом устанавливался «новый баланс» у этносов в результате постоянного и длительного сосуществования на одной и той же территории. Аккультурация протекает и в синергетическом процессе, когда конкретные носители одной культуры знакомятся с новыми культурными условиями и овладевают этими новыми навыками в результате общения (Kairzhanov, et al., 2020). Такой процесс аккультурации воспринимается и как метод, когда появляются новые приобретенные коммуникативные способности в структуре новой для них культуре.

Кроме того, мы используем некоторые приемы герменевтики для того, чтобы интерпретировать значения в исследуемых солярных и лунарных символах в структуре дискурса в памятниках письменности древнерусского и древнетюркского языков, и определить историческую подоплеку подлинных исторических событий, возникшие между контактирующими этносами. Именно эта историческая подоплека находилась на стыке между смыслом, следующим из внутренней организации дискурса, и референтом, отсылающим к экстралингвистическим факторам (Koselleck, 1997). Однако в этих отношениях возникают новые положения, что необходимо обратить внимание на рефлексию второго уровня относительно обусловленности самого дискурса, например, в контексте эпитафии «Памятника в честь Кюльтегина» как текста исторического описания событий, связанных с определенными носителями сакральных идей (Ricoeur, 2000). При таком подходе у исследователя возникает когнитивная эмпатия, базирующаяся на интеллектуальных процессах, – сравнении, аналогии, позволяющие восстановить реальную картину тех или иных событий. В нашем исследовании мы попытаемся описать историю возникновения исследуемых символов применительно к верованиям восточных славян, сравнивая их с аналогичными верованиями древнетюркского этноса, и определяя их эквивалентные парадигмы в их культуре или их отсутствие.

Результаты и обсуждение

Подробными сведениями о том, как протекали события до 988 г. н.э. на территории евразийских степей, наука, к сожалению, не располагает (Ермаков, Гаврилов, 2010; Языческий пантеон, 2003; Свод... 1994; Толстой, 2003). Об их отношениях сохранились крайне дискретные свидетельства. Кроме того, абберация дальности ушедшего времени затрудняет в некоторой степени возможность раскрыть подлинные события, имевшие место между исследуемыми народами. Поэтому мы подвергаем анализу средневековые письменные источники и используем наработки материалов археологических разысканий. По мере необходимости прибегаем и к приемам интерполяции, которые помогают заполнить некоторые лакуны в процессе сложившейся аккумуляции. Мы понимаем, что некоторые обобщения гипотетичны, но, по-видимому, другого пути у нас нет: это объясняется тем, что сохранились отрывочные свидетельства в нарративных источниках, и в связи с этим привлекаем и материалы устного народного творчества.

Попробуем раскрыть подлинные взаимоотношения между древними тюрками и славянами. В традиционной ортодоксальной науке сложилось представление, что в Киевской Руси (исторически Киевский каганат) (Повесть временных лет... 1926) уже в начале X века сложилась система «двоеверия». Однако так ли было на самом деле? Н.И. Толстой и С.М. Толстая, выступая на VIII Международном съезде славистов, утверждали, что здесь уместно вести разговор не о «двоеверии», а о «троеверии»: «Средневековая и традиционная духовная культура у славян состояла из трех генетически различных компонентов: 1) христианства, связанного с церковной догматикой, привнесенного извне из греческой Византии (...); 2) язычества, унаследованного от праславянского периода, исконного для его носителей, и 3) «антихристианства» (...), чаще всего опять-таки язычества, но неславянского происхождения» (Толстой, Толстая, 1978, с. 366–367). Отметим, что первый и третий компоненты проникли в духовную сферу славян в процессе аккумуляции.

Рассмотрим более подробно третий компонент «троеверия», который является результатом изменившейся культурной парадигмы разных этнических образований, входивших в состав более крупного суперэтнического объединения в так называемое гуннское, да и в более позднее время.

Предшественниками гуннов были хунну (лат. *hunni*, согд. *hwn*, кит. *сюнну*) – это была степная родовая империя, состоявшаяся из 24 родов (220 г. до н.э. по II в. н.э.), которая активно вела войну против империи Хань (Ramstedt, 1937; Pritsak, 1959). Вначале II в. н.э. единое этническое поле хунну раскололось на две части: северные и южные хунну. Именно в это время северные хунну вынуждены были спастись от беспощадной орды сяньби (древних монголов). Их вождь, Таншихай с северо-востока, а с юга южные хунну (кстати, последние воевали с северными хунну на стороне поднебесной империи) нанесли поражение северянам. Мы считаем, что южные хунну не устояли перед обаянием китайской цивилизации, переняв у нее многое: произошел ментальный сдвиг, изменился, прежде всего, поведенческий стереотип и качественный быт человека. Северные хунну, пытавшиеся сохранить кочевническую культуру предков в первозданном виде, за три года, ведя кровопролитные арьергардные бои, преодолели более 3-х тысяч километров и оказались на западных склонах Алтая, позже – на юге Урала. На западных отрогах Алтая и в Минусинской котловине обитали кипчаки (китайцы их называли «динлинами»). Это были европеоиды особого кыпчакского ствола. На северо-западе современного Казахстана и на южных отрогах Урала обитали финно-угры (или угры-финны). Это были широколицые монголоиды. В этих условиях начался активный процесс метисации и ассимиляции. Новая популяция вышла на историческую арену во второй половине IV века н.э. (370 г.), когда зимой они сумели перейти реку Ра (Пьянков, 1997) и оказались в Восточной Европе. Они стали известны в исторической науке благодаря готскому историку Иордану и лангобардскому историку Павлу Диакону (Сказания Приска Панийского, 1861; *Diaconus Paulus*, 1858). Этноним «гунны» был введен в 1926 году К.А. Иностранцевым для различения азиатских и европейских хунну (см.: Гумилев, 1998). В сочинениях историка и дипломата Приска Панийского упоминается гунны под именем «унны» (Сказания Приска Панийского, 1861). Гунны сумели создать мощную конфедерацию племенных союзов – «эль», разгромив аланов, позже, герулов, бургундов, готов, оказались в Центральной Европе. Анализ нарративных источников позволяет нам утверждать, что в состав этой конфедерации вошли не только остготы, но и многочисленное славянское племя анты. По-видимому, с этого времени идет отсчет времени прямого и длительного контакта этих народов, а может быть и еще раньше, когда анты на рубеже двух эр находились на своей «первой» прародине в западных отрогах Тянь-Шаня (Гумилев, 1998), то есть сложились «первые» благоприятные условия для длительных и постоянных аккультурационных процессов.

Наряду с этими историческими явлениями были и другие условия - природные процессы биосферы, обозначенными В.И. Вернадским и Л.Н. Гумилевым как «пассионарная» энергия (Вернадский, 1965; Гумилев, 2001). Кроме того, необходимо было учесть и следующие существенные обстоятельства, связанными с различными природными факторами и социальным устройством древних кочевников: 1) образованием орды (лат. *ordus* – «порядок») – института раннефеодальной военнo-демократической организации; 2) изменившийся ландшафт диктовал свои жесткие

условия для успешного ведения экстенсивного кочевого скотоводства (возникали трудности с «тебенёвкой»). Именно в это время в течение 1–2 вв. н.э. в Евразийских степях наступила Великая засуха из-за резкого перемещения атлантических циклонов далеко на север. Перед ними стояла дилемма: обречь себя в этих условиях на жалкое существование и смерть либо продвинуться на Запад, чтобы выжить, а это было возможно, если победить сильных соседей и взять их земли силой оружия. Они выбрали второй путь (Гумилев, 1998). Этот путь оказался успешным, благодаря третьему компоненту – жесткой военной организации и вероисповеданию – тенгрианству, которое стало цементирующим фактором объединения многих этносов в одну суперэтническую целостность.

Давайте попробуем проследить пути аккультурации в сложившихся условиях, затем и в постгуннскую эпоху. Археологическими исследованиями установлено, что аборигены Южной Сибири приносили человеческие жертвы духам предков. А.П. Окладников приходит к следующему знаменательному выводу, что в глазковскую эпоху появился новый похоронный обряд, обусловленный идеей о существовании потустороннего мира, в который ведет река мертвых и в результате произошла замена старой обрядности на совершенно новый ритуал (Окладников, 1955, с.328). Исходя из анализа археологических материалов, мы считаем, что здесь лунная религия уступила свое место солнечному культу. Однако эта смена не означает аннигиляции старой сакральности, наоборот, возникла, по нашему мнению, новая дуалистическая система: *Тенгри (Голубое Небо) – отец – добро и Умай (Земля) – мать – смерть*. Мы считаем, что эта дуалистическая система сохранилась в последующих культурах славянских и тюркоязычных народов в качестве рудиментов, что отражается, прежде всего, в зеркале языка (Сперанский, 2006). Например, обнаруживаем эти рудименты в языке древних тюрков и кыпчаков (половцев, куманов) (Radloff, 1887; Жолдасбеков, Сарткожаулы, 2006). В Енисейских рунических памятниках письменности обнаруживаем высокую частотность следующей паремии: «Älim qanım sizä bökmädım, **kün-aï** ölürtım (Второй памятник из Кызыл-Чира) – *«Мое государство и мой хан, я вами не наслаждался, я не стал ощущать солнце и луну, увы!»* (Малов, 1952).

Отметим, что «солнце» как символ Тенгри обозначался при помощи «дисков» и «колец» с изображением точки в центре. Подобные изображения обнаружены в результате археологических работ в разных местах Евразии. Например, на территории Южной Сибири найдены многочисленные наскальные надписи с древнетюркскими рунами (Васильев, 2013). Сравните, например: надписи на костяных накладках лука, обнаруженные во время раскопок могилы недалеко у реки Усть-Оба. Эти надписи поясняют идеограмму солярного символа, выполняющую функцию оберега воина: «eg atı (...): ilän jalıus Täŋ(ri) – Господствуй (...), единственное Небо (Täŋri)» (Васильев, 2013, с.242). Этот символ Тенгри по своему содержанию является эквивалентной шумерской клинописи [UD], обозначающей «яркий; белый; восходящее солнце» (Гудава, с.20). Так, крестом и кругом древние обитатели Алтая (Минусинской котловины) изображали вечное движение, они являли собой солярные символы «Бога-Солнца», которые в дальнейшей эволюции превратились в символ Тенгри. Круг, круг с точкой в середине или изображения креста ставились на оружиях или высекались на скалах. Они являлись, во-первых, составными элементами оберегов того или иного тюркского племени, рода, во-вторых, это были

тамги определенного тюркского рода, которые выбивались на камнях в меридианном направлении и несли только possessивную семантику. Многие из них являются тамгой некоторых кыпчакских родов, которые оставили заметный след в истории Великой степи (Клёсов, Пензев, 2015).

Тенгри приносили в жертву белого оленя (или белого коня в оленьей маске), чтобы половая потенция жертвенного животного перешла верховному божеству, обладающему мощной космической энергией. Ведь опоздавшему с жертвоприношением сообществу Тенгри насылает на Землю (Умай) засуху, голод и смерть. Свидетельства об этой солярной религии мы обнаруживаем у Геродота, который указывал, что «Из богов [скифы (последние исследования показывают, что гипотеза В.И. Абаева не выдерживает критики, на самом деле этноним «скифы» вбирает в себя не только ираноязычные этносы, но и другие народы, в том числе и прототюркские племена (Аманжолов, 1959))] чтят только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» (Геродот, 2003). Мы считаем, что подлинный смысл, конечно, в другом. Приносят в жертву не любую лошадь, а белого жеребца, так как Солнце – это не просто дневное светило, а Бог-Тенгри, по-славянски – Белобог, дающий жизнь, это его суть. Он податель жизни, обладающий космической потенцией для этого. Сравните значение рунической лексемы *sīq* ('оплодотворяющий самец') (олень, белый жеребец), иссеченной на поверхности костяной бляшки (курган вблизи села Бобровое Восточно-Казахстанской области). Вероятно, уже в позднюю прототюркскую эпоху жертвенный белый Олень был заменён на белого коня-производителя. Ареал распространения ираноязычных, славянских и тюркских скифов можно представить следующим образом: северное нагорье современного Ирана, бассейн рек Окса и Яксарта, Притяньшанье, Памир и Алтай, Северное Причерноморье и Крым.

Следы общей сакральности древних тюрков и других народов обнаруживаем в Минусинской котловине Алтая. Это древнейшие наскальные рисунки и рунические к ним надписи (Васильев, 2013). Некоторые одиночные надписи датируются первым тысячелетием до н.э. Мы предлагаем свое прочтение одной рунической надписи и сцены облавной охоты на одном камне с синеватым отливом: сцена охоты на оленей, где два всадника с обеих сторон окружают кольцом четырех оленей. На переднем плане изображена смертельно раненая стрелой олениха, другая поражена копьем. Двум оленям самцам удается прорвать кольцо окружения, они мчатся по дороге и, по-видимому, угодят в расставленные сети и будут преданы в жертву Богу-Солнцу. Обратите внимание на руническую надпись к этой сцене:

ГОНМІУ◇

Транскрипция с транслитерацией: [m^h sīq j^ol] (перевод авторов).

Эта надпись нами исследована, и мы ее относим к рубежу двух эр. Она демонстрирует нам, что в это время язык одного из пратюркских диалектов мог находиться на инкорпорирующем уровне своей эволюции. Об этом свидетельствует буквальный перевод этой надписи: «Бег + олень + дорога», что означает «Бегущие олени по дороге» (Васильев, 2013; Каиржанов, 2018).

Перманентная борьба и поочередная победа светлых и темных сил природы наиболее зримо отражается в древнейших представлениях славян о круговороте времен года. Сравните, например, тюркскую печать «Баба-Аты», по окружности

которой изображены 12 животных, служащих символами двенадцатилетнего цикла. Бога-Солнце славяне называли Купала, Ярило и Кострома (Кирчук, 2005). В день весеннего равноденствия водили хоровод, имитируя круговое движение Солнца. При археологических раскопках найдены и идентифицированы сосуды, использовавшиеся для обрядов, проводившихся у родников и связанных с богиней-девой, покровительницей плодородия. Сравните, древнетюркское женское плодородное начало – богиню Умай, символизирующая плодородие и тем самым вобравшая в себя концепт «биосферы».

Рудименты солярного символа обнаруживаем и в произведениях древнерусской литературы. Например, в «Слово о полку Игореве», где повествуется о затмении Солнца (Повесть временных лет, 1926). Мы также можем сравнить те места из «Памятника в честь Кюль-тегина», где Тенгри и Умай отказывают в помощи тюркским воинам, погрязшим в бесконечных междоусобных войнах (Каиржанов, 2018).

Сложно установить в какое время восточные славяне стали обозначать солярные божества именами **Дажьбогъ и Хорсь** (Толстой, 2003). На наш взгляд, Ф.Е. Корш и А.Л. Погодин были близки к истине в определении происхождения имени Дажьбогъ. Как известно, членами гуннской конфедерации были гунны, остготы, анты, поэтому мы считаем, что заимствование этого имени славянами произошло следующим образом. Ф.Е. Корш и А.Л. Погодин выводили первую часть этого слова из древнегерманского **dags* ('день') (см.: Корш, 1909). Сравните ирано-арийскую праформу **dāhas* ('пожар, жара'). Мы считаем, что первая часть этого слова является славянской семантической калькой с древнетюркской лексемы **Тенгри** (буквально обозначает 'дневное светило'), которая, в свою очередь, эквивалентна по форме и по содержанию шумерскому слову *Dingir*. В шумерском есть слово [𒌦 AN] 'небо, небеса; бог AN' (Гудава, с.10), по-видимому, в древнетюркской мифологии Тенгри объявлялось верховным божеством «Голубое Небо», то есть возникло совмещение солярного символа и свода небесного вообще. Однако М. Фасмер, И.Н. Данилевский, Вяч. Иванов и В.Н. Топоров склоняются к тому, что первая часть этого слова произошла из древнерусского повелительного наклонения глагола «дай» + богъ ('счастье, благосостояние') (Фасмер, 1967, с.482; Данилевский, 1998, с.169–170 и др.). Однако мнения вышеуказанных ученых, к сожалению, не убеждают нас по одной простой причине – германоязычное *dag-* в славянских языках дало **дажь**, что стало основой для образования этого имени (палатализация заднеязычного перед кратким гласным переднего образования). Мы считаем, что слово *Белобог* (Гаврилов, 2002) образовано благодаря семантическому калькированию слова *dag-*, которое, в свою очередь, через ирано-тюркское посредство образовано от шумерского термина: [𒌦 UTU (UD), DINGIR] 'солнце; свет; день; время; погода; шторм, буря (демон), солнце как божество' (Labat, Malbran-Labat, 1948; Kairzhanov, 2017). Поэтому *Белобог* и *Дажьбогъ* находятся в одном синонимическом ряду.

В представлениях древних людей человек осмысливался как потомок Солнца (Тенгри, «внуки Дажьбога»). Эта сакральная идея возникла еще в древнейшую эпоху, а затем она перешла к гуннам, тюркоязычным народам, славянам, остготам и др. Ведь в мифологии древних тюрков и славян люди появились в результате союза Солнца (Тенгри, Дажьбога) и Земли (Умай у древних тюрков, мать-сыра земля и богиня-дева у славян) (Топорков, 1984). Итак, языческие божества как и у древ-

них тюркоязычных народов, так и у славян обладали одной глобальной сутью и не могли иметь еще что-либо. Поэтому попытки этимологизирования этого имени, даже возводящие его к «Ригведе», сомнительны, потому что ведийские тексты были созданы тогда, когда долина Инда была уже захвачена воинственными арийскими кочевыми племенами. Аборигены долины Инда вынуждены были бежать к берегам Ганга, а пришельцы заложили ту основу, на которой и возникла сложная разветвленная ведийская сакральная доктрина. В доарийской цивилизации долины Инда была письменность, но, к сожалению, до сих пор их надписи на глиняных табличках и на цилиндрических печатях не дешифрованы (Варга Домокош, 1985).

Теперь, что касается славянского солярного символа Хорсь. Известно, что Хорсь (Хърсь) впервые упоминается в «Повести временных лет» ок. 980 г. Это божество было введено Никоном, который узнал о нем в Тмутаракани. В древнерусской традиции Хорсь стоит рядом с Дажьбогом. Мы считаем, что он связан не с солнцем, а с луной. Об этом свидетельствует отрывок из «Повести временных лет», где повествуется о князе Всеславе, который «(...) самъ въ ночь влькомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влькомъ путь прерыскаше» (Повесть временных лет, 1926).

Некоторые современные исследователи продолжают в этом вопросе традицию Вяч. Иванова и В.Н. Топорова (Иванов, Топоров, 1990). Так, И.Н. Данилевский считает, что Хорсь был сугубо природным, солнечным божеством, притом явно неславянского происхождения (Данилевский, 1998). Однако Хорсь восходит к арийской основе и означает 'сияющую луну', но не солнце. Мы, используя метод палиндрома, восстановили эволюцию этого слова: $\circ > \text{st-r}$ (иероглиф Изиды) $> \text{*st-'or} > \text{'or-st}$ (придыхательная гласная [o] в русском дало [h]) $> \text{hor-st}$, в русском языке *hors* (*kros*) обозначает 'крест'. Однако сравните древнетюркские надписи из Монгольского Алтая «Бага-Ойгор» обнаружены в 1995 году совместной российско-монгольско-американской экспедицией у истоков реки Кобдо: (приведем третью строку) «(e)š(i)t (a)j b(i)š(...) – услышь, месяц (луна)» (Васильев, 2013, с.228).

Это солярный символ луны, который восточные славяне заимствуют через арийское посредство у древних кочевников Великой Степи. Древние тюркоязычные народы, в свою очередь, заимствовали его у древних ирано-арийских племен путем семантического калькирования лексемы *xuršēt* ('сияющее солнце'). Сравните, например, параллель в шумерском языке, так, корневая морфема [𒌦𒀭 AR] обозначает 'светить; сиять' (Гудава, с.11). Итак, к евразийским арийским племенам эта идея, возможно, проникла из Древней Месопотамии. Вероятно, что в древности эту лексему использовали для обозначения лунного божества. Это было божество духов предков, которое впоследствии было смещено у древних тюрков богом Тенгри, а у славян Белобогом (Дажьбогом). Однако сочетание луны с солнцем сохранилось в Енисейских рунических памятниках письменности в устойчивом и высокоидиоматичном сочетании: *kün aī kōr* ('видеть солнце и луну', то есть 'жить'), либо 'не видеть солнце и луну', то есть 'умереть'.

Итак, нами были выявлены аккультурационные изменения в парадигме культуры между древними тюрками и восточными славянами, когда эти народы не были еще подвергнуты влиянием ни христианства, ни ислама. Мы попытались реконструировать исконные языческие верования, описывая солярные и лунарные божества, эксцерпируя их из письменных памятников и привлекая археологиче-

ские данные обоих суперэтнических образований. Мы проанализировали так называемый третий компонент: «троеверие», который сформировал «новый баланс» в результате ментального сдвига у контактирующих народов в структуре суперэтнического объединения. И в результате появилась эквиполентная мифологическая парадигма, что отражается в обозначении солярных и лунарных символов.

Таким образом, исследуя сакральные символы в тюркской и славянской мифологии, учитывая при этом лингвистические закономерности и экстралингвистические факторы, мы получили следующие результаты:

1. Аккультурационные процессы между исследуемыми народами возникли, с одной стороны, во время великого переселения народов на рубеже двух эр, с другой, в эпоху раннего и позднего Средневековья, что создало благоприятные или нейтральные (потребительские) условия для постоянного и длительного контакта.

2. В результате этого процесса появились условия для возникновения аккультурационной ориентации, когда древнетюркские мифологические представления стали свободно проникать в славянскую среду вначале под влиянием диффузии, а затем некоторые из этих представлений были освоены в результате процесса дисперсии. В то же время и славянские мифологемы также свободно усваивались представителями тюркских этносов. Однако исконные этнические ценности у обоих этносов не претерпели существенных трансформаций.

3. Результатом длительного аккультурационного процесса стала, оформившаяся эквиполентная мифологическая парадигма: «Небо (Täŋri, Сварогъ), Солнце (Kün-Aı, Белобог (Дажьбогъ), Хорсъ) – Земля (Umai, Är-Sub, Мать – сыра земля) – смерть (Эрклиг, Чернобог)».

Заключение

В результате проведенного исследования мы пришли к следующему заключению.

1. В течение длительного времени происходили продолжительные и постоянные контакты между древними тюрками и славянами. Для этого контакта возникали определенная положительная, либо нейтральная комплементарность, то есть создавались невраждебные условия для взаимодействия, что создавало определенные условия для аккультурационной ориентации. В конечном итоге появлялись эквиполентные аккультурационные результаты этого взаимодействия, определяющиеся в сдвиге некоторых парадигм культуры обоих этносов. Так, тенгрианство мифологического сознания проявило себя в различных образах: в мифологеме союза Неба и Земли. У древних славян Небо (Бог-Солнце) – это Белобог (Дажьбог), у древних тюркоязычных народов – Тенгри. Славянская «Мать-сыра земля» и тюркская Умай являлись в качестве женского плодоносящего начала, и эта Земля орошалась идущим от Тенгри (Белобога (Дажьбога)) дождем, и это явление воспринималось как акт переноса космической потенции верховного божества в производящее лоно Земли, за которым следует и жизнь, и смерть. Это сознание, на наш взгляд, демонстрировало, с одной стороны, антропоморфное единство природы и человека, находящегося в течение длительного времени во власти синкретического общественного мифологического сознания, с другой, в отношениях людей формировались такие изоморфные отношения, которые сплачивали племена в мощные союзы (эль), и позже, создавались великие конфедерации племенных союзов. Об-

разовавшаяся целостность на суперэтническом уровне, оформившись с помощью этой сакральности, пыталась решать, прежде всего, прагматические задачи: выход на историческую арену, расширяя ареал своего обитания. Поэтому поклонение Богу-Солнцу не только осмыслялось как источник энергии и жизни, но и в первую очередь приобретало великий мировоззренческий и прагматический смысл.

2. Результаты тысячелетней аккультурации, имевшее место между славянами и тюркоязычными народами, демонстрируют нам, что мировоззренческие парадигмы у них были эквиполентными (близкими, но имели определенные различия). Это продолжалось до тех пор, пока не произошло резкого поворота в их судьбах и истории – ориентация на новые сакральные системы, которая началась с 988 г. при Владимире I. При смене мировоззренческих парадигм отношения между исследуемыми народами в определенной степени стали оппозитивными. Это определялось тем, что в течение длительного времени тюркские этносы оставались в структуре тенгризма, а у восточных славян сформировалось троеверие, только рудименты язычества отражают эквиполентность в мироощущениях между исследуемыми народами.

3. Методы и приемы аккультурации в перспективе эффективны для исследования других проблем культур в процессе длительного и постоянного контакта этносов.

Список использованной литературы

- Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Ч. 1. Алма-Ата, 1959.
- Боас Ф. Ум первобытного человека / Перевод с англ. Москва, 1926.
- Боас Ф. Границы сравнительного метода в антропологии / Пер. Ю.С. Терентьева // Антология исследований культуры. Санкт-Петербург, 1997. Т.1. С. 509–527.
- Варга Домокош. Древний Восток: у начал истории письменности / Перевод с венгер. Будапешт, 1985.
- Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч.1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана, 2013. 268 с.
- Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. Москва, 1965. С.283–285.
- Гаврилов Д. Белобог против Чернобога. Один против Одина // Мифы и магия индоевропейцев. Москва, 2002. Вып.10. С.23–35.
- Геродот. Страна скифов. Алматы: «Кочевники», 2003.
- Гудава Т. До и после Библии. Шумеро-русский словарь. 244 с. URL: <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html> (дата обращения 22.09.2023).
- Гумилев Л.Н. История народа хунну / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи: в 2-х книгах. М., 1998.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Москва, 2001. 560 с.
- Данилевский И.Н. Языческие традиции и христианство в Древней Руси. 1998. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/dan_jaztrad.php (дата обращения 12.08.2023).
- Ермаков С. Э., Гаврилов Д. А. Ключи к исконному мировоззрению славян. Архетипы мифологического мышления. Москва: Ганга, 2010. 256 с.
- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. Астана, 2006. 360 с.
- Иванов Вяч., Топоров В.Н. Дажьбог // Мифологический словарь. Москва, 1990. С.169–170.

- Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. СПб., 1997.
- Каиржанов А. Лингвистическая методология. Астана, 2018. 112 с.
- Каиржанов А.К. Долгий путь познания древнетюркской литературы // *Palaeoturcica: Знак и семантика. Миф и культура*. Ростов-на-Дону, 2018. С.217–223.
- Кирчук И.И. Ярила-Купала. Минск, 2005.
- Клёсов А.А., Пензев К.А. Арийские народы на просторах Евразии. Москва: Книжный мир, 2015. 352 с.
- Корш Ф.Е. Слово о полку Игореве. Санкт-Петербург, 1909.
- Левин Ив. Двоеверие и народная религия в истории России / Перевод с англ. А.Л. Топоркова. Москва, 2004.
- Лотман Ю.М. Статьи по типологии культуры: материалы к курсу теории литературы. Вып. 1. Тарту, 1970.
- Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. Москва–Ленинград, 1952.
- Мид М. Культура и мир детства / Перевод с англ. Москва, 1988.
- Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Современная тюркология и международное сотрудничество на Евразийском пространстве // *Global-Turk. International Journal for Information and Analytics*. *Turkic Academy*, 2014, №1. P.19–34.
- Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч.III. Москва–Ленинград, 1955.
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Москва–Ленинград, 1926.
- Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Москва, 1997.
- Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. Москва, 1994. Т.1–2.
- Сказания Приска Панийского / Пер. С. Дестуниса // *Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии наук*. Кн.VIII. Вып.1. Санкт-Петербург, 1861.
- Сперанский Н.Н. Русское язычество и шаманизм. Москва, 2006. 608 с.
- Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. Изд. 7-е. Москва, 2009. 312 с.
- Су бей Хай. Синьцзянь яньхуа (Петроглифы Синьцзяна)/ на китайском яз. Урумчи, 1994.
- Толстой Н.И., Толстая С.М. К реконструкции древнеславянской духовной культуры: (лингвоэтнографический аспект) // *Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов*. Загреб-Любляна, сентябрь 1978 г. Москва, 1978. С. 364–385.
- Толстой Н.И. Язычество древних славян // Толстой Н.И. *Очерки славянского язычества*. Москва: Индрик, 2003.
- Топорков А.Л. Материалы по славянскому язычеству (культ матери – сырой земли в дер. Присно) // *Древнерусская литература: источниковедение*. Ленинград, 1984.
- Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. Москва, 1982. 245 с.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. Москва, 1967.
- Языческий пантеон. Москва: Эксмо, 2003. 432 с.
- Berry J.W. et al. *Cross-cultural psychology: Research and applications*. Cambridge, 1992.
- Berry J.W. *Immigration, acculturation and adaptation // Applied psychology: An international review*. 1997. Vol. 46. P.5–34.
- Diaconus Paulus. *Historia gentis Langobardorum, ... saec.6–9. Hannoverae*, 1878.
- Herskovits M.J. *Les bases de l'anthropologie culturelle*. Paris, 1967.
- Kairzhanov A. *Palaeoturcica: Sign and Semantics. Myth and Culture*. Kiev, 2017. 180 p.

- Kairzhanov A., et al. The synergistic justification of the Language system versus Aristotle's scientific picture // *Opcion. Año 36. Especial. №27. 2020. P. 1307-1323.*
- Koselleck R. *L'expérience de l'histoire.* Paris, 1997.
- Labat R., Malbran-Labat F. *Manuel D'épigraphie Akkadienne (Signes, Syllabaire, Idéogrammes).* Paris, 1948 (рукопись). 348 листов.
- Obolensky D.D. *The Byzantine Inheritance of Eastern Europe.* London, 1982.
- Pritsak O. XUN. *Der Volksname der Hsiung-nu // Central Asiatic Journal. 1959. №5. P.27–34.*
- Radloff W. *Codex Comanicus. St.-Petersbourg – Riga – Leipzig, 1887. 130 p.*
- Ramstedt M.G. *Über der Ursprung der Turkischen Sprache.* Helsinki, 1937. P.81–91.
- Richards I.A. *The Philosophy of Rhetoric.* New York, Oxford University Press, 1950. Vol. V, VI.
- Ricoeur P. *La memoire, l'histoire, l'oubli.* Paris, 2000.

References

- Amanzholov, S.A. (1959). *Voprosy dialektologii i istorii kazakhskogo yazyka* [Issues of dialectology and history of the Kazakh language]. Ch. 1. Alma-Ata. (in Russ.)
- Berry, J.W. et al. (1992). *Cross-cultural psychology: Research and applications.* Cambridge.
- Berry, J.W. (1997). Immigration, acculturation and adaptation. *Applied psychology: An international review* 46, 5–34.
- Boas, F. (1926). *Um pervobytnogo cheloveka* [The Mind of Primitive Man]. Pervod s angl. Moskva. (in Russ.)
- Boas, F. (1997). Granitsy sravnitel'nogo metoda v antropologii [Boundaries of the comparative method in anthropology]. Per. Yu.S. Terent'yeva. In *Antologiya issledovaniy kul'tury.* Sankt-Peterburg. Vol.1. P. 509–527. (in Russ.)
- Fasmer, M. (1967). *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. T.1. Moskva. (in Russ.)
- Danilevskiy, I.N. (1998). *Yazycheskiye traditsii i khristianstvo v Drevney Rusi* [Pagan traditions and Christianity in Ancient Rus']. Retrieved from https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/okkultizm/Article/dan_jaztrad.php (data obrashcheniya 12.08.2023). (in Russ.)
- Diaconus Paulus (1878). *Historia gentis Langobardorum, ... saec.6–9.* Hannoverae.
- Herskovits, M.J. (1967). *Les bases de l'anthropologie culturelle.* Paris. (in Fren.)
- Gavrilov, D. (2002). Belobog protiv Chernoboga. Odin protiv [Odina Belobog vs. Chernobog. One against Odin]. In *Mify i magiya indoyevropeytsev.* Moskva. Vyp.10. S.23–35. (in Russ.)
- Herodot (2003). *Strana skifov* [Country of the Scythians]. Almaty: izd. dom «Kochevniki». (in Russ.)
- Gudava, T. *Do i posle Biblii. Shumero-russkiy slovar'.* [Before and after the Bible. Sumerian-Russian dictionary]. 244 s. Retrieved 03 November 2023 from <http://www.netslova.ru/gudava/sumer/dictionary2.html> (in Russ.)
- Gumilev, L.N. (1998). *Istoriya naroda khunnu* [History of the Xiongnu people]. Sost. i red. A.I. Kurkchi: v 2-kh knigakh. Moskva. (in Russ.)
- Gumilev, L.N. (2001). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth]. Moskva. (in Russ.)
- Ivanov, Vyach. & V.N. Toporov (1990). Dazh'bog [Dazh'bog]. In *Mifologicheskij slovar'.* Moskva. P.169–170. (in Russ.)
- Iordan. (1997). *O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov* [About the origin and deeds of the Getae]. Vstupit. stat'ya, per., komment. Ye.Ch. Skrzhinskoy. SPb. (in Russ.)
- Kairzhanov, A. (2018). *Lingvisticheskaya metodologiya* [Linguistic methodology]. Astana. (in Russ.)

- Kairzhanov, A.K. (2018). Dolgiy put' poznaniya drevnetyurkskoy literatury [A long path to knowledge of ancient Turkic literature]. In *Palaeoturcica: Znak i semantika. Mif i kul'tura*. Rostov-na-Donu. P.217–223. (in Russ.)
- Kairzhanov, A. (2017). *Palaeoturcica: Sign and Semantics. Myth and Culture*. Kiev. (in Russ.)
- Kairzhanov, A., et al. (2020). The synergistic justification of the Language system versus Aristotle's scientific picture. *Opcion* 36. Especial 27, 1307-1323.
- Kirchuk, I.I. (2005). *Yarila-Kupala* [Yarila-Kupala]. Minsk. (in Russ.)
- Khay, Cu bey (1994). *Sin'tsyan' yan'khua (Petroglify Sin'tszyana)* [Xinjian yanhua (Petroglyphs of Xinjiang)]. Urumchi. (in Chin.)
- Klosov, A.A. & K.A. Penzev (2015). *Ariyskiye narody na prostorakh Yevrazii* [Aryan peoples in the vastness of Eurasia]. Moskva: Knizhnyy mir. (in Russ.)
- Korsh, F.Ye. (1909). *Slovo o polku Igoreve* [A word about Igor's regiment]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)
- Koselleck, R. (1997). *L'expérience de l'histoire*. Paris. (in Fren.)
- Labat, R. & F. Malbran-Labat (1948). *Manuel D'épigraphie Akkadienne (Signes, Syllabaire, Idéogrammes)*. Paris. (in Fren.)
- Levin, Iv. (2004). *Dvoyeveriye i narodnaya religiya v istorii Rossii* [Dual faith and folk religion in the history of Russia]. Perevod s angl. A.L. Toporkova. Moskva. (in Russ.)
- Lotman, Yu.M. (1970). *Stat'i po tipologii kul'tury: materialy k kursu teorii literatury* [Articles on the typology of culture: materials for the course on the theory of literature]. Vyp. 1. Tartu. (in Russ.)
- Malov, S.Ye. (1952). *Yeniseyskaya pis'mennost' tyurkov. Teksty i perevody* [Yenisei written language of the Turks]. Moskva–Leningrad. (in Russ.)
- Mid, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Perevod s angl. Moskva. (in Russ.)
- Nevskaya, I.A. & S.Zh. Tazhibayeva (2014). *Sovremennaya tyurkologiya i mezhdunarodnoye sotrudnichestvo na Yevraziyskom prostranstve* [Modern Turkology and international cooperation in the Eurasian space]. *Global-Turk. International Journal for Information and Analytics*. Turkic Academy, 1, 19–34. (in Russ.)
- Obolensky, D.D. (1982). *The Byzantine Inheritance of Eastern Europe*. London. (in Russ.)
- Okladnikov, A.P. (1955). *Neolit i bronzovyy vek Pribaykal'ya* [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]. Ch.III. Moskva–Leningrad. (in Russ.)
- Povest' vremennykh let po Lavrent'yevskomu spisku (1926). [The Tale of Bygone Years according to the Laurentian List]. Moskva–Leningrad. (in Russ.)
- Pritsak, O. (1959). XUN. Der Volksname der Hsiung-nu. *Central Asiatic Journal* 5, 27–34. (in Germ.)
- P'yankov, I.V. (1997). *Srednyaya Aziya v antichnoy geograficheskoy traditsii* [Central Asia in the ancient geographical tradition]. Moskva. (in Russ.)
- Radloff, W. (1887). *Codex Comanicus*. St.-Petersburg – Riga – Leipzig.
- Ramstedt, M.G. (1937). *Über der Ursprung der Turkischen Sprache*. Helsinki. (in Germ.)
- Richards, I.A. (1950). *The Philosophy of Rhetoric*. New York, Oxford University Press. Vol. V, VI.
- Ricoeur, P. (2000). *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris. (in Fren.)
- Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh (1994). [Collection of the most ancient written news about the Slavs]. Sost. L.A. Gindin, S.A. Ivanov, G.G. Litavrin. Moskva. T.1–2. (in Russ.)

Skazaniya Priska Paniyskogo (1861). [Tales of Priscus of Panius]. Per. S. Destunisa. *Uchenyye zapiski vtorogo otdeleniya imperatorskoy Akademii Nauk*. Kn. VIII. Vyp.1. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

Speranskiy, N.N. (2006). *Russkoye yazychestvo i shamanism* [Russian paganism and shamanism.]. Moskva. (in Russ.)

Stepanov, Yu.S. (2009). *Metody i printsipy sovremennoy lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Izd. 7-ye. Moskva. (in Russ.)

Tolstoy, N.I. & S.M. Tolstaya (1978). К реконструксии drevneslavyanskoy dukhovnoy kul'tury: (linguoethnograficheskiy aspekt) [oward the reconstruction of ancient Slavic spiritual culture: (linguoethnographic aspect)]. In *Slavyanskoye yazykoznanie: VIII Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov*. Zagreb-Lyublyana, sentyabr' 1978 g. Moskva. S. 364–385. (in Russ.)

Tolstoy, N.I. (2003). *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Tolstoy N.I. Ocherki slavyanskogo yazychestva. Moskva: Indrik. (in Russ.)

Toporkov, A.L. (1984). Materialy po slavyanskomu yazychestvu (kul't materi – syroy zemli v der. Prisno) [Materials on Slavic paganism (the cult of the mother – the raw earth in the village of Prisno)]. In *Drevnerusskaya literatura: istochnikovedeniye*. Leningrad. (in Russ.)

Uspenskiy, B.A. (1982). *Filologicheskiye razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Philological research in the field of Slavic antiquities]. Moskva. (in Russ.)

Yazycheskiy panteon (2003). [Pagan pantheon]. Moskva: Eksmo. (in Russ.)

Yermakov, S.E. & D.A. Gavrilov (2010). Klyuchi k iskonnomu mirovozzreniyu slavyan. Arkhetipy mifologicheskogo myshleniya [Keys to the original worldview of the Slavs. Archetypes of mythological thinking]. Moskva: Ganga. (in Russ.)

Vasil'yev, D.D. (2013). Korpus tyurkskikh runicheskikh nadpisey Yuzhnoy Sibiri [Corpus of Turkic runic inscriptions of Southern Siberia]. Ch.1. *Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya*. Astana. (in Russ.)

Vernadskiy, V.I. (1965). *Khimicheskoye stroyeniye biosfery Zemli i yeye okruzeniya* [Chemical structure of the Earth's biosphere and its environment]. Moscow. P.283–285. (in Russ.)

Zholdasbekov, M. & K. Sartkozhauly (2006). Atlas Orkhonskikh pamyatnikov [Atlas of Orkhon monuments]. Astana. Varga, Domokosh. (1985). *Drevniy Vostok: u nachal istorii pis'mennosti* [Ancient East: at the beginning of the history of writing]. Perevod s venger. Budapesht. (in Russ.)

А.Қ. Қайыржанов

Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан Республикасы

Р.Ө. Түксаитова

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

Г.Ә. Кукенова

С. Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

ЕЖЕЛГІ ТҮРІКТЕР МЕН ШЫҒЫС СЛАВЯНДАР МӘДЕНИЕТІНІҢ ДҮНИЕТАНЫМДЫҚ ПАРАДИГМАЛАРЫ

Аңдатпа. Мақалада екі байланыстағы халықтардың мәдени парадигмасының біршама өзгеруіне әкелген ежелгі славян және түркі этникалық топтарының ұзақ және тұрақты байланысы процесі зерттеледі. Алайда этностардың екі тобында да мәдениеттің терең құндылықтар парадигмалары ұзақ уақыт бойы сақталды. Салыстырмалы аспектіде

бір жағынан, ежелгі заманның баламалы дүниетанымдық идеялары (солярлық, лунарлық және басқа да символдарды білдіретін мифологемалар), ежелгі славян пұтандық құдайларымен, екінші жағынан, ежелгі түріктерге тән мифологиялық құдайлардың ежелгі атауларымен салыстырғанда қаралған. Аккультурация әдістері мен тәсілдерін қолдану нәтижесінде біз екі суперэтникалық топтың да елеулі өзгерістерге және өзгерістерге ұшырамаған мәдениеттерінің түпкілікті құндылықтарын анықтадық. Дүниетанымдағы кейбір мәдени парадигмалар ментальдық деңгейде белгілі бір өзгерістерге ұшырады. Осы үдерістің нәтижесінде байланыста болатын екі этностың да функционалдық бірлігі бұзылды, содан кейін белгілі бір уақыт ішінде жаңа теңгерім орнады, ол ең алдымен екі этностың дүниетанымында көрініс тапты. Салыстырмалы мәдениеттерде кейбір солярлық және лунарлық пиғылды құдайларда баламалы семантикалық ұқсастықтар болды. Біз бұрынғы қарым-қатынастардың кейбір рефлекстері мен рудименттері мәдениеттердің әдет-ғұрыптары мен сенімдерінде сақталғанын анықтадық.

Түінді сөздер: аккультурация, славян және түрік суперэтностары, қос сенім, үштік сенім, солярлық символдар, лунарлық символдар.

A.K. Kairzhanov

ENU named after L.N. Gumilev, Astana, Republic of Kazakhstan

R.O. Tuksaitova

Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

G.A. Kukenova

Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

WORLDVIEW PARADIGM OF THE CULTURE OF THE ANCIENT TURKICS AND EASTERN SLAVS

Abstract. The article explores the process of a long and constant contact between the ancient Slavic and Turkic ethnic group of people, which led to a certain shift in the cultural paradigm of both contacting peoples. However, the underlying value paradigms of culture in both groups of ethnic groups persisted for a long time. The equipollent worldview ideas (mythologemes denoting solar, lunar and other symbols) of the most ancient times are considered in the comparative aspect, on the one hand, in comparison with the original Slavic pagan deities, on the other hand, with the most ancient names of mythological deities inherent in the ancient Turks. As a result of the application of acculturation methods and techniques, we have identified the original values of the cultures of both super-ethnic groups, which have not undergone significant changes and transformations. Some cultural paradigms in the worldview underwent certain shifts at the mental level. As a result of this process there was a breakdown of functional unity in both contacting ethnic groups, then a new balance was established over a period of time, which was reflected, above all, in the worldview of both ethnic groups. There was an equipollent semantic similarity in some solar and lunar pagan deities in the compared cultures. We determined that some reflexes and rudiments of former relations were preserved in the customs and beliefs of cultures.

Key words: acculturation, Slavic and Turkic super-ethnoses, two-faith, three-faith, solar symbols, lunar symbols.

Вклад авторов

Каиржанов А.К. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание – обзор и редактирование.

Туксаитова Р.О. – методология, роли/письмо – первоначальный проект, написание.

Кукенова Г.А. – формальный анализ, написание, обзор.

УДК 81'1
МРНТИ 16.21.07

DOI: [10.52301/2957-5567-2023-4-36-48](https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-36-48)

А.Д. Тезекбаев

*Павлодарский университет имени С.Торайгырова,
Павлодар, Казахстан*

 <https://orcid.org/0009-0002-9827-5530>

email: alitezekbayev@gmail.com

РОЛЬ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные особенности третьего лица в речевой ситуации с тремя участниками в художественном тексте. Представлены интегральные и дифференциальные речевые характеристики названных типов коммуникантов. Автор провел коммуникативно-сопоставительный анализ второго и третьего лиц, проанализировал речевые клише, характерные для третьего участника и некоторые их особенности. Сделана попытка изучить ролевой статус третьего лица, разграничить и выявить прагматические особенности типов речевых ситуаций с тремя участниками; охарактеризовать ролевой статус третьего лица по степени вовлеченности в процесс общения.

Ключевые слова: третье лицо, ролевой статус, говорящий, коммуникативные особенности, речевая ситуация.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи

Дата поступления: 22.08.2023

Дата принятия к публикации: 11.09.2023

Введение

Объектом изучения прагмалингвистики, в первую очередь, является процесс обмена информацией и отношение говорящего к высказыванию. Но как известно, процесс коммуникации может включать не только двух участников; в нем может присутствовать и третья сторона, участие которой влияет на ход речевых тактик и стратегии главных участников – адресанта и адресата.

Актуальность темы заключается и в необходимости решения проблем, связанных с искусственным интеллектом: в современном мире развитие новых технологий чат-роботов, основанных на диалоговом общении, представляются недостаточно изученными. Речевая реакция чат-роботов на диалог основных коммуникантов, выбор правильной иллокуции и локуции требуют отдельного изучения (Vereyutin, 2021).

Научная новизна данной темы заключается в том, что предпринята попытка исследования речевой ситуации с тремя участниками, изучение прагматических особенностей речевой ситуации и характер взаимодействия между коммуникантами.

Речевая ситуация с тремя участниками в прагмалингвистике практически не изучена, не исследованы типы взаимодействия между основными коммуникантами в присутствии третьего лица, недостаточно выявлены его прагматические особен-

ности. Учитывая эти особенности речевого общения, третье лицо как объект представляется значимым в прагмалингвистическом аспекте.

Материалы и методы

Единицей исследования коммуникативных и прагматических особенностей функционирования третьего лица в общении является речевая ситуация, представляющая фрагмент речевого общения между 3-мя участниками. Материал подобран методом выборки из художественных произведений и из кинофильмов: Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Ф. Искандера, А.Т. Аверченко, В.П. Беляевой и др. Количество исследованного материала – речевых ситуаций – составляет 37 единиц.

Методологической основой исследования является концептуальное положение о том, что язык есть средство коммуникации, а также прагматика, теория речевого общения. В исследовании применяются следующие общенаучные методы: метод наблюдения, обобщения, сопоставительный анализ. Кроме этого, используются специальные частнонаучные методы: прагматический анализ речевой ситуации, коммуникативный метод, интенциональный анализ речевого акта.

Результаты и обсуждение

Восприятие речи является сложным психическим процессом, проходящим через две стадии: 1) возникновение образа восприятия; 2) расшифровка и анализ данного сформулированного образа (Зимняя, 1976, с. 46–47). Последнее определяется как понимание речи. Процесс понимания слушающим осуществляется на трех уровнях: 1) понимание с установкой смысловых связей между словами; 2) понимание протекания речи в процессе его изложения; 3) высший уровень, понимание цели, речевых стратегий и тактики и интенции говорящего (Зимняя, 1976, с. 46–47). Понимание речи слушающим не является процессом копирования сказанного. В процессе восприятия речи слушающий подвергает высказывания в определенные сокращения во внутренней речи (Глухов, 2018, с. 170). В ходе речепонимания слушающий активно использует внутреннюю речь и выделяет только значимые составляющие информации для себя.

Присутствие третьего лица в речевом общении является иногда необходимым в структуре речевой ситуации. Его место в процессе обмена информацией между основными коммуникантами может иметь необязательный характер, но влияние на ход речевого действия, на речевую стратегию, тактики говорящего, на поведение второго лица является прагматически важным в определенных речевых ситуациях. Третье лицо может в совокупности параллельно воспринимать как речь говорящего и его мимику, так и невербальные реакции второго лица. Он может попытаться поставить себя на место второго лица, постараться увидеть ситуацию через призму его взглядов – воспринять информацию так, как воспринял бы ее адресат. Сравнивая видение второго лица и свое видение на информацию, он может проводить анализ на этом уровне. При восприятии речи говорящего третье лицо анализирует ее в совокупности со знанием о мировосприятии второго лица, если оно в этом видит необходимость.

Молчание для третьего лица является неотъемлемой частью его речевого поведения. Исследователи отмечают, что акт молчания – речь без локуции. При этом они определяют его как речевой акт с нулевым уровнем (Иссерс, 2006; Кибрик,

1991; Brown, Levinson Brown, 1987; Kedar, 1987). Причиной такого подхода является параллельность в структурном соотношении речевого акта и акта молчания (Brown, Levinson Brown, 1987; Kedar, 1987). Сопоставляя молчание с понятием речевого акта, исследователи также рассматривают его наряду с понятием коммуникативного акта.

Молчание как акт речевого или коммуникативного, в первую очередь, подразумевает передачу интенции, содержащую информацию, до адресата. И для акта молчания вместо иллокутивного и перлокутивного компонента речевого акта соответствует интрасилленциальное содержание и постсилленциальный эффект.

Молчание – необходимая часть коммуникации. Его психологическая наполненность, семантическая содержательность дополняют коммуникативное воздействие. Невербалика, где присутствует акт молчания, придает смысл содержимому в высказывании (Арутюнова, 1999, с. 418). Акт молчания свойственен и для второго лица. Акт молчания третьего лица в сравнении с актом молчания второго участника менее важен для говорящего, но само присутствие третьего лица влияет на ход речевого общения в ситуативном отношении. Причины, вызывающие молчание третьего лица, могут быть следующими:

- 1) размышление о чем-то другом;
- 2) молчит, потому что другие разговаривают;
- 3) в зависимости от психологических характеристик;
- 4) отсутствие знания о предмете обсуждения;
- 5) равнодушие к разговору или предмету;
- 6) пренебрежительное отношение к разговору;
- 7) отсутствие интереса к общению;
- 8) нежелание выразить свою точку зрения;
- 9) нерешительность вступить в разговор;
- 10) невмешательство в процесс общения

(Verscheren, 1985; Кибрик, 1991; Бабаян, 1998; Носова, 2009; Эстерберг, 1996).

Вовлеченность третьего лица в процесс общения делает его полноправным участником, вследствие чего оно становится третьим участником (Темиргазина, 2019, с. 108–110). Если третье лицо не заинтересовано в принятии участия в беседе, то у него нет полномочия принимать себя как третьего участника. Но в конфигурации речевой ситуации третий участник не теряет особенностей третьего лица, что приводит нас к тому, что понятие третьего лица более обширно в сравнении с третьим участником. Здесь стоило бы сопоставить коммуникативный характер третьего участника и третьего лица. Выделим некоторые особенности:

- Интегральные характеристики:

- 1) являются третьими по счету в речевой ситуации;
- 2) прямо никогда не адресуются сообщению;
- 3) являются наблюдателями за процессом;
- 4) могут стать свидетелями происходящего;
- 5) молчаливые наблюдатели.

- Дифференциальные характеристики:

- 1) степень вовлеченности в процесс общения разнятся;

2) наблюдаемость третьего лица за процессом непостоянна, в сравнении с третьим участником;

3) третье лицо меньше заинтересовано в процессе общения, тогда как третий участник активно участвует и следит за ним;

4) от третьего участника могут ожидать какой-либо вербальной реакции, вербальная реакция от третьего лица часто является неожиданной для основных коммуникантов;

5) зона дистанции третьего участника более ближе к основным коммуникантам, нежели в сравнении с третьим лицом.

Отличительной чертой второго лица (адресата) от третьего участника, если сообщение адресовано будет только второму лицу, является чувство долга эксплицитировать ответ сказанному. Степень проявления чувства долга эксплицитировать ответ сказанному у второго и третьего участников разнятся тем, что говорящий (адресант) никогда не адресует свое сообщение прямо третьему участнику или третьему лицу. У третьего участника меньшая степень коммуникативной ответственности перед говорящим в сравнении со вторым лицом. Например, если тот просит что-либо, это является проявлением неуважения к старшему по возрасту собеседнику. Конечно, в зависимости от социальных параметров коммуникативная ответственность второго лица будет иметь различия. Но структура коммуникативно-речевой нормы возлагает на второе лицо больше ответственности, чем на третьего участника. Из этого делаем вывод, что третий участник имеет более свободный характер в коммуникативной среде – он более свободен в своем выборе, контактировании с основными участниками.

В процессе межличностного общения участники могут меняться ролями: говорящий становится слушающим, слушатель становится говорящим. Это применительно и к третьему участнику. Его реакция на происходящее проявляется в зависимости от сложившейся речевой ситуации и часто обусловлена основными коммуникантами. Чтобы стать говорящим, третий участник, наблюдая за процессом общения и анализируя, выбирает подходящую речевую тактику. Существуют речевые клише (или вступительные локуции), присущие третьему участнику во время его вовлечения в беседу. Проведя анализ речевых ситуаций, мы выявили некоторые их особенности:

1) речевые клише с просьбой вступить с беседу между основными участниками: *«можно я скажу?»*, *«можно я дополню?»*, *«могу ли я добавить?»*, *«разрешите мне сказать?»*, *«разрешите мне рассказать?»*, *«извините, что перебиваю»*;

2) речевые клише с акцентом на рассуждение основных коммуникантов: *«почему вы так считаете?»*, *«мне кажется, вы неправильно рассуждаете»*;

3) речевые клише, где присутствует значение заступничества или защиты: *«ты не ругай его (её)»*, *«ты на него (нее) не кричи»*;

4) речевые клише контролирующего характера, третий участник является «арбитром»: *«дай ему (ей) подумать!»*, *«не мешай ему (ей), пусть думает»*, *«пусть что он (она) хочет, то и делает»*, *«не перебивай его (ее), пусть договорит»*;

5) речевые клише, где третий участник принимает одну из сторон, соглашаясь или подтверждая правоту, или наоборот, встать против, проявляя несогласие: *«я с ним (ней) согласен(-а)»*, *«я с ним (ней) не согласен(-а)»*, *«он (она) говорит правду»*, *«я в этом вопросе с ним (ней) солидарен(а)»*;

6) речевые клише, связанные с возражением третьего участника на ложную информацию, он занимает роль правдивого, честного человека: *«он (она) врет (лжет)»*, *«зачем ты ему (ей) врешь (лжешь)?!»*, *«он (она) говорит тебе неправду»*, *«его (ее) слова не соответствуют истине»*;

7) речевые клише, также связанные с возражением третьего участника, но в другом значении – когда кто-то из участников раскрывает его секрет: *«зачем ты ему (ей) это говоришь?!»*, *«зачем ты ему (ей) это рассказываешь?!»*, *«мы же договорились не говорить об этом ему (ей) ?!»*, *«зачем ты ему (ей) наши секреты раскрываешь?!»*;

8) речевые клише советующего третьего участника: *«а ты прислушайся к его (ее) словам»*, *«а ты призадумайся над тем, что он (она) говорит»*, *«не слушай его (ее)»*, *«не разговаривай с ним (ней)»*, *«не общайся с ним (ней)»*;

9) речевые клише с поддержкой разговора с комментариями третьего участника: *«расскажи (скажи) ему (ей) ...»*, *«ты забыл ему (ей) сказать о том...»*, *«ты напомни ему (ей) еще о том...»*;

10) речевые клише, содержащие намерение третьего участника рассорить двух остальных основных участников: *«я бы не простил(-а) за такие слова его (её)»*, *«как он (она) относится к тебе?»*, *«ты почему позволяешь так с тобой обращаться?»*;

11) речевые клише, связанные с выяснением отношения между жертвой и обидчиком: *«ты почему обижаешь его (её)?»*, *«ты почему с ним (ней) так обращаешься?»*;

12) речевые клише третьего участника в конфликтных ситуациях с намерением помирить: *«не ругайтесь!»*, *«помиритесь!»*, *«успокойтесь, хватит спорить!»*, *«не спорьте!»*, *«хватит враждовать!»* *«вы прям как кошка с собакой»*, *«вы бы слушали друг друга»*, *«вы бы прислушались друг другу»*, *«вы не слушаете друг друга»*, *«посмотрели бы вы на себя со стороны»*.

Рассмотрим некоторые из них на примере:

– Ну и что ж, что обедал, – опять улыбнулась ему тетя Катя, – у нас сегодня курица, пообедай с нами. Я сейчас тебе полью руки вымыть.

Второе приглашение, еще больше волнуясь, отметил про себя Чик.

– Спасибо, тетя Катя, не хочу, – мягким голосом, чтобы не отпугнуть третье приглашение, ответил Чик.

Но тут вмешался дядя Сандро, и третьего приглашения не последовало. – **Оставь его в покое**, – загремел он. – Чик уже, видно, от пуза наелся в Большом Доме! Что ему твоя курица! Чик – городской мальчик. Захочет есть – сам сядет к столу без наших церемоний. Просто так посиди, Чик, а я тебе что-нибудь расскажу такое, что ты и в кино не увидишь. («Чик чтит обычаи» Ф. Искандер).

В диалоге тетя Катя, понимая, что Чик уже пообедал, применяет речевую тактику безоговорочного принятия приглашения. Сам же Чик деликатно старается отказаться от приглашения, чтобы не последовало третье приглашение. Но, видя, что Чик чувствует себя неловко, дядя Сандро вмешивается в диалог в защиту Чика. Цель третьего участника, чтобы тетя Катя оставила в покое Чика. Речевая стратегия – временное прекращение общения с тетей Катей. Речевые тактики: вмешательство в разговор, разъяснение положения Чика. Занимая роль говорящего, третий участник отводит коммуниканту роль своего подзащитного, который теперь занимает

позицию 3-го лица. Это также можно заметить в его речи, в которой используется личное местоимение третьего лица. Это можно расценивать как постоянную конструкцию присутствия третьего участника в речи говорящего.

К месту происшествия спокойно, с развальцей, подходил околоточный.

– *В чем дело, господа? Прошу разойтись.*

– *Мне бы очень хотелось разойтись, но едва ли это удастся, – проворчал Подходцев.*

– *Мой возница, благодаря моим же подстрекательствам, ехал быстрее, чем нужно, и наехал на этого господина, который, ничего не подозревая, переходил улицу.*

– *Этот господин говорит неправду, – возразил пострадавший, счищая пыль с локтей. – Они ехали, как следует, а я сам виноват: мне захотелось покончить жизнь самоубийством, я и бросился под лошадь («Подходцев и двое других» А. Т. Аверченко).*

В данной речевой ситуации, где говорится об аварии, Подходцев желает справедливого решения проблемы. Он берет вину на себя, объясняя околоточному, что это он виноват в том, что сбил господина. Господин, зная, что это не так, возразил и взял вину на себя, т.к. он желал умереть. Третий участник использует выражение «говорит неправду» вместо «он врет» или «он лжет». Это указывает на отношение третьего участника к Подходцеву, который считал себя виноватым.

Утром, когда я еще спал, ко мне прибежали Петька и Куница. Куница был встревожен. Про Маремуху и говорить нечего.

– *Мы удрали со второго урока! – запыхавшись, сказал Куница.*

– *Котька Григоренко придет за тобой петлюровцев, и тебя посадят в тюрьму! – оглядываясь по сторонам, выпалил Маремуха.*

– *Погоди... Расскажи ему все сначала! – перебил Петьку Куница («Старая крепость» В. П. Беляев).*

Интенция Петьки и Куницы – предупредить своего друга. «Мы удрали со второго урока» указывает на то, что мы за тебя очень волнуемся, значит, прислушайся к нам. Петька, боясь, что его кто-то услышит, коротко изложил ситуацию. Но Куница решил, что адресат не понял, о чем сказал Петька и, перебив, потребовал, чтобы тот рассказал все подробно.

Не исключено, что третий участник может вступить в беседу без каких-либо вступительных реплик:

Те же и Попова.

Попова (входит с пистолетами). Вот они, пистолеты... Но, прежде чем будем драться, вы извольте показать мне, как нужно стрелять... Я ни разу в жизни не держала в руках пистолета.

Лука. Спаси, Господи, и помилуй... Пойду садовника и кучера поищу... Откуда эта напасть взялась на нашу голову... (Уходит.) («Медведь» А.П. Чехов).

Попова и Смирнов хотят устроить дуэль. Смирнов является адресатом. Третьим участником является лакей Поповой – Лука. Для него главное - не потерять свою госпожу. Присутствие Смирнова для него является проблемой. Он без каких-либо вступлений выражает свое недовольство.

Третье лицо в роли наблюдателя имеет статус в большей степени присущий ему как свидетелю, подслушивающему или псевдослушателю.

«Свидетель – тот, кто мог что-либо слышать, стать носителем знания о некотором событии; ситуация свидетельства в значительной степени случайная – так сложились обстоятельства. Если информация, передаваемая адресату, хоть в малейшей степени, но рассчитана на слушателя, часто свидетель как раз не должен был получить информацию» (Пивоварчик, 2014, с. 176).

Слово «свидетель» в толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «человек, который лично присутствовал при каком-нибудь событии, очевидец» (Ожегов, 1984, с. 691). Как отметил Г.С. Фельдштейн, что «...самой важной и серьезной по своей ценности группой доказательств являются свидетельские показания. Последние силою вещей играют в современном процессе роль фундамента, на котором зиждется решение» (Фельдштейн, 1915, с. 277). Природа третьего лица, как свидетеля, полноценно расценивается главными участниками – он не просто присутствует, он вовлечен в процесс, что сильно влияет на речевые тактики главных участников.

Не слушатель, не наблюдатель, оценивающий процесс общения, но присутствующий – такие черты характерны для псевдослушателя как в третьем, так и во втором лице. Присутствие третьего лица, как псевдослушателя, может заострить внимание основных коммуникантов, как и, в общем, само присутствие третьего лица без учета его ролевого статуса.

Мак и Рада тихонько говорили о какой-то ерунде — о морских купаниях, о песке, о ракушках... Он их не слушал. Ему в голову вдруг пришла мысль: неужели он способен на какие-то сомнения, колебания, на неуверенность? Но ведь сомневался же он во сне... Значит ли это, что он и наяву в такой же ситуации засомневался бы? («Обитаемый остров» А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

В этой речевой ситуации третье лицо вне участия с основными коммуникантами. Он занят своими мыслями. Для них он – псевдослушатель.

Обратная сторона притворного слушателя – это скрыть свое присутствие от основных участников. В основном, соблюдать речевое поведение социальной нормы зависит от ситуации, например, в присутствии вышестоящего по социальному статусу коммуниканты не станут общаться так, как бы они общались в его отсутствие, даже если он – псевдослушатель. Или в зависимости от личностных отношений основных коммуникантов, присутствие третьего лица будет влиять на их речевое поведение.

Третье лицо в прагмалингвистике понимается как разумный человек, имеющий социальный статус в обществе, личностные особенности как индивидуума, характеризующегося ментальными способностями, обладающего знаниями, мировоззрением, психологическими особенностями. Наличие данных качеств третьего лица как разумного человека производит большой эффект на процесс коммуникации. Иногда в отсутствие третьего лица основные коммуниканты, сомневаясь в том, что третье лицо не присутствует, ведут себя так, как бы они вели себя в присутствии его в реальности. Такая реакция на подозрительность в отсутствии третьего лица бывает, когда ему дают ролевой статус подслушивающего. Подслушивающий всегда вникает, прислушивается в разговор, в противном случае он не занимал бы данный ролевой статус. Его присутствие нежелательно либо для обоих основных коммуникантов или одному из них. Его нежелательность подразумевает обязательность его отсутствия:

Взорванный словом интригантка, Николай, возвысив голос, сказал матери, что он никогда не думал, чтобы она заставляла его продавать свои чувства, и что ежели это так, то он последний раз говорит... Но он не успел сказать того решительного слова, которого, судя по выражению его лица, с ужасом ждала мать и которое может быть навсегда бы осталось жестоким воспоминанием между ними. Он не успел договорить, потому что Наташа с бледным и серьезным лицом вошла в комнату от двери, у которой она подслушивала.

– *Николинька, ты говоришь пустяки, замолчи, замолчи! Я тебе говорю, замолчи!..* – почти кричала она, чтобы заглушить его голос («Война и мир». Л.Н. Толстой).

Конфликт основных участников не достигает финиша – его останавливает несанкционированное третье лицо. Один из участников старается не раскрывать их разговор, думая, что Наташа ничего не слышала.

Вовлеченность в процесс общения третьего лица измеряется по шкале активности. Оно может быть активным, нейтральным, пассивным. Пассивное третье лицо – это присутствующее в определенной речевой ситуации с двумя основными коммуникантами, не выражающее, не слушающее, не анализирующее, не реагирующее на происходящее, представляющееся в когнитивном мире основных коммуникантов как личность с психологическими и социальными особенностями. Третье лицо, анализирующее общение, проявляющее невербальную реакцию, но желающее остаться молчаливым участником, относится к *нейтральному участнику*. Активный участник третьего лица равен третьему участнику. Его активное участие для основных коммуникантов является значимым.

Заключение

Итак, третье лицо в речевом общении, в первую очередь, является молчаливым коммуникантом, его невербальные проявления влияют на процесс общения основных участников. Причины, вызывающие молчание третьего лица, находятся между желанием и нежеланием вовлечься в речевое общение.

Интегральные признаки третьего лица и третьего участника сводятся к тому, что они молчаливые наблюдатели. Также со стороны основных участников, к ним никогда прямо не адресуется сообщение (Темиргазина, Тезекбаев, 2020, с. 27–33). Дифференциальные признаки обобщены в их вовлеченности в процесс общения и зоны дистанции.

Речевые клише третьего участника выделяют прагматические отношения говорящего субъекта к слову. Вербальные реакции третьей стороны складываются из диалога основных участников.

Список использованной литературы

Акошева М. К. Невербальные средства коммуникации – возможные причины неадекватной интерпретации речи // Язык и литература: теория и практика. №1. 2022. С. 6–13. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-1-6-13>

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Бабаян В.Н. Особенности диалога при молчащем наблюдателе: дис. ... канд. филол. наук. ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1998. 195 с.

Глухов В.П. Психолингвистика: учебник и практикум для академического бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2018. 361 с.

Зимняя И.А. Смысловое восприятие речевого сообщения // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации. Москва, 1976. С. 46–47.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Ком-Книга, 2006. 288 с.

Кибрик А.А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: Тезисы доклада. Москва, 1991. С. 49-50

Носова О.Е. Молчание: стратегия и тактика // Вестн. Башкир. ун-та, 2009. Т. 14, № 1. С. 105–109.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский язык, 1984. 798 с.

Пивоварчик Т.А. Прагматический фактор слушателя в речетикетных жанрах (на материале русской и белорусской речи) // Наукові записки. Серія «Філологічні науки». Ніжин: НДУ ім. М. Гоголя, 2014. С. 174–179.

Темиргазина З.К. Количество участников как фактор коммуникативной ситуации: типология ситуаций с тремя участниками // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 1. С.108–120.

Темиргазина З.К., Тезекбаев А.Д. Коммуникативная ситуация с тремя участниками: направление иллокуций // Вестник Карагандинского университета. Серия «Филология». 2020. №2 (98). С. 27–33.

Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству. Москва: Типолитография В. Рихтер, 1915. 432 с.

Эстерберг Э. Молчание в скандинавском эпосе // Мировое древо: международный журнал по теории и истории культуры. 1996. № 4. С.21–42.

Brown P., Levinson Brown S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Kedar L. Power through Discourse. Norwood, NJ: Ablex, 1987.

Verscheren J. What People Say They Do with Words. Norwood, NJ: Ablex, 1985.

Vereyutin V. Communicative interaction of addressant and addressee in the german business correspondence // Linguistics & Polyglot Studies. 2021. No 7(2). P.14–24. DOI:10.24833/2410-2423-2021-2-26-14-24

References

Akosheva, M. K. (2023). Neverbal'nyye sredstva kommunikatsii – vozmozhnyye prichiny neadekvatnoy interpretatsii rechi [Nonverbal means of communication are possible causes of inadequate interpretation of speech]. *Yazyk i literatura: teoriya i praktika 1*, 6–13. DOI: 10.52301/2957-5567-2023-1-6-1 (in Russ.)

Arutunova, N.D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world]. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (in Russ.)

Babayan, V.N. (1998). *Osobennosti dialoga pri molchashchem nablyudatele* [Features of the dialogue with a silent observer]: dis. ... kand. filol. nauk. YaGPU im. K.D. Ushinskogo. (in Russ.)

Brown, P., Levinson Brown, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.

Esterberg, E. (1996). Molchanie v skandinavskom epose [Silence in the Scandinavian Epic]. In *Mirovoe drevo: mezhdunarodnyy zhurnal po teoriyi i istoriyi kultury 4*, 21–42. (in Russ.)

Feldshtein, G.S. (1915). *Lektsii po ugovnomu sudoproizvodstvu* [Lectures on criminal proceedings]. Moskva: Tipolitografiya V. Rikhter. (in Russ.)

Glukhov, V.P. (2018). *Psikholingvistika: uchebnik i praktikum dlya akademicheskogo bakalavriata* [Psycholinguistics: Textbook and workshop for academic undergraduate]. Moskva: Izdatelstvo Yurayt. (in Russ.)

Issers, O. S. (2006). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moskva: KomKniga. (in Russ.)

Kedar, L. (1987). *Power through Discourse*. Norwood, NJ: Ablex.

Kibrik, A. A. (1991). Molchanie kak kommunikativnyy akt [Silence as a communicative act]. In *Deystvie: lingvisticheskie i logicheskie modeli: Tezisy doklada*. Moskva, 49–50. (in Russ.)

Nosova, O. E. (2009). Molchanie: strategiya i taktika [Silence: strategy and tactics]. *Vestnik Bashkirskogo un-ta* 14, 1, 105–109. (in Russ.)

Ozhegov, S. I. (1984). *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moskva: Russkiy yazyk. (in Russ.)

Pivovarchik, T.A. (2014). Pragmaticheskiy faktor slushatelya v recheetiketnykh zhanrakh (na materiale russkoy i belorusskoy rechi) [The pragmatic factor of the listener in speech-etiquette genres (based on the material of Russian and Belarusian speech)]. *Naukovi zapiski. Seriya «Filologichni nauki»*. Nizhin: NDU im. M. Gogolia, 174–179. (in Russ.)

Temirgazina, Z.K. (2019). Kolichestvo uchastnikov kak faktor kommunikativnoy situatsii: tipologiya situatsii s tremya uchastnikami [The number of participants as a communicative situation factor: a typology of situations with three participants]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* 10 (1), 108–120. (in Russ.)

Temirgazina, Z.K. & A.D. Tezekbaev (2020). Kommunikativnaya situatsiya s tremya uchastnikami: napravlenie illokutsii [Communicative situation with three participants: directions of speech channel]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Filologiya»* 2 (98), 2–33. (in Russ.)

Verschoren, J. (1985). *What People Say They Do with Words*. Norwood, NJ: Ablex.

Vereyutin, V. (2021). Communicative interaction of addressant and addressee in the german business correspondence. *Linguistics & Polyglot Studies* 7(2), 14–24. DOI:10.24833/2410-2423-2021-2-26-14-24

Zimnyaya, I.A. (1976). Smyslovoe vospriyatие rechevogo soobsheniya [Semantic perception of a speech message]. In *Smyslovoe vospriyatие rechevogo soobsheniya v usloviyakh massovoy kommunikatsii*. Moskva, 46–47. (in Russ.)

А.Д. Тезекбаев

Торайғыров атындағы Павлодар университеті, Павлодар, Қазақстан

ӘДЕБИЕТ МӘТІНДЕГІ ҮШІНШІ ЖАҚТЫҢ РӨЛІ: ПРАГМАЛИНГВИСТИКАЛЫҚ АСПЕКТ

Аңдатпа. Мақалада көркем мәтіндегі үш қатысушымен сөйлеу жағдайындағы үшінші тұлғаның коммуникативтік ерекшеліктері қаралады. Коммуниканттардың аталған түрлерінің интегралдық және сараланған сөйлеу сипаттамалары ұсынылған. Автор екінші және үшінші тұлғаларға коммуникативтік-салыстырмалы талдау жүргізді, үшінші қатысушыға тән сөйлеу клишелерін және олардың кейбір ерекшеліктерін талдады. Үшінші тұлғаның рөлдік мәртебесін зерттеуге, үш қатысушымен сөйлеу жағдайлары типтерінің прагматикалық ерекшеліктерін ажыратуға және анықтауға әрекет жасалды; қарым-қатынас процесіне тартылу дәрежесі бойынша үшінші тұлғаның рөлдік мәртебесін сипатталған.

Түйінді сөздер: үшінші тұлға, рөлдік мәртебе, сөйлеу, коммуникативтік ерекшеліктер, сөйлеу жағдайы.

A.D. Tezekbaev

Pavlodar University named after S. Toraygyrov, Pavlodar, Kazakhstan

**THE ROLE OF THE THIRD PERSON IN A LITERARY TEXT:
PRAGMALINGUISTIC ASPECT**

Abstract. Abstract. The article discusses the communicative features of the third person in a speech situation with three participants in the literary text. Integral and differential speech characteristics of these types of communicants are presented. The author conducted a communicative-comparative analysis of the second and third persons, analyzed the speech clichés characteristic of the third participant and some of their features. An attempt was made to study the role status of a third party, to distinguish and identify pragmatic features of types of speech situations with three participants; characterize the role status of the third person by the degree of involvement in the communication process.

Key words: third person, role status, speaker, communicative features, speech situation.

В.И. Хомяков

*Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
Омск, Российская Федерация*

 <https://orcid.org/0000-0002-4434-3342>

email: vix50@yandex.ru

Е.П. Гаранина

*Павлодарский педагогический университет имени Элкей Марғұлан, Павлодар,
Республика Казахстан*

 <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

email: kate1917@mail.ru

**ОБРАЗ РЕБЁНКА В ЛИТЕРАТУРЕ УЖАСОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
СБОРНИКА Д. БОБЫЛЕВОЙ «ЗАБЫТЫЙ ЧЕЛОВЕК»)**

Аннотация. В статье рассматривается образ ребёнка в сборнике рассказов современной российской писательницы Дарьи Бобылевой «Забытый человек». Для анализа взяты семь рассказов сборника, в которых образ ребёнка играет ключевую в смысловом и композиционном отношении роль. В работе предпринята попытка классификации анализируемых рассказов с точки зрения значения образа ребёнка. Этот образ рассматривается с точки зрения фольклорных его источников, в частности – в контексте жаровых особенностей быличек и постфольклорных «страшных историй». Образ ребёнка анализируется как важный композиционный элемент, позволяющий создать эффект «ужасного», как часть потустороннего мира. Также в статье рассмотрены некоторые психологические предпосылки, позволяющие включать образ ребёнка в рассказы, основанные на мистическом ужасе. В результате проведённого исследования можно сделать вывод о том, что образ ребёнка играет важную роль в создании художественного единства в данном сборнике.

Ключевые слова: литература ужасов, современная русская литература, образ ребёнка, быличка, «страшная история», сюжет.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.07.2023

Дата принятия к публикации: 03.09.2023

Введение

Литература ужасов в европейской культуре имеет давние традиции, уходящие корнями в XVIII – XIX вв., в эпоху романтизма и предромантизма (Prohászková, 2022). Именно этим направлениям принадлежит художественное открытие: читатель любит бояться; страхом читателя можно увлечь не меньше, чем восхищением, восторгом или умилением. Если же говорить о ещё более глубоких, чем собственно литературные, корнях литературы ужасов, то нужно отметить, что они уходят в фольклор, в «страшные» сказки и былички. Последний жанр служил не только развлекательным целям, но и учил человека взаимодействовать с потусторонним

миром, давал человеку своеобразные алгоритмы действий, соблюдая которые человек мог обеспечить свою безопасность, и показывал, что бывает, если правила взаимодействия с этим миром нарушаются.

Современная литература ужасов исследуется в разных аспектах: и с точки зрения связи её с литературными и фольклорными традициями (в качестве примера можно назвать следующие работы: Хвостов, 2011; Куликова, 2021а; Сафрон, 2018; Селиванова, 2020 и др.), и с точки зрения особенностей построения художественной реальности (см., например, очень интересную статью Д. Л. Куликовой «Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре (на материале современной русской литературы)» (Куликова, 2021б)), и с точки зрения обобщенной философии ужаса (Carrol, 1990). Литература ужасов привлекает исследователей как новый и интересный литературный материал, пока ещё мало изученный.

Данная статья посвящена анализу сборника «Забытый человек» современной российской писательницы Дарьи Леонидовны Бобылевой. Творчество Д. Бобылевой остаётся пока практически не изученным (по крайней мере, нам удалось обнаружить только одну работу, в которых Д. Бобылева упоминается в ряду других авторов (Галина, Христофорова, 2020). При этом, Д. Бобылева – одна из интереснейших российских писательниц, работающая в жанре ужасов. Галина Юзефович, известный российский критик, так описывает особенности её прозы: «...причудливая дихотомия ужаса и уюта, опасности и надёжности есть фирменный приём Дарьи Бобылевой, эффектный и эффективный одновременно. Сейчас, после выхода «Ночного взгляда» (сборник Д. Бобылевой – примечание моё, Е. Г.), об этом можно говорить со всей уверенностью. Как и о появлении на российском литературном горизонте нового яркого автора с собственным узнаваемым голосом» (Юзефович, 2019).

Материалы и методы

Особенности «узнаваемого голоса» Д. Бобылевой в данной статье, как уже было сказано выше, рассматриваются на материале сборника «Забытый человек». Сборник вышел в свет в 2014 году. Он включает 14 рассказов, объединённых темой потустороннего ужаса. Образ ребёнка играет важную роль в семи из них: «Тот, кто водится в метро», «Забытый человек» (именно этот рассказ дал название сборнику), «Петрушкин лог», «Бабайка», «Бусы», «Сынок» и «Место жительства» (последний из перечисленных рассказов состоит из нескольких коротких новелл, объединённых местом действия – деревней Стояново. Образ ребёнка является центральным для новеллы «Пава»). В названных рассказах образ ребёнка рассматривается как смысловой центр рассказов, важный сюжетобразующий элемент и элемент, работающий на создание художественного единства сборника.

В работе использован метод комплексного литературоведческого анализа, который позволяет рассмотреть образ ребёнка с разных точек зрения, в разных аспектах. Кроме того, использованы элементы сравнительного анализа (при сопоставлении литературного материала и его фольклорных истоков) (Жаркынбекова, Вишницкая, 2023). Важную роль выполняет текстологический анализ, позволяющий детально выявить художественно-изобразительные средства создания образа ребенка в произведениях.

Результаты и обсуждение

Как уже было сказано выше, образ ребёнка является смысловым центром семи рассказов сборника из четырнадцати. В каждом из этих рассказов можно выделить центральный сюжетный мотив, связанный с образом ребёнка и часто уходящий корнями в фольклор, в жанр былички. Вообще фольклорная основа, опора на фольклорные традиции и их преобразование на современном художественном материале – яркая черта творчества Дарьи Бобылевой.

В зависимости от того, какую композиционную роль играет образ ребёнка, рассказы можно объединить в несколько групп.

Первая группа реализует мотив «ребёнок способен видеть иной мир и взаимодействовать с ним». В эту группу относятся рассказы «Тот, кто водится в метро», «Забытый человек», «Розарий». В «Розарии» этот мотив не организует главную сюжетную линию, он служит, скорее, для общего создания атмосферы таинственного и ужасного, которая возникает в дачном посёлке, когда возле него строят странный розарий. Дети посёлка, как и взрослые, чувствуют, что происходит нечто необычное. Но если взрослые стремятся не обращать на это необычное внимания или объяснять его разумными причинами, то дети «ловят» необычное как тонко настроенный радар, не подключая к его осмыслению рациональность. Так, девочка Даша притворяется больной, чтобы уехать в город и увезти из посёлка маму – и тем самым спасает себя и её от бесследного исчезновения в странном розарии. Даша не может объяснить, откуда она знает, что нужно уезжать, но это нерациональное знание спасает ей жизнь.

В «Забытом человеке» мотив нерационального детского знания о потустороннем мире носит сюжетообразующий характер и организует главную антитезу рассказа: мама Лида и дочь Ксения. Взрослый и ребёнок противопоставляются с точки зрения того, как они относятся к потустороннему миру. Лида боится потустороннего, несмотря на то что Забытый человек, в общем-то, не делает ей ничего плохого. Она чувствует его иномирную природу и стремится изгнать его, разрушив его среду обитания – старую обстановку в комнате коммунальной квартиры, доставшейся ей по наследству: *«Лида купила новые обои – с самым современным, по её представлениям, рисунком... Раздарила соседкам допотопные, по-стариковски напыжившиеся фиалки. Положила у двери коврик с какими-то мультяшными уродцами... А потом, как появятся деньги, надо будет купить и телевизор, плоский, и ламинат постелить, и повесить на окно жалюзи – всё только новое, только светлое, холодное, гладкое...»* (Бобылева, 2014). Ксения, в противоположность маме, не только не боится Забытого человека, но и испытывает к нему некоторое сочувствие, но главное – его присутствие в доме она считает чем-то совершенно естественным (в отличие от Лиды – та сначала считает историю о Забытом человеке детской выдумкой, а потом – чем-то страшным и противоестественным): *«Ксения рассказывала...:*

– ...тут раньше была еще одна комната. И в ней жил человек. Он всегда тут жил, он был очень-очень старый. А потом комнату замуровали, а его забыли внутри...

– Зачем замуровали? – удивилась Лида.

– В ней плохо было жить, – пожала плечами Ксения.

– Но ты же говоришь, что там уже жил кто-то?

Ксения кивнула:

– Только никто не знал, что человек там живет. Он был ненужный. Он был старый и спал на кровати, а когда проснулся – дверь уже заделали. Там теперь шкаф. А человека забыли внутри. С тех пор он всегда там живет. И не может выйти...

Лида помолчала немного, пытаясь постигнуть Ксенину логику, а потом решительно сказала:

– Нет, Ксень, это глупая история. И жуткая. Не придумывай такое больше.

– Это не я, – глянув на нее исподлобья, ответила всегда такая честная Ксения» (Бобылева, 2014).

Нагнетанию страшной атмосферы в рассказе способствует именно эта художественная деталь: Лида боится не только странных звуков из-за стены (которые Ксения объясняет существованием Забытого человека), но и изменившегося поведения дочери.

Мотив «ребёнок может видеть потусторонний мир и контактировать с ним» – это своеобразная трансформация фольклорного, мифологического представления о том, что ребёнок ближе, чем взрослый, к потусторонней реальности. В рассказе «Тот, кто водится в метро» этот мотив соединяется с фольклорным мотивом о смерти ведьмы, которая должна передать свой дар. Две главных героини повести – это девочка Аня и её бабушка Катя (приёмная мать Семёна – отца Ани). Образ бабушки Кати в рассказе создан в традициях неявной фантастики: он имеет двойственную природу и колеблется между образами обычной пожилой женщины с причудами и фантазиями и ведьмы, способной видеть иной мир и взаимодействовать с ним. Интересно отметить, что иной мир при этом не имеет в рассказе узнаваемых фольклорных черт, он населён существами, которые не соотносятся с привычными иномирными фольклорными образами (леший, водяной, русалка, домовая и т.д.).

Бабушка Катя стремится передать своей внучке знания об этом мире и учит взаимодействию с ним, рассказывая истории, в реальность которых Аня поначалу верит:

«– Вот ходишь по одной дороге часто – примечай, если кто тебе каждый раз навстречу попадает. Как идешь – он там. Тетенька, а может, ребяточек, а может, кошечка, – бормотала, улыбаясь, баба Катя.

– А тетенька, может там, просто живет, – сомневалась Аня, вспоминая ярко раскрашенную алым и черным даму в шляпе, которая всегда, всегда попадалась им с мамой по пути в магазин.

– Может, и просто живет, – легко соглашалась баба Катя и цокала языком – левая косичка у Ани вышла толще правой, придется переплести. – А может, и не просто.

– А тогда это кто?..

– А так – от места. От места взялся, и только тут ему и живется, уйти не может. Этых не бойся. Им смотреть надо во все глаза, что на их месте творится – на том и держатся. Увидит, скажем, как гостя желанного обняли или как в морду дали кому-нибудь – на полгода вперед наестся.

– Глазища, наверное, во какие! – И Аня снова вспоминала даму в шляпе и ее большие светлые глаза, печально глядевшие из траурных кругов подводки.

Баба Катя смеялась и кашляла.

– Да у многих и не поймешь, где глазища-то.

– Почему не поймешь?

– А потому что они... – И баба Катя кивала на окно, за которым шелестел темными пыльными листьями тополь. И Аня чувствовала благоговейный трепет перед старым тополем, из коры которого весной так бесцеремонно выковыривала прутиком разноцветных гусениц – ведь он, вполне возможно, был не просто так, а «от места» (Бобылева, 2014).

Вера в бабушкины истории начинает разрушаться, когда Аня идет в школу. Чем старше она становится, тем меньше верит в «дремучие бабушкины сказки» (как это называют её новые школьные подружки). Уходя из детства, Аня отдаляется и от потустороннего мира, её сюжетная линия движется от интереса/веры/знаний об ином мире к отсутствию интереса и безверию.

Кажется, что бабушка умирает, не передав Ане свой дар, – и, на первый взгляд, это является разрушением традиционного фольклорного мотива (ведьма не может умереть без передачи дара). Но развязка в рассказе парадоксальная. Через два года после смерти бабушки Аня, уже давно взрослая девушка, едет в метро – и вдруг внезапно видит то многолапое существо, о котором рассказывала бабушка, «того, кто водится в метро». И в этот момент происходит мгновенная трансформация Ани из обычного человека в истинную наследницу своей бабушки-ведьмы, «знающую»: *«И Аня вдруг успокоилась и рассердилась на многолапого господинчика. На несколько секунд она почувствовала себя храброй, особенной, все знающей наперед, своей в этом мире, которого, кроме нее, никто не замечает.*

Аня закрыла книжку, встала, шагнула к господинчику, склонилась к тому месту, где у него должно было быть ухо, и отчетливо, звенящим от тайной радости голосом сказала:

– Я тебя вижу...» (Бобылева, 2014).

Следует отметить, что в этой группе рассказов атмосфера ужаса связана с восприятием, прежде всего, взрослых персонажей. Именно они переживают ужас от соприкосновения с иной реальностью. Дети же, соприкасающиеся с потусторонним миром, воспринимают его, скорее, как естественную часть окружающей действительности. Такой подход к изображению потусторонней реальности лежит в основе многих современных «страшных историй» (или «крипипаст» – этим термином обозначается жанр постфольклора, короткие интернет-рассказы, цель которых напугать читателя). Если набрать в поисковике запрос «страшные истории о детях», то можно увидеть многочисленные подборки историй, которые написаны от лица взрослых, испуганных способностью детей видеть иной мир и взаимодействовать с ним. Типичная крипипаста такого рода выглядит так: *«Моя дочь сказала, что в ее комнате живет девушка, которая смотрит, как она смотрит фильмы и спит на потолке прямо напротив кровати. Также она сказала, что я той девушке не нравлюсь и она хочет съесть мое сердце. Мой ребенок смотрит «Элмо» и «Поезд динозавров». Откуда он взял эту историю?»* или *«Когда моему сыну было 4 или 5, мы стояли в ванной комнате, и он чистил зубы перед сном, его щетка упала, я поднял ее. Наши глаза встретились, он поглядел на меня и спросил: "Пап, почему у этого мужчины нож" и указал позади меня. Я еще никогда так резко не оборачивался»* (истории взяты с сайта https://pikabu.ru/story/zhutkie_istorii_pro_detey_9464980). Собственно говоря, рассказ «Забытый человек» Д. Бобылёвой представляет собой развитие типичного сюжета подобных историй.

Вторая группа рассказов объединена мотивом «иной мир опасен для детей». В эту группу входят рассказы «Петрушкин лог» и «Бусы». Оба этих рассказа объединены сюжетным мотивом гибели/исчезновения (которое приравнено к гибели) детей в результате соприкосновения с иным миром. Гибель/исчезновение детей – это сюжетный центр рассказа, самое страшное событие, причём его ужас заключается как в потусторонней природе случившегося, так и в том, что дети – это очень большая ценность, и их смерть/пропажа – катастрофа для родителей.

В «Петрушкином логге» детей – целый класс, поехавший на экскурсию, – убивает кукла, которую одна из девочек нашла в Петрушкином логге (Петрушкин лог – это разрушенная деревня, место боевой славы, куда дети едут на экскурсию в честь девятого мая). На обратном пути в автобусе кукла оборачивается сгибнем, «плодом нечистой крови». Сгибень – это существо, выдуманное самой Дарьей Бобылёвой, но стилизованное под страшного, потустороннего персонажа фольклора (художественный приём, напоминающий о гоголевском Вие – тот тоже был «приписан» к фольклору, хотя на самом деле создан самим писателем).

У куколки-сгибня, тем не менее, есть разнообразные культурные корни. С одной стороны, кукла, которая оборачивается опасным потусторонним существом, – это вполне традиционный образ современного кинематографа ужасов (первым делом, конечно, в голову приходят Аннабель из франшизы «Проклятие Аннабель» и Чаки из франшизы «Детская игра»). С другой стороны, в фольклоре некоторых народов встречается образ потустороннего, часто неполноценного ребёнка, опасного для живых (конаки-дидзи у японцев, игоша и ичетка у восточных славян). Таким образом, в рассказе «Петрушкин лог» образ ребёнка носит двойственный характер: дети здесь – жертвы потустороннего существа, и само это потустороннее существо имеет черты ребёнка.

Интересно, что в рассказе «Петрушкин лог» сюжет представляет антитезу к сюжетам рассказов «Забывший человек» и «Тот, кто водится в метро». В «Петрушкином логге» именно дети до самого последнего момента не замечают опасности и ничего не боятся, тогда как среди взрослых есть те, кто знает, что Петрушкин лог – нечистое и страшное место. Именно так спасся один из учеников – Коля. Колю, без всякого объяснения причин, на экскурсию не пустила прабабушка: *«Вчера Колькина прабабка переспросила, выкатив на Кольку белопленочный глаз, который когда-то был блестящим и темным, как маслина:*

– Петрушкин Лог? Что вдруг?

– Ну, бои там были, – сквозь овсянку отвечал Коля. – Наши немцев побили много.

– Это еще хрен знает, кто там кого бил! – отрезала прабабка. – А ты не шипи мне, не шипи, – прикрикнула она на маму, указывая ложкой в потолок, как перстом. – Петрушкин Лог оставьте. В парк бы поехали, а то в театр.

– Галина Ивановна сказала. К Дню Победы...

– Мужика б ей, да детей, Гальке вашей. Скажи, не поедешь, баба Маня не велит...» (Бобылева, 2014). Баба Маня не стала объяснять причины запрета Коле, но в самом рассказе есть вставной эпизод, из которого становится понятно её поведение. Когда-то в детстве баба Маня жила возле Петрушкина лога. Однажды она пошла искать заблудившуюся козу: *«Но тут в зудении комаров, которые ждали*

своей очереди после тех, что уже присосались, услышала тоненький явственный вой. Манька всего уже перебожалась, взяла козу за рог и потащила смотреть.

– Думала, мож младенчик... Да откуда там младенчик, собак не осталось. И вот смотрю – кусок забора торчит, а под ним сныть вытоптана и лежит... Вот как гусеничка, и шевелится... Беленькое такое, и тянется из него – много-много... Ручки, то ли ножки, то ли еще что, беленькое, тоненькое – сныть сквозь него видать... И тянется, и воет. И весь с палец мой. Беленькое. И ни глазок, ничего...» (Бобылева, 2014). Сюжет этого вставного эпизода как бы дублирует основной сюжет рассказа: Маня – ребёнок, и потустороннее существо, с которым она сталкивается, тоже «ребёнок» – «младенчик», «гусеничка».

В рассказе «Бусы» гибель детей замещена их бесследным исчезновением, имеющим потусторонний характер. Собирая красивые бусины, пропадают сначала Ленка и Олька – девочки из полумаргинальной семьи, а потом – Ника, всеми обожаемая, единственная в семье дочка и внучка. Сюжет «Бус» объединяет мотивы «Петрушкина лога» и первой группы рассказов: в «Бусах» иной мир опасен для детей, но при этом видеть иной мир тоже могут только дети. Для всех взрослых девочки – жертвы криминального преступления; о потустороннем характере их исчезновения знает только Мадина по прозвищу Медуза – пятнадцатилетняя девушка из того же двора. Мадина – образ человека, стоящего на грани между детством и взрослостью, она уже не ребёнок, но ещё и не женщина. Она может видеть иной мир, он представляет для неё опасность, но она может и противостоять ему. В конце концов именно Мадина останавливает Еву Августовну – ведьму, которая крадёт детей.

Третью группу рассказов составляют «Бабайка», «Сынок» и «Пава», объединённые мотивом ребёнка-подменыша. Если в первой группе рассказов ребёнок знает о потустороннем мире, во второй группе – ребёнок становится жертвой потустороннего мира, то в третьей группе рассказов ребёнок – это часть потустороннего мира, поэтому он может быть опасен для окружающих его живых людей.

Мотив ребёнка-подменыша – это традиционный мотив русского (и не только русского) фольклора, реализованный во множестве быличек. Так, например, в книге «Куединские былички» (Куединские былички, 2004) содержится пять текстов с инвариантом сюжета «подмена ребёнка нечистой силой». Основная сюжетная линия этих вариантов описывается таким образом: «Леший, черт, чертовка, банница банник по какой-либо причине (оставленные без присмотра новорожденные; проклятые дети; кто-либо – как правило, дети, которых «послали» к лешему или чёрту) подменяют ребёнка... Часто вместо подменённого ребёнка оставляют осинового кол или полено. В таком случае подменённого «рубят под корытом», – считалось, что после выполнения такого действия ребёнок либо выздоровеет, либо умрёт» (Куединские былички, 2004). «Сюжет построен на универсальном для традиционных культур многих народов представлении о существовании двух параллельных миров, мира человеческого и мира потустороннего» (Куединские былички, 2004). Подменённого, «нечистого» ребёнка можно узнать по некоторым признакам: он уродлив, неспособен к физическому и умственному развитию и очень много ест. Подменённый ребёнок не растёт (хотя при этом может обладать огромной силой) или, наоборот, растёт неестественно быстро и долго с людьми не живёт: по достижении определённого возраста (семь, десять, двенадцать лет) он или уходит из дома к нечистой силе (то есть возвращается в свою «настоящую семью»), или умирает.

рает (что тоже является уходом в потусторонний мир, из которого этот ребёнок и появился).

Наиболее близок к традиционным фольклорным представлениям образ ребёнка в рассказе «Пава». Пава (Параскева) – подменённый ребёнок деревенской ведьмы по имени Вера. Пава растёт не по дням, а по часам, очень много ест, причём не только обычную человеческую пищу: *«Пришлось соседа просить, чтоб кроватку ей новую смастерил – в старой не помещалась уже. И вот когда он кроватку ставил, услышал вдруг писк пронзительный из угла, где Пава сидела. Посмотрел на девочку – та жуёт что-то, довольная. А изо рта у нее хвостик мышинный торчит, и шерстка серая на губах. Сосед на что мужик не пугливый был, а так и ахнул»* (Бобылева, 2014). Со временем Пава становится центром притяжения для всей нечистой силы округа, о чём жителей села предупреждает Люба – вторая деревенская ведьма. В отличие от всех остальных, она сразу догадывается, что Пава – не обычный ребёнок. Её слова, обращённые к Вере: «Нас ведь сгубишь и себя!» – становятся понятными, когда нечистая сила требует вернуть то, что забрал человек – Вера. *«Вспомнили о Любанькиных словах после того, как на третье лето девчонки в лесу пропали, а потом вернулись – мертвые. Рассказывают так: ветер сильный в тот день был, и из леса звуки всякие долетали – не то деревья скрипят, не то человек кричит. А девчонки-дуры, Галка с Тайкой, пошли посмотреть, не поспела ли земляника. И как провалились обе. Искали их до самого вечера, а ночью Тайкина мать фонарь во дворе зажгла, а сама у окна села – ждать, вдруг дочка вернется. Затихло все, ночь безлунная, черная, и вдруг видит Тайкина мать – ворота распахиваются и Тайка с Галкой входят. Лица у обеих серьезные, спокойные, волосы распущены, и одежда совсем не та, в какой уходили – рубахи какие-то длинные, белые. И глаза, это Тайкина мать хорошо запомнила, у них светлые стали, прозрачные, совсем как вода.*

Мать вскочить хотела, к ним кинуться – а сама пальцем шевельнуть не может, застыла. Девчонки у окна встали, руки к ней тянут – а ногти-то синие... И губами шевелят медленно, точно говорят что-то. Наконец мать Тайкина услышала:

– Будет вам, мамочка, плохо, пока не вернете, что взяли» (Бобылева, 2014).

Через Паву потусторонний мир вторгается в человеческий, смешивается с ним, отчего становится плохо и людям, и обитателям потустороннего мира. Гармония восстанавливается, когда, в полном соответствии с мифологическими традициями, Пава уходит к мавкам, в свою истинную семью. После этого оба мира снова возвращаются к «нормальному», параллельному существованию. Таким образом, можно видеть, что сюжет рассказа построен по традиционной сюжетной схеме быличек: запрет (на то, чтобы подменыщ жил среди людей) – нарушение запрета (Вера не может родить ребёнка сама и приносит младенца из леса) – последствия нарушения запрета (нечистая сила преследует жителей деревни) – восстановление гармонии (Пава возвращается в потусторонний мир, жители деревни – в безопасности).

В центре рассказов «Сынок» и «Бабайка» – трансформированный образ ребёнка-подменыща. В «Сынке» образ ребёнка строится на традиционном представлении о том, что «потусторонний» ребёнок не растёт, не развивается, как нормальный человек. Если в «Паве» Вера приносит младенца из леса, то в «Сынке» безумная женщина «выращивает» себе сына из младенца, родившегося пятиме-

сячным и почти сразу после рождения умершего. Его потусторонняя природа заключается в том, что это, собственно говоря, мёртвый ребёнок, который обладает единственным человеческим умением – умением есть. Два рассказа: «Пава» и «Сынок» – объединены одним сюжетным мотивом. Женщины – героини этих рассказов страстно хотят иметь детей, но у них не получается их родить, поэтому они соглашаются на такое страшное, «потустороннее» материнство.

Третий рассказ из этой группы «Бабайка» представляет собой современную трансформацию сюжета о ребёнке-подменше. Главный герой рассказа, мальчик Владя, в своей семье среди взрослых вызывает постоянное недовольство и раздражение, поэтому ребёнка «подменяют» метафорически: Владя сходится с потусторонним миром, находит себе там новую семью и становится опасным для своих настоящих, живых родителей и родственников. Единственный, кто любит Владю, – это его дедушка. Дедушка же показывает Владе альбом, где среди старых фотографий с давно умершими людьми Владя находит себе новую семью, и именно смерть дедушки запускает цепь потусторонних событий. Но для этих событий в рассказе есть и психологические причины. Владя находит себе новую семью, потому что после смерти дедушки он никому не нужен в настоящей семье.

Заключение

Итак, можно видеть, что в сборнике «Забытый человек» образ ребёнка играет значительную смысловую и композиционную роль. В композиционном отношении вокруг образа ребёнка строится сюжет о взаимодействии человеческого мира с потусторонним. В этом сюжете реализуется традиционное мифологическое представление о том, что дети ближе к потустороннему миру, чем взрослые. В связи с этим дети, с одной стороны, более уязвимы перед этим миром, но с другой стороны, они могут взаимодействовать с ним, становиться его частью и поэтому быть опасными для обычных людей. Образ ребёнка в цикле «Забытый человек» носит амбивалентный, двойственный характер, он одновременно может быть и беззащитным, и опасным. Помимо этого, образ ребёнка в цикле нагружен ещё и чисто психологическими смыслами, связанными с представлением о детях и материнстве как об огромной ценности.

Список использованной литературы

- Бобылева Л. Забытый человек. Москва: АСТ, 2014. 320 с.
- Галина М. С., Христофорова О. Б. «В России есть деревенская хтонь, ужас пустых отчуждённых пространств»: Мария Галина о хорроре, взаимодействии литературы с реальностью и с фольклором // Фольклор и антропология города. 2020. Т. III, № 1–2. С. 345 – 350.
- Жаркынбекова Ш.К., Вишницкая В. А. Познание мира сквозь призму авторского видения коммуникативного события // Язык и литература: теория и практика. 2023. №3. С.33–42. DOI: 10.52301/2957-5567-2023-3-33-42
- Куединские былички. Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX вв.: сборник фольклорных материалов // сост. А. В. Черных. Пермь: Изд-во ПОНИЦАА, 2004. 114 с.
- Куликова Д. Л. Вампиры А. В. Иванова в свете готической традиции русской литературы // *Litera*. 2021, № 6. С. 98–106.

Куликова Д. Л. Мифопоэтика пространства кладбища в хорроре // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13, вып. 3. С. 86–93. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-3-86-93.

Сафрон Е. А. А. К. Толстой как основоположник образа вампира в русской литературе // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018, № 2 (79). С. 153–155.

Селиванова Д. И. Мифология как основа произведений в жанре ужасов // Вопросы науки и образования. 2020, № 1 (85). С. 80–84.

Хвостов А. А. Истоки жанра ужаса в детской литературе // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11, вып. 3. С. 40–45.

Юзефович Г. О сборнике Дарьи Бобылевой «Ночной взгляд». Электронный ресурс. URL: <http://www.astrel-spb.ru/retsenzii/5381-galina-yuzefovich-o-sbornike-dari-bobyljovoj-nochnoj-vzglyad.html> (дата обращения 28.02.2023).

Carrol, Noël. *The Philosophy of Horror*. London : Routledge, 1990.

Prohászková, V. *The Genre of Horror* // *American International Journal of Contemporary Research*. 2022. Vol. 2. No. 4. P.132–142

References

Bobyleva, D. (2014). *Zabytyy chelovek*. [Forgotten man]. Moskva. (in Russ.)

Galina, M. S. & O. B. Khristoforova (2020). «V Rossii est derevenskaya khton, uzhas pustыkh otchuzhdennykh prostranstv»: Mariya Galina o horrore, vzaimodeystvii literatury s realnostyu i s folklorom. [In Russia there is a village khton, the horror of empty, alienated spaces: Maria Galina about horror, the interaction of literature with reality and folklore]. *Folklor i antropologiya goroda III*, 1–2, 345–350. (in Russ.)

Carrol, Noël. (1990). *The Philosophy of Horror*. London: Routledge.

Kuedinskie bylichki. Mifologicheskiye rasskazy russkikh kuedinskogo rayona Permskoy oblasti v kontse XIX–XX vv.: sbornik folklornykh materialov (2004). [Bylichki of Kuedinsky district. Mythological stories of Russians from the Kuedinsky district of the Perm region in the late 19th–20th centuries: a collection of folklore materials.]. Sost. A. V. Chernykh. Perm. (in Russ.)

Kulikova, D. L. (2021). Vampiry A. V. Ivanova v svete goticheskoy traditsii ruskoy literatury. [Vampires by A. V. Ivanov in the light of the gothic tradition of russian literature]. *Litera* 6, 98–106. (in Russ.)

Kulikova, D. L. (2021). Mifopoetika prostranstva kladbishcha v khorrоре. [The mythopoetics of the cemetery space in horror]. *Vestnik Permskogo universiteta* 13, 3, 86–93. DOI: 10.17072/2073-6681-2021-3-86-93. (in Russ.)

Khvostov, A. A. (2011). Istoki zhanra uzhasa v detskoy literature. [Origins of the horror genre in children's literature]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* 11, 3, 40–45. (in Russ.)

Prohászková, V. (2022). *The Genre of Horror*. *American International Journal of Contemporary Research* 2, 4, 132–142.

Safron, E. A. (2018). A.K. Tolstoy kak osnovopolozhnik obraza vampira v ruskoy literature. [Origins of the horror genre in children's literature]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* 2 (79), 153–155. (in Russ.)

Selivanova, D. I. (2020). Mifologiya kak osnova proizvedeniy v zhanre uzhasov. [Mythology as the basis of works in the horror genre]. *Voprosy nauki i obrazovaniya* 1 (85), 80–84. (in Russ.)

Uzefovich, G. O sbornike Daryi Bobylevoy «Nochnoy vzglyad». [About Daria Bobyleva's collection "Night View"]. Retrieved 28 February 2023 from <http://www.astrel-spb.ru/retsenzii/5381-galina-yuzefovich-o-sbornike-dari-bobyljovoj-nochnoj-vzglyad.html>. (in Russ.)

Zharkynbekova, Sh.K. & V.A. Vishnitskaya (2023). Poznaniye mira skvoz' prizmu avtorskogo videniya kommunikativnogo sobytiya [Knowledge of the world through the prism of the author's vision of a communicative event]. *Yazyk i literatura: teoriya i praktika* [Language and Literature: Theory and Practice] 3, 33–42. DOI: 10.52301/2957-5567-2023-3-33-42 (in Russ.)

В. И. Хомяков

*Ф. М. Достоевский атындағы Омбы мемлекеттік университеті, Омбы,
Ресей Федерациясы*

Е. П. Гаранина

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар, Қазақстан Республикасы*

ҚОРҚЫНЫШТЫ ӘДЕБИЕТТЕГІ БАЛАНЫҢ БЕЙНЕСІ (Д. БОБЫЛЕВАНЫҢ «ҰМЫТЫЛҒАН АДАМ» ЖИНАҒЫ НЕГІЗІНДЕ)

Аңдатпа. Мақалада қазіргі заманғы ресейлік жазушы Дарья Бобылеваның «Ұмытылған адам» атты әңгімелер жинағындағы баланың бейнесі қаралады. Талдау үшін баланың бейнесі мағыналық және композициялық тұрғыдан негізгі рөл атқаратын жинақтың жеті әңгімесі алынған. Жұмыста баланың бейнесінің мәні тұрғысынан талданатын әңгімелерді жіктеуге әрекет жасалды. Бұл образ оның фольклорлық дереккөздері тұрғысынан, атап айтқанда – шағын әңгімелердің қызу ерекшеліктері мен фольклордан кейінгі «қорқынышты оқиғалар» контекстінде қарастырылады. Баланың бейнесі басқа әлемнің бір бөлігі ретінде «қорқынышты» әсерін жасауға мүмкіндік беретін маңызды композициялық элемент ретінде талданады. Сондай-ақ, мақалада баланың бейнесін мистикалық қорқынышқа негізделген әңгімелерге қосуға мүмкіндік беретін кейбір психологиялық алғышарттар қаралған. Жүргізілген зерттеу нәтижесінде баланың бейнесі осы жинақта көркемдік бірлікті құруда маңызды рөл атқарады деген қорытынды жасауға болады.

Түйінді сөздер: қорқынышты әдебиет, қазіргі орыс әдебиеті, бала бейнесі, шағын әңгіме, «қорқынышты оқиға», сюжет

V. I. Khomyakov

Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation

Ye. P. Garanina

Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

THE IMAGE OF A CHILD IN HORROR LITERATURE (BASED ON THE MATERIAL OF D. BOBYLEVA'S COLLECTION «THE FORGOTTEN MAN»)

Abstract. The article examines the image of a child in the collection of short stories by the modern Russian writer Darya Bobyleva “The Forgotten Man”. Seven stories of the collection were taken for analysis, in which the image of the child plays a key role in semantic and compositional terms. The work attempted to classify the analyzed stories from the point of view of the meaning of the child's image. This image is considered in terms of its folkloric sources, in particular – in the context of heat features of “bylichka” and post-folkloric “scary stories”. The image of the child is analyzed as an important compositional element to create the effect of the “terrible” as part of the otherworld. The article also discusses some of the psychological

prerequisites for including the image of a child in stories based on mystical horror. As a result of the conducted research, it can be concluded that the image of the child plays an important role in creating artistic unity in this collection.

Keywords: horror literature, modern Russian literature, the image of a child, bylichka, «scary story», plot.

Вклад авторов

Хомяков В.И. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание – обзор и редактирование.

Гаранина Е.П. – концептуализация, методология, формальный анализ, роли/письмо – первоначальный проект, написание.

**2 БӨЛІМ.
ТІЛДЕРДІ ОҚЫТУ ӘДІСТЕМЕСІ****РАЗДЕЛ 2.
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ****SECTION 2.
METHODS OF TEACHING LANGUAGES**UDC 801.8,
IRSTI 14.07.03[DOI: 10.52301/2957-5567-2023-4-63-78](https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-63-78)**Vasic B.K.***Association «Society for Academic Activity», Nis, Serbia* <https://orcid.org/0000-0002-8723-1703>*email: vasich.b@gmail.com***FORMATION OF LANGUAGE:
PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS**

Abstract. In child development, language is an integral part of the processes of differentiation and integration into new situational forms; created forms include “others”, “language for others”, “yourself”, “language for yourself”, etc. Language is a process and a product. In the process of joint activity of parents and children, these phenomena acquire a unique meaning and character in the image. Individual consciousness is thus the product of their joint activities, the structure of functions, the content of which is indirect speech. Some researchers with evidence show that during childhood, information about the conscious self-control of the dialectic of communication with other people and with itself takes center stage. The language that is originally learned by the child is not some tiny version of grammar that is context-independent; instead, it is a specific means of communication created by initial parent-child communication. The heuristic focus of the study is expressed in the following statement that the transition of cognitive control from external social experience to internal psychological control is a prerequisite for all higher cognitive processes.

Key words: psychological and pedagogical aspects, multilingual education, cognitive control, “language for others”, “language for yourself”.

Conflict of interests:

The author declares that there is no conflict of interest.

Article history:

Date of admission: 23.08.2023

Printing date: 15.09.2023

Introduction

The increasing prevalence of interlingual communication has led to a growing interest in the study of bilingualism. In today's world, knowledge of a foreign language is considered a necessary skill that can contribute to professional development and the expansion of international relationships. The emergence of new scientific paradigms and

the integration of various disciplines, such as pedagogy, psychology, and linguistics, have led to the search for effective research methods in the study of bilingualism.

Bilingualism is now quite common, as most people live in multinational states where multiple languages are spoken. The realities of globalization and the existence of bili- and polylingual states have made bilingualism and polylingualism a part of everyday life.

Comparative studies of monolingualism and bilingualism challenge traditional understandings of human development. The subordination of biological processes to psychosocial ones, or the ability to consciously direct behavior that is biologically induced, is seen as the core task of human development. Philosophical literature refers to this as “will”, while psychological literature defines it as “conscious self-regulation”. In our work, we focus on a specific definition of conscious self-regulation.

Several studies indicate that conscious self-regulation in childhood is primarily developed through communication dialogue with others and oneself (Vygotsky, 1959, p.102; Luria, 1979, p.177; Luria, 1968, p. 47; Ambers, 1987). According to L. Vygotsky, the language acquired by a child during their early years is not simply a small version of grammar that exists independently of its context. Instead, it is a unique communication tool that is formed through the initial connections between parents and their child.

L. Vygotsky believed that language initially operates as an emotional and preverbal psychosocial image. As a child develops, language plays a crucial role in the processes of differentiation and reintegration into new situations, such as “others”, “language for others”, “yourself”, “language for yourself”. Language is both a product and a process, and during joint activity between parents and children, these phenomena acquire unique meaning and features. As a result, individual consciousness is formed through joint activity, with its structure of functions and content mediated by speech acts (Vygotsky, 1959, p.117).

L. Vygotsky argued that «personality» and «language» are interconnected parts of the same cognitive structures and cannot be treated as separate features of consciousness, as some rationalist thinkers have claimed. These concepts cannot be explained by the social learning theory, which views them as a mere reflection of initial social relations. Instead, both language and personality develop from social relations, but they are not determined solely by them. The individual's social environment and personal characteristics both play a role in their development. Consciousness is not a mechanical reflection of social data, but a perceived being. While the relationship between language and personality is most evident in early ontogenesis when they work together to enable action, they remain interconnected parts of psychosocial unity throughout adulthood, although they acquire functional autonomy as part of normal development.

Material and methods

The purpose – study of psychological and pedagogical aspects of multilingual education. Multilingual education transcends language acquisition – it fosters cognitive growth, cultural empathy, and a competitive edge in an interconnected world. The benefits of bilingual and multicultural learning extend beyond the classroom, shaping well-rounded individuals equipped to thrive in diverse settings. Objective: analyze the scientific works of leading scientists on the research topic; consider the situational forms of language. Research methods: analysis and synthesis of information data; comparative

analysis. Comparative analysis is a method that is widely used in social science. It is a method of comparing two or more items with an idea of uncovering and discovering new ideas about them. It often compares and contrasts social structures and processes around the world to grasp general patterns. Comparative analysis tries to understand the study and explain every element of data that comparing. Results: a product of their joint activity, the structure of functions, contents which the indirect speech act.

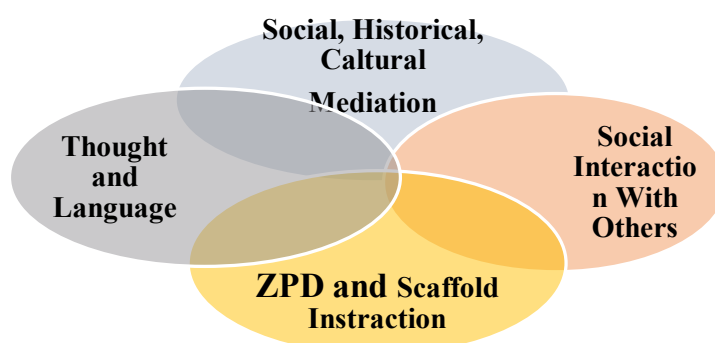
Results and discussion

1. Four basic functions of language

Several studies indicate that conscious self-regulation in childhood is primarily developed through communication dialogue with others and oneself (Vygotsky, 1959, p.102; Luria, 1979, p.177; Luria, 1968, p. 47; Ambers, 1987). According to L. Vygotsky, the language acquired by a child during their early years is not simply a small version of grammar that exists independently of its context. Instead, it is a unique communication tool that is formed through the initial connections between parents and their child.

L. Vygotsky believed that language initially operates as an emotional and preverbal psychosocial image. As a child develops, language plays a crucial role in the processes of differentiation and reintegration into new situations, such as "others," "language for others," "myself," and "language for myself." Language is both a product and a process, and during joint activity between parents and children, these phenomena acquire unique meaning and features. As a result, individual consciousness is formed through joint activity, with its structure of functions and content mediated by speech acts (Vygotsky, 1959, p.117).

L. Vygotsky argued that "personality" and "language" are interconnected parts of the same cognitive structures and cannot be treated as separate features of consciousness, as some rationalist thinkers have claimed. These concepts cannot be explained by the social learning theory, which views them as a mere reflection of initial social relations. Instead, both language and personality develop from social relations, but they are not determined solely by them. The individual's social environment and personal characteristics both play a role in their development. Consciousness is not a mechanical reflection of social data, but a perceived being. While the relationship between language and personality is most evident in early ontogenesis when they work together to enable action, they remain interconnected parts of psychosocial unity throughout adulthood, although they acquire functional autonomy as part of normal development.

Picture 1. Combining Thought and Language with Socialization – a Dynamic Process

To help a child develop mature language functions, parents and educators should engage them in a world of touches, sounds, and gestures before they are able to speak. At this stage, the child's language functions are undifferentiated, and their communication relies heavily on external social experience. The goal should be to develop a self-regulating system where each language function is clearly differentiated, yet remains part of the whole. A. Luria emphasizes that there is continuity in the transition from an immature to a mature state, with initial features being preserved and evolving at each stage. In other words, the development of language functions is a gradual process that builds upon previous stages and maintains certain characteristics along the way.

Characteristics of four main stages of self-regulation. A. Luria's research is focused on the transition of cognitive control from external social experience, such as verbal instructions from adults, to internal psychological control, such as voluntary self-instruction. According to his findings, this transition is a necessary condition for the development of all higher cognitive processes. He describes four stages of this transition based on ethnographic studies, clinical observations, and control experiments. At each stage, there is an increase in conscious control over language functions, leading to a more self-regulating system. In other words, as the child develops, they move from relying on external guidance to internal self-regulation, which allows for more advanced cognitive processes. He suggests the main age parameters of normal mastery of each stage and describes their characteristics with a great accuracy in the following manner:

1. Between the ages of 10-24 months, a child's reference and communicative function are more developed compared to their generalizing and self-regulating functions. Simple instructions can prompt a child to take appropriate actions, but these actions are often pre-set and automatic. In these early stages, verbal instructions may be overridden by pre-existing automatic actions, and if there is a significant gap between instruction and execution, the child may forget the verbal instructions altogether.

2. Between the ages of 30-36 months, a child's communicative and reference functions become more actively manipulated, and there is some development in their generalizing and self-controlling functions. At this stage, there is a greater degree of conscious control, which can inhibit motor activity. With adult encouragement, a child can learn to respond appropriately to more complex semantic indications. In these situations, the child relies on connections and synthesis of words, rather than a single word, to fulfill a verbal-indicative role. In other words, the child's language use becomes more sophisticated and incorporates multiple words to convey meaning.

3. Between the ages of 40-54 months, a child gains even greater control over their communicative and reference functions, and is capable of generalizing and solving complex semantic and logical problems through a process of self-dialogue. However, it's important to note that this self-dialogue must occur aloud, as a silent self-dialogue can lead to arbitrary and uncontrolled self-directed behavior. In other words, a child's internal monologue is most effective when spoken aloud, rather than just thought silently.

4. Between the ages of 60-84 months, a child fully differentiates and reintegrates all four language functions, which enables conscious self-regulation. At this stage, the child can effectively engage in a silent self-dialogue, and is capable of planning and anticipating future actions silently. The child's behavior is now consistent with both their spoken self-dialogue and their internal thoughts. In other words, the child has developed

a mature and fully functional language system that allows them to consciously control their own cognitive processes.

2. Discovery A. Luria

According to A. Luria's findings, young children tend to develop their ability to understand and use language more quickly than they develop their ability to control their own movements. As a result, it may be easier for a toddler to respond verbally to instructions than to perform a simple physical action on their own. This is significant for parents and educators because the faster a child's language skills develop, the faster they are likely to achieve overall cognitive control. In simpler terms, language development appears to outpace motor control development in young children, and this has important implications for their cognitive development. By writing down verbal instructions of an adult to a child and the children's answers, A. Luria checked his assumptions and received the following results:

1. During the first developmental stage of a child, which usually occurs at around one year of age, the ability to understand and use language develops alongside the ability to reference objects. The child begins to understand that objects have names and can be referred to by those names during communication with their parents. However, when asked to retrieve a specific object, the child may not necessarily choose the correct one, but rather the one that captures their attention. Similarly, when instructed to perform a specific action based on a visual cue, the child may have difficulty stopping that action once it has begun. This is because, at this stage, the child lacks internal controls and relies on external direction from adults. It is not until the fourth developmental stage that self-regulation through verbal means becomes more clearly defined, and cognitive control becomes inter-psychic. In simpler terms, during the first stage of development, a child's ability to follow instructions and regulate their behavior is unpredictable, and they rely heavily on external guidance from adults. It is only later on that they begin to develop the ability to regulate their own actions through verbal means.

2. During the second developmental stage, which typically occurs at around three years of age, a child's internalized communicative and reference functions become more fully developed. They begin to differentiate between generalization and self-regulation functions, and acquire some self-regulation function. For example, when presented with two colored lights and a ball, a child on this stage can follow an instruction to squeeze the ball when the red light comes on and not squeeze it when the green light comes on, but only if the instruction is given by an adult. If the child tries to instruct themselves silently, they may squeeze the ball in response to both instructions. This is because the act of speaking can activate their motor system, indicating that their biology is not yet fully under conscious psychosocial control. While it may be easier for a child on this stage to control their speech than to self-regulate their cognitive-motor system, A. Luria suggests that this is because the generalizing and self-regulating functions have not yet been fully differentiated from the primitive system and integrated into a more mature system. As a result, cognitive control at this stage is partly inter-psychic and partly intra-psychic. In simpler terms, during the second stage of development, a child's ability to regulate their behavior and follow instructions improves, but they still rely heavily on external guidance and have not yet fully integrated their self-regulation functions into a mature system.

3. During the third stage of development, typically occurring at around four years of age, a child differentiates and integrates four basic functions, resulting in less

contradiction between their intentions and their actions. External speech and behavior become more consistent, and the child gains better control over their cognitive processes. It is important for parents and teachers to recognize that a child who talks to themselves externally is actually giving directions aloud, directing their own actions. Suppressing a child's self-talk can lead to arbitrary actions and delay the development of conscious self-regulation. The ability to consciously control one's cognitive processes and actions represents a new direction of development within the system, even if internal speech has not yet developed. In other words, compared to the second stage of development, a child in the third stage has gained more conscious control over their behavior, and it is important to support their external self-talk rather than discourage it.

4. At around 6 years old, a child on the fourth stage of development can respond properly to external and self-directed instructions. They can handle complex tasks that require semantic and logical reasoning by having an inner dialogue. Even though they may still talk to themselves out loud, they are capable of solving problems silently when needed. A. Luria sees this stage as the point where a child has developed their own identity and has fully acquired all four language functions.

Moving from a primitive and undifferentiated system of cognition and communication to a mature and integrated system does not mean that a child is fully developed or self-motivated. It simply means that the child now possesses the cognitive framework necessary to consciously interact with the world. Therefore, it is still important for parents, educators, and teachers to continue to guide and teach the child. Although a child in the fourth stage has a cognitive system that allows him to learn from teachers, they still need to carefully guide him through his immediate developmental zone. Educators must also be aware that a child's mental growth is indirect and occurs over time.

Table 1 Child Development Chart – First Five Years (Harold Ireton, PhD)

	Social	Self-Help	Gross Motor	Fine Motor	Language
5yrs to 4yrs	Demonstrates leadership qualities when interacting with peers, and can easily understand and comply with basic instructions in board or card games.	Demonstrates independent toileting skills. Demonstrates awareness of road safety by looking both ways before crossing. Can independently fasten one or more buttons on clothing.	Engages in swinging on a swing set using own effort to pump and gain momentum. Performs skipping or running broad jumps. Balances and hops on one foot without assistance.	Prints first name (four letters). Draws a person that has at least three parts - head, eyes, nose, mouth, etc. Draws recognizable pictures.	When asked, for example, “What is an orange?” answers, “A fruit”. Reads a few letters (five+) Prints a few letters or numbers. Counts ten or more objects.
4yrs to 3yrs	Displays a caring attitude towards younger peers. Engages in cooperative play with minimal need for adult intervention and conflict. Provides guidance or instructions to other children.	The child is capable of dressing and undressing themselves independently, although they may still require assistance with tying shoelaces. They are also able to wash their face without assistance and have successfully completed toilet training.	The child is capable of balancing and hopping on a single foot without assistance. The child can also ride a tricycle and use the pedals to move around.	Cuts across paper with small scissors. Draws or copies a complete circle.	Follows a series of three simple instructions in order. Talks in long, complex sentences (10 or more words). Answers questions like, “What do you do with your eyes? ears?” Identifies at least four colors by name correctly. Asks questions beginning with “Why? When? How?”

3yrs to 2yrs	Engages in games involving physical activity and social interaction, such as tag and hide-and-seek. Participates in imaginative play, taking on roles such as parent, teacher, or student. Uses a fork to eat food. Attempts to assist with basic household chores. Plays with other children cars, dolls, building.	Dresses self with help. Washes and dries hands. Opens door by turning Knob.	Walks up and down stairs - one foot per step. Stands on one foot without support. Climbs on play equipment – ladders, slides.	Cuts with small scissors. Draws or copies vertical () lines. Scribbles with circular Motion.	Answers questions like, “What do you do with a cracker? a hat?” Speaks clearly - is understandable most of the time. Talks in sentences at least four words long. Has a vocabulary of at least 20 words.
2yrs to 18mos	Usually responds to correction - stops. Shows sympathy to other children, tries to comfort them. Sometimes says “No” when interfered with.	Takes off open coat or shirt without help. Eats with spoon, spilling Little. Eats with fork.	Walks up and down stairs alone. Runs well, seldom falls. Kicks a ball forward.	Turns pages of picture books, one at a time. Builds towers of four or more blocks.	Follows two-part instructions. Names a few familiar objects in picture books. Asks for a drink or food, using words or sounds. Uses at least ten words.

18mos to 12mos	Greets people with “Hi” or similar. Gives kisses or hugs.	Insists on doing things by self-such as feeding. Feeds self with spoon. Lifts cup to mouth and Drinks.	Runs. Walks without Help. Stands without support.	Scribbles with crayon. Picks up two small toys in one hand. Stacks two or more blocks.	Talks in single words. Says “Mama” or “Dada” for parent, or similar.
12mos to 6mos	Waves “Bye-bye.” Plays social games, “peek-a-boo,” “patty-cake.”Pushes things away he/she doesn’t want. Reaches for familiar People.	Picks up a spoon by the handle. Feeds self-cracker.	Walks around furniture or crib while holding on. Crawls around on hands and Knees. Sits alone . . . steady, without support. Rolls over from back to stomach.	Picks up small objects - precise thumb and finger grasp. Uses two hands to pick up large objects. Transfers toy from one hand to the other.	Understands phrases like “No-no” and “All gone.” Makes sounds like da-da, ma-ma, ba-ba. Responds to name - turns and looks. Babbles.
6mos to berth	Distinguishes mother from others. Social smile.	Comforts self with thumb or pacifier. Reacts to sight of bottle or breast.	Turns around when lying on stomach. Lifts head and chest when lying on stomach.	Picks up toy with one hand. Looks at and reaches for faces and toys.	Laughs out loud. Makes sounds - ah, eh, ugh. Cries in a special way when hungry.

Although some researchers disagree with the ideas of L. Vygotsky and A. Luria regarding language and consciousness, there are others who support their views (Bain, Yu, 1980; Bain, Yu, 1982, p. 69; Bronchart, 1973, p. 417; Lanco-Worrall, 1972, p.69). However, it should be noted that we consider the research methods and concepts of Vygotsky and Luria to be valuable and useful for further investigation.

3. Principle of M. Grammont “one parent – one language”

There are various ways to enhance children's bilingual abilities, including learning a second language after mastering their mother tongue's grammar structure or through early or late immersion. However, the focus of this discussion is on raising bilingual children in an environment where two languages are spoken simultaneously, commonly known as the «one parent – one language» approach. Many researchers have studied this method, and we will highlight the best works in this area.

In 1908, French linguist D. Ronier and his German-speaking wife planned to educate their future child in Franco-German bilingualism. They received advice from their colleague M. Grammont, who suggested that they talk to the child in only one of the languages they want them to learn, depending on the situation (Hamers, Blanc, 1989). “Each language should be represented by a different person, meaning the child should always hear French from one person and German from the other, and this should never be reversed. According to Grammont, this approach would enable the child to start speaking in two languages without even realizing it, and without having to put in a lot of effort” (Imedadze, 1967, p. 11).

D. Ronier implemented M. Grammont's advice meticulously, and the results were just as predicted. Their son, Louis, was able to distinguish between French and German by the age of two. He would test words by their pronunciation and identify which language each word belonged to, often taking no more than a week to master them. Louis also achieved accurate pronunciation of both languages' phonemes at 3 years and 5 months old, which was considered the minimum level of the norm for monolingual French and German speakers.

In terms of vocabulary development, Louis initially showed a stronger inclination towards German, likely due to communicating more with his mother in that language. However, this imbalance did not last long. By the age of 3 years and 8 months, Louis was actively studying words and phrases in both languages simultaneously. He made an effort to find the equivalent of a word or phrase he knew in one language in the other. After this period, he no longer confused the two languages, and he was able to speak both languages as a native by the age of 3 years and 10 months.

D. Ronier's observations have been supported by many studies, including V. Leopold's classical study from 1939-1949, which involved his daughter Hildegard's development in German and English using the «one parent – one language» principle. Leopold discovered a unique phenomenon in Hildegard's language development, where there was a weakening of the connection between the phonetics of a word and its meaning, something that is rare in monolingual children of her age (Leopold, 1994).

Like Louis, Hildegard was able to tell the same story in both languages from the age of 2 years and 11 months, and by the age of 3 years and 7 months, she was easily accepting new names for objects and events already known in one language and actively looking for an equivalent in the other language. Another study by Imedadze also observed his daughter Natasha's language development in a bilingual environment of Russian and

Georgian, following M. Grammont's principle (Luria, 1959). Natasha's achievements were similar to what happened to Louis and Hildegard. But some following differences were observed that the conscious search for equivalent words and phrases in another language that D. Ronnie and V. Leopold observed in the third quarter of the third year, N. Imedadze stated in the first quarter of the third year. These differences are explained by the difference in a research criteria choice. Both linguists Ronnie and Leopold paid attention to linguistic criterion and a psychologist N. Imedadze looked into to cognitive criterion.

Notwithstanding the problem of criteria, from observations of Louis, Hildegard and Natasha when a child is brought up according to M. Grammont's principle "one parent – one language" then following three conclusions can be drawn as follows 1) two languages are acquired in a similar manner and act as one; 2) there is no explicit confusion of these two languages at the level of ordinary usage when differentiation of primitive communicative system and reintegration into two different languages takes place and 3) from a very young age these children acquire a desire to use all possible functions of a language.

Conclusions

The process of language development is the same for both monolingual and bilingual children. However, the way in which the language is represented can lead to different self-regulating speech conventions. As Vygotsky argued, language use is an integral part of the psychosocial context.

The structure of tools used for internal self-dialogue is an important area of research. In our study, we found that external self-dialogue in bilingual children is differentiated into two types of speaking at the third stage. Despite differences in the combinations of Asian and Indo-European languages used in our study, the phonetic and syntactic development of bilingual children was found to be similar to that of monolingual children as observed in previous studies by D. Ronier, V. Leopold, M. Imedadze and others.

However, we could not find any bilingual children who clearly differentiated linguistic means into two types of communication with others at stage 2 when others directed their self-regulation. Furthermore, we did not find any child who did this unconsciously at stage 3 when self-dialogue was aloud and aimed at self-regulation. Therefore, a more complete evaluation of the dynamics of language development can be achieved by considering language as both a process and a result.

While there is ample research describing processes that facilitate cognitive development acceleration, in our study we found that bilingual values are not negative or neutral. In fact, they play a significant role as cognitive accelerators in the development process. Overall, our study highlights the importance of considering the social and cultural contexts of language use in understanding the development of bilingualism.

References

- Ambers, L. (1987). *Raising children bilingually: the per-school years*. Clevedon: Multilingual Matters Ltd.
- Bain, B. & A. Yu (1980). Raising children bilingually in the Alsace, Alberta and Hong Kong: one parent / one language. *New Horizons*, 80–106.
- Bain, B., Yu, A. (1982). The cognitive style of bilingual children. *Acta Psychologica Sinica*, 69–78.

- Bronchart, J-P. (1973). The regulating role of speech. *Hum. Devel*, 417–439.
- Imedadze, N. (1967). *On the psychological nature of child speech formation under conditions of exposure to two languages*. Intern. J. Psychol. (in Russ.)
- Hamers, J. & M. Blanc (1989). *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Lanco-Worrall, A. (1972). Bilingualism and cognitive development. *Child Devel*, 65–75.
- Leopold, W. (1994). *Speech development of a bilingual child*. Evanston: North-Western University Press.
- Luria, A. (1959). *Direktivnaya rol' rechi v razvitii i rastvorenii* [Directive role of speech in development and dissolution]. Moskva: Izdatel'stvo «Word». (in Russ.)
- Luria, A. R. (1964). Rol' rechi v psikhicheskom razvitii rebenka. [The role of speech in the mental development of the child]. *Voprosy psikhologii* 47–53. (in Russ.)
- Luria, A. R. (1979). *Yazyk i soznaniye*. [Language and consciousness]. Moskva: Izdatel'stvo «Enlightenment». (in Russ.)
- Vygotsky, L.C. (1959). *Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya: myshlenie i rech'*. *Problemy psikhologicheskogo razvitiya rebenka*. [Selected psychological studies: thinking and speech. Problems of the psychological development of the child]. Moskva: Izdatel'stvo «Vysshaya shkola». (in Russ.)

Список использованной литературы

- Выготский Л. С. Избранные психологические исследования: мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. Москва: Издательство «Высшая школа», 1956. 368 с.
- Лурия А. Р. Язык и сознание. Москва: Издательство «Просвещение», 1979. 320 с.
- Лурия А. Р. Роль речи в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1958. № 4. С. 47–53.
- Лурия А. Р. Директивная роль речи в развитии и растворении. Москва: Издательство «Слово», 1959. 137 с.
- Ambers L. Raising children bilingually: the per-school years. Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1987. 237 p.
- Bain B., Yu A. Raising children bilingually in the Alsace, Alberta and Hong Kong: one parent / one language. *New Horizons*. 1980. P. 80–106.
- Bain B., Yu A. The cognitive style of bilingual children // *Acta Psychologica Sinica*. 1982. P.69–78.
- Bronchart J-P. The regulating role of speech // *Hum. Devel*. 1973. P. 417–439
- Hamers J., Blanc M. *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press. 1989. 458 p.
- Hamers, J., Blanc, M. (1989). *Bilinguality and bilingualism*. Cambridge: Cambridge University Press, 458 s.
- Imedadze N. On the psychological nature of child speech formation under conditions of exposure to two languages. *Intern. J. Psychol.*, 1967.
- Lanco-Worrall A. Bilingualism and cognitive development. *Child Devel*. 1972. P. 65–75.
- Leopold W. *Speech development of a bilingual child*. Evanston. North–Western University Press, 1994.

Б. К. Васич

«Академиялық қызмет қоғамы» қауымдастығы, Ниш қ., Сербия

ТІЛДІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ: ПСИХОЛОГИЯЛЫҚ-ПЕДАГОГИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕР

Аңдатпа. Баланың дамуында тіл саралау және жаңа ахуалдық нысандарға интеграциялау процестерінің ажырамас бөлігі болып табылады; жасалған нысандар «басқалар», «басқалар үшін тіл», «өзі», «өзі үшін тіл» және т.б. қамтиды. Тіл – бұл процесс пен өнім. Ата-аналар мен баланың бірлескен қызметі процесінде бұл құбылыстар бейнеде қайталанбас мағынаға және сипатқа ие болады. Негізінде жеке сана, осылайша, олардың бірлескен қызметінің өнімі, жанама сөйлеу мазмұны болатын функциялардың құрылымы болып табылады. Кейбір зерттеушілер бала кезінде өзін-өзі саналы бақылау ақпараты басқа адамдармен қарым-қатынас диалектикасының өзімен-өзі орталық орын алатынын дәлелдей отырып көрсетеді. Бастапқыда бала меңгерген тіл контекстен тәуелсіз грамматиканың кішкентай нұсқасы болып табылмайды; оның орнына бұл ата-ана мен бала арасындағы бастапқы қарым-қатынастан құрылған нақты қарым-қатынас құралы. Зерттеудің эвристикалық бағыты когнитивтік бақылаудың сыртқы әлеуметтік тәжірибеден ішкі психологиялық бақылауға көшуі барлық жоғары когнитивтік процестер үшін қажетті шарт болып табылады деген пайымдаудан көрінеді.

Түйінді сөздер: психологиялық-педагогикалық аспектілер, көп тілді білім беру, когнитивтік бақылау, биологиялық процестер, «басқаларға арналған тіл», «өзі үшін тіл».

Б.К. Васич

Ассоциация «Общество академической деятельности», г. Ниш, Сербия

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКА: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В развитии ребенка язык является неотъемлемой частью процессов дифференциации и интеграции в новые ситуативные формы; созданные формы включают «других», «язык для других», «себя», «язык для себя» и т. д. Язык – это процесс и продукт. В процессе совместной деятельности родителей и ребенка эти явления приобретают в образе неповторимый смысл и характер. Индивидуальное сознание в основе является, таким образом, продуктом их совместной деятельности, структурой функций, содержанием которых выступает косвенная речь. Некоторые исследователи с доказательствами показывают, что в период детства информация осознанного самоконтроля диалектика общения с другими людьми и сама с собой занимает центральное место. Язык, который изначально усваивается ребенком, не является какой-то крохотной версией грамматики, независимой от контекста; вместо этого это конкретное средство общения, созданное первоначальным общением между родителями и ребенком. Эвристическая направленность исследования выражается в следующем утверждении, что переход когнитивного контроля от внешнего социального опыта к внутреннему психологическому контролю является необходимым условием для всех высших когнитивных процессов.

Ключевые слова: психолого-педагогические аспекты, многоязычное образование, когнитивный контроль, «язык для других», «язык для себя».

Information about author

Васич Бибигуль Қ., педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, «Академиялық қызмет қоғамы» қауымдастығы, Ниш қаласы, Сербия.

Васич Бибигуль К., кандидат педагогических наук, доцент, Ассоциация «Общество академической деятельности», г. Ниш, Сербия.

Vasic Bibigul K., Candidate of Pedagogical Sciences, docent, Association «Society for Academic Activity», Nis, Serbia.

Б.Ш. Құралқанова

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар,
Қазақстан Республикасы*

 <https://orcid.org/0009-0000-8558-1315>

e-mail: bota0975@mail.ru

Э.Ж. Мажинова

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар,
Қазақстан Республикасы*

 <https://orcid.org/0009-0002-4082-8198>

e-mail: elmira_mzh@mail.ru

КӨРКЕМ МӘТІННІҢ ТЕОРИЯЛЫҚ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ

Аңдатпа. Мақалада көркем мәтін проблемасы қаралады, «мәтін» ұғымына ғалымдардың теориялық көзқарастары баяндалады. Түрлі дереккөздердегі мәтін анықтамалары талданады. Сондай-ақ, қазіргі заманғы мәтін теориясында көркем мәтін типологиясы қарастырылады. Көркем және ғылыми әдебиеттегі мәтіннің сараланған сипаттамалары белгіленген. Егер көркем мәтін ассоциативті-бейнелі ойлауға негізделсе, онда ғылыми-фантастикалық мәтін логикалық ойлауға негізделеді. Мәтіннің сыртқы және ішкі нысандары түсініктері егжей-тегжейлі анықталады. Сонымен қатар, мәтін прагматикалық тұрғыдан, яғни адресат-алушы тұрғысынан қаралады. Белгілі ресейлік әдебиеттанушы ғалымдардың «мәтін» ұғымын түсіндірудің логикалық, стилистикалық және прагматикалық тәсілдері сипатталған. Олар ұсынған көркем мәтіннің негізгі стилистикалық және функционалдық ерекшеліктері ерекшеленеді. Мәтін ұғымы «ақпарат» терминімен және оның түрлерімен байланыстырылады.

Түйінді сөздер: көркем мәтін, оқу мәдениеті, мәтін теориясы, мәтін типологиясы, ақпарат.

Мүдделер қақтығысы:

Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.

Мақаланың тарихы:

Келіп түскен күні: 22.07.2023

Жариялауға қабылданған күні: 12.09.2023

Кіріспе

Кез келген мәтін тілдік таңбалардың жүйесі ретінде қабылданады. Көркем мәтінді әр түрлі тұрғыдан зерттеуге болады, өйткені мәтіннің барлық негізгі белгілері жоғары коммуникативті бірлік ретінде сипатталады. Көркем мәтін – филологияның зерттеу объектісі. Оның ерекшелігі – семантикалық ғана емес, сонымен қатар көркем немесе эстетикалық ақпаратының болуы. Мәтіндегі көркем ақпараттың тасымалдаушылары оның кез келген элементтері болуы мүмкін. Көркем мәтін мазмұны жазылу ортасына, дәуірі мен уақытына, ұлттық-мәдени және түрлі діни, философиялық түсініктерге, шығарма авторының психологиясына, белгілі бір әдеби мектепке, бағытқа тәуелді болады. Мәтіннің денотаттық,

референттік, ситуативтік қасиет-сапалары осыларға байланысты қалыптасады. Кез келген көркем мәтін шынайы өмірдің эстетикалық бейнесі секілді болады.

Материалдар мен әдістер

Мақаланы жазу барысында М.К. Ахметованың «Мәтін лингвистикасы» (2008), И.Р. Гальпериннің «Текст как объект лингвистического исследования» (1981), Б.Ш. Құралқанованың «Қазақ повесінің көркемдік табиғаты» (2019) және тағы да басқа ғалымдардың ой-тұжырымдары басшылыққа алынды. Мақалада әдебиеттерді жинақтау және талдау әдістері пайдаланылды.

Мақалада терминдердің дефинициялық талдауы пайдаланылады, әртүрлі ғалымдардың мәтінді түсіндіруіндегі ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік беретін әртүрлі дереккөздердегі дефинициялардың салыстырмалы талдауы жүргізіледі.

Нәтижелер және талқылау

Ғылымда мәтінге берілген анықтамалар әртүрлі. Бұл, негізінен, мәтіннің күрделі тілдік құбылыс екенімен және әр зерттеушінің өзіндік ұстанымымен түсіндіріледі. «Мәтін (лат. textum – қосылу, бірігу) орыс. текст – тілдік таңбалардың мағыналық және тұлғалық байланысы негізінде түзілген жүйелі тізбесі. Мәтіннің құрылу шарттары: сыртқы тұлғалық байланыстарға, белгілі бір ішкі мазмұнға ие болуы, аяқталғандығы, қарым-қатынас жасауды іске асыру мүмкіндігіне ие болуы т.б. Мәтін – жазудың шығуымен байланысты қалыптасып, әрі қарай дамып отырған тілдік құрылым» (Қалиев, 2005, 208 б.). Лингвистикалық сөздіктерде мәтінге келесі анықтамалар беріледі: «Мәтін – латынша байланысу, қосылу, тұтасып кету. Басты қасиеті тұтасым және байласым болып саналатын мағыналық байланыстармен біріккен таңба бірліктерінің тізбегі» (Ярцева, 1998, 507 б.). «Мәтін – жүйеленген, тұтасқан, тиянақталған және мағыналық жақтан өзара байланысқан сөйлемдердің тізбегі. Ауызша немесе жазбаша сөйлеу туындылары» (Сулейменова, 1998, 374 б.). Осы пікірлер арқылы мәтіннің өзіндік құрылымы мен ерекшеліктері сипатталады.

Мәтін *көркем* және *көркем емес* болып екіге бөлінеді. Көркем мәтін ассоциативті-бейнелі ойлауға негізделсе, көркем емес мәтін логикалық ойлауға құрылады. Көркем мәтінде өмірлік материал автордың шығармашылық қуатымен көркемдік әлемге айналады. Көркем мәтін өз кезегінде прозалық және поэзиялық болады.

Зерттеуші Н.С. Валгина: «Для нехудожественного текста важна логико-понятийная, по возможности объективная сущность фактов, явлений, а для художественного – образно-эмоциональная, неизбежно субъективная», – деп жазады (Валгина, 2003, 7 б.). Ғалымның пікірінше, көркем мәтін ассоциативті-бейнелі ойлауға негізделсе, көркем емес мәтін логикалық ойлауға құрылады. Көркем мәтінде өмірлік материал автордың көзімен көркемдік әлемге айналады, сондықтан көркем мәтінде суреттелген өмір құбылыстарының астарлы мағынасы болады.

Осы көркем мәтін – филологияның зерттеу объектісі. Ғалымдар көркем мәтіннің келесі қасиеттерін атап көрсетеді: қабылдауға икемділігі, автор интенциясының көрініс табуы, аяқталғандық, басқа мәтіндермен байланысы, эмотивтік қасиеті және т.б. Бұл орайда Н.А. Николина көркем мәтіннің қасиет-белгілерін төмендегідей ажыратады:

– біріншіден, көркем мәтінде автордың көркемдік әлемі жасалады, яғни өмір шындығы авторлық интенцияларға орай көркемдік шындыққа айналады. Көркем мәтіннің мұндай қасиеті «фикционалдық» (ойдан жасалған, жалған) терминімен аталады. Аталмыш термин мәтіннің ішкі әлемінің шарттылығын, қиядан туғандығын білдіреді. Фикционалдық көркем әлемнің әртүрлі қабаттарын, уақыт пен кеңістікті, баяндау құрылымын қамтиды. Әрине, шығарманың жанрлық түріне байланысты (ғұмырнамалық, тарихи, деректі, фантастикалық және т.б.) өмір шындығы мен көркемдік шындықтың ара қатысы әртүрлі дәрежеде көрінеді. Көркем мәтіннің басты қызметі – оқырманға эстетикалық әсер беру. Бұл қызмет әртүрлі әдіс-тәсілдер арқылы жүзеге асады;

– екіншіден, көркем мәтін құрылымы жағынан күрделі жүйе құрап, тұтастығымен ерекшеленеді;

– үшіншіден, көркем мәтіннің барлық элементтері өзара байланысты болып келеді;

– төртіншіден, көркем мәтін басқа мәтіндермен байланысып, оларға сілтеме жасайды немесе оның элементтерін өз бойына тоғыстырады. Бұл мәтінаралық байланыстар оның мағынасына әсер етіп қана қоймайды, негіз де бола алады. Мәтінаралық (интермәтінділік) байланыстар шығарманың астарлы мағынасын ашып, көпүнділігін айқындайды;

– бесіншіден, көркем мәтін нақты және жасырын ақпарат береді. Осы тұста көркем мәтіндегі ақпарат түрлеріне кеңірек тоқтала кетейік (Николина, 2007, 152 б.).

«Ақпарат» термині әлеуметтік-тұрмыстық және терминологиялық мағынада қолданылады. Бірінші мағынадағы ақпарат дегеніміз – бұл хабарлама, яғни хабарлау мақсатын көздейді. «Ақпарат» терминінің екінші мағынада қолданылу ерекшелігін И.Р. Гальперин былайша түсіндіреді: «Второе значение термина «информация» употребляется в работах по теории коммуникации, но предполагает использование этого термина лишь при получении новых сведений о предметах, явлениях, отношениях, событиях объективной действительности. Таким образом, научно-терминологическое значение «информация» снимает некоторую неопределенность в уже воспринятых и частично познанных предметах и явлениях» (Гальперин, 1981, 26 б.). Зерттеуші әртүрлі мәтіндердегі ақпарат түрлерін қарастыра келе, оның үш типін атап көрсетеді: мазмұнды-деректік (МДА), мазмұндық-концептуалды (МКА) және мазмұндық-астарлы (МАО). МДА – дегеніміз шынайы немесе ойдан жасалған көркемдік әлемде орын алған немесе болатын фактілер, оқиғалар туралы хабар беру. МДА эксплицитті, яғни вербалды болып келеді. Мұндай ақпаратты оқырман МДА құралдары арқылы бейнеленген құбылыстардың мән-мағынасы, өзара байланыстары, себеп-салдары және т.б. туралы автордың жеке көзқарасынан хабар береді. Мұндай ақпарат шығарманың өн бойынан алынып, автордың ой ниетімен, қиялымен жасалған көркемдік шындықты білдіреді. МКА әрқашан айқын, бір жақты бола бермейді. Сөйтіп МДА – болмыстық сипатта болса, МКА – эстетикалық-көркемдік сипатта болады. МКА – тек көркем мәтінге тән. Сонымен, МДА – шығарманың идеясын түсінуге апаратын ұғым, МКА – автордың ойы, ниеті, ұстанымы. Мазмұндық-астарлы ақпарат дегеніміз – мазмұндық-деректі ақпараттан әртүрлі әдіс-тәсілдер (психологизм, интермәтінділік, ассоциация, символ, метафора және т.б.) арқылы алынатын жасырын, астарлы ақпарат.

Зерттеуші ғалымдар Ж. Қадыров пен Т. Есембековтер «Көркем шығарманы талдау және талқылау жолдары» атты оқу құралында әдебиет тарихының оқырман назарын игеру мен басқару тарихынан тұратының тілге тиек етіп, XVIII ғасырдағы автор мен XX–XXI ғасырдағы автордың айырмашылығын атап көрсетеді: «XX ғасыр әдебиеті мәтінді құрастырудың басқа амалдарын қолданды. Автор мәтінде өзі әдейі қалдырған ақпараттың «ақтаңдақтары», құпия дерегі бар «қуыстары» арқылы оқырман назарын жаулап алуға ұмтылды. Енді туындыны талқылаудан гөрі теориялық мәселелермен әуестеніп кеткен сыншылдардың көмегінсіз-ақ оқырманның өзі мағыналық қуыстарды толтыруға, ақтаңдақтарды жабуға тиісті болды» (Қадыров, Есембеков, 2013, 49 б.).

Автор мен оқырманды структуралистер мен постмодернистер түрліше түсіндіреді. Структуралистер филологиялық білімі бар оқырманды талап етсе, ал постмодернистер «көркем әлемді бар ерекшелігімен қабылдай алатын уникал-оқырманды» көргісі келеді. Әдеби сезімталдығы (интуиция) бар оқырман ғана мәтіндегі астарлы ақпаратты ала алады;

– алтыншыдан, көркем мәтін автор мен оқырман арасында дәнекерлік қызмет атқарады, өз кезегінде оқырман автор интенциясын (ой ниетін) түсініп, шығармашылық белсенділік танытады. Яғни, мәтін, мәтінді жасаушы – автор, мәтінді қабылдаушы – оқырман арасында күрделі қарым-қатынас пайда болады.

Мәтіннің көлемі әртүрлі болуы мүмкін, соған байланысты әртүрлі пікірлер қалыптасқан. Дегенмен, мәтіннің мән-мағынасы тек сөздерден ғана тұрмайды, сонымен қатар, ол сыртқы факторлар – белгілі мақсатты көздейтін, бір адресатқа арналған ақпараттардан тұрады. Сол себепті де оның түсінуге лайық тілдік құрылымы, формасы болады. Мәтіндегі кез келген элемент қалай болса солай емес, белгілі бір реттілікпен байланыса орналасады, тұтастығын қамтамасыз ету мақсатында қызмет жасайды. Мәтін элементтері автордың ниетіне сәйкес таңдалады да, сол ниет бойынша мейлінше толық, дәл жететіндей түзіледі. Мәтіннің қоғам үшін атқаратын қызметі әрқилы. Оның ақпараттық, эстетикалық, коммуникативтік мүмкіндіктері адам, уақыт және кеңістікпен тығыз байланыста болады.

Көркем мәтін басқа мәтіндерге қарағанда бөлек құрылымды, ерекше пішімді, айрықша тілді болып келетін өнер туындысы. Ішкі элементтерінің бір-бірін дамыта байланысуының нәтижесінде өзгеше, жаңа мәнге ие болып, эстетикалық әсерге бөлейтін құрылым. Көркем мәтін өзінің ақпараттық, коммуникативтік, эстетикалық, кумулятивтік ерекшеліктері негізінде жаңа мән-мағына тудырып, бар білімді жандандыра, жаңғырта отырып, жаңа білім мен танымды қалыптастыратын қасиетке ие. Ғалым М.К. Ахметова «Мәтін лингвистикасы» атты еңбегінде: «Бұл жерде сыртқы форма – тікелей қабылданып ұғынылатын тілдік құралдардың жиынтығы мен автордың түпкі ойын жүзеге асыратын олардың мазмұндық жағы болса, ал ұғынылатын нәрсе оның ішкі формасын құрайды. Ішкі форма – берілген барлық құралдардың жиынтығымен тұтастай сәйкес келетін адамның ақыл ойында жүзеге асатын ойлаудың түзілісі», – деп көптеген ғалымдардың тұжырымдарын келтіріп, мәтіннің негізгі белгісіне сыртқы және ішкі формалардың бірлігін жатқызады (Ахметова, 2008, 10 б.).

Көркем мәтін автор мен оқырман арасында дәнекерлік қызмет атқарады. Яғни, мәтін, мәтінді жасаушы – автор, мәтінді қабылдаушы – оқырман арасын-

да күрделі қарым-қатынас пайда болады. Зерттеуші М.К. Ахметова осы қарым-қатынасты былайша түсіндіреді:

1. Автор қабылдаушыға бағытталған мәтінді шығарады.
2. Автор мәтінде көрініс табатын болмыстағы фактілерді, түрлі құбылыстарды, жағдайларды, түрлі көңіл-күйлерді және т.б. өзіндік «әлемдік тілдік бейнесі» арқылы саналы түрде бейнелейді,
3. Автор тілдік жүйе байлығының ішінен өзінің түпкі ойын жеткізіп, мәтін мазмұнын ашатындай тілдік амал-тәсілдерді сұрыптап алады.
4. Қабылдаушы мәтіннен ықпалды сезіне отырып, автордың шығармашылығын ойын түсінуге және соған бойлай енуге тырысады.
5. Қабылдаушы тұтастай автордың әлемдік бейнесін елестетуге талпынады.
6. Сондай-ақ оқырманның мәтінді түсіну (интерпретация) әрекеті мәтіннің тілдік қолданыстарының (лексикалық, грамматикалық, стилистикалық) мағынасын ұғынып, ұғынбаумен байланысты» (Ахметова, 2008, 15 б.).

Әдебиеттанушы ғалым М.М. Бахтин мәтінді объективті әлемнің субъективті бейнесі және кең мағынасында екі сананың қарым-қатынасқа түсуінің бір жолы деп анықтайды (Құралқанова, 2019, 6 б.). И.Р. Гальперин: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объектированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфазовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющие определенную целенаправленность и прагматическую установку», – деп мәтіннің ерекше бірліктерін, лексикалық, грамматикалық, логикалық және стилистикалық байланыстарын ашып көрсетеді (Гальперин, 1981, 18 б.).

Қорытынды

Қорытындылай келе, ауызша келген сөз не қағазға түскен шығарма – мәтін болып табылады. Мәтін – жүйеленген, тұтасқан, тиянақталған сөйлемдер тізбегі. Ғылыми еңбектерді зерттеп қарастыру арқылы мәтінге және ақпаратқа берілген анықтамалар талданды, мәтіннің күрделі тілдік құбылыс екені анықталды. «Ақпарат» терминінің бірнеше мағынада қолданылу ерекшелігі дәлелденді. Әр зерттеушінің өзіндік ұстанымымен қатар олардың қағидалары қарастырылды. Көркем мәтін басқа мәтіндерге қарағанда бөлек құрылымды, ерекше пішімді, айрықша тілді болып келеді. Көркем мәтін жаңа білім мен танымды қалыптастыратын қасиетке ие өнер туындысы.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі

- Ахметова М.К. Мәтін лингвистикасы: оқу-әдістемелік құрал. Орал: Ағартушы, 2008. 145 б.
- Валгина Н.С. Теория текста. Москва: Логос, 2003. 173 с
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 138 с.
- Қадыров Ж.Т., Есембеков Т.О. Көркем шығарманы талдау мен талқылау жолдары: оқу-әдістемелік құралы. Алматы: CyberSmith, 2013. 136 б.
- Қалиев Ғ. Тіл білімі терминдерінің түсіндірме сөздігі. Алматы: «Сөздік-Словарь», 2005. 440 б.

Құралқанова Б.Ш. Филологиялық талдау: оқу құралы Павлодар: ПМПУ, 2019. 141 б.

Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. Москва: Академия, 2007. 272 с.

Сулейменова Э.Д. Тіл білімі сөздігі . Алматы: Ғылым, 1998. 544 б.

Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь 2-е изд. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

References

Akhmetova, M.K. (2008). *Matin lingvistikasy: oku-adistemelik kural* [Text Linguistics: educational and methodical manual]. Oral: Agartyshy. (in Kaz.)

Valgina, N.S. (2003). *Teoriya teksta* [Text theory]. Moskva: Logos. (in Russ.)

Galperin, I.R. (1981). *Tekst kak obekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

Kadyrov, J.T. & T.O. Esembekov (2013). *Korkem shygarmany taldau men talkylau zholdary: oku-adistemelik kuraly* [Ways to analyze and discuss a work of art: educational and methodological manual]. Almaty: CyberSmith. (in Kaz.)

Kaliev, G. (2005). *Til bilimi teriminderinin tusindirme sozdigi* [Explanatory Dictionary of linguistics terms]. Almaty: "Sozdik-Slovar". (in Kaz.)

Kuralkanova, B.Sh. (2019). *Filologiyalyk taldau: oku kuraly* [Philological analysis: a textbook]. Pavlodar: PMPU. (in Kaz.)

Nikolina, N.A. (2007). *Filologicheskiy analiz teksta: uchebnoe posobie* [Philological analysis of the text: textbook]. Moskva: Akademiya. (in Russ.)

Suleymenova, E.D. (1998). *Til bilimi sozdigi / Slovar po yazykoznaniiyu* [Dictionary of linguistics]. Almaty: Gylym. (in Kaz. and Russ.)

Yartseva, V.N. (1998). *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskiy slovar` 2-e izd.* [Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary 2nd ed]. Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya. (in Russ.)

Б.Ш. Құралқанова

*Павлодарский педагогический университет имени Әлкея Марғұлана,
Павлодар, Республика Казахстан*

Э.Ж. Мажина

*Павлодарский педагогический университет имени Әлкея Марғұлана,
Павлодар, Республика Казахстан*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье рассматривается проблема художественного текста, излагаются теоретические точки зрения ученых на понятие «текст». Анализируются определения текста в разных источниках. Также рассматривается типология художественного текста в современной теории текста. Установлены дифференциальные характеристики текста в художественной и научной литературе. Если художественный текст основан на ассоциативно-образном мышлении, то научно-фантастический текст строится на логическом мышлении. Детально определяются понятия внешней и внутренней формы текста. Кроме этого, текст рассматривается с прагматической точки зрения, т.е. с позиции адресата-получателя. Охарактеризованы логические, стилистические и прагматические подходы к трактовке понятия «текст» известных российских ученых-литературоведов. Выделяются основные сти-

листические и функциональные черты художественного текста, предложенные ими. Понятие текста связывается с термином «информация» и ее типами.

Ключевые слова: художественный текст, культура чтения, теория текста, типология текста, информация.

B. Sh. Kuralkanova

*Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar,
The Republic of Kazakhstan*

E. Zh. Mazhinova

*Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar,
The Republic of Kazakhstan*

THEORETICAL FEATURES OF A LITERARY TEXT

Abstract. The article discusses the problem of an artistic text, sets out the theoretical points of view of scientists on the concept of “text”. Text definitions in different sources are analyzed. The typology of the artistic text in modern text theory is also considered. Differential characteristics of the text in fiction and scientific literature have been established. If a fiction text is based on associative and figurative thinking, a science fiction text is based on logical thinking. The concepts of external and internal form of the text are defined in detail. In addition, the text is considered from the pragmatic point of view, i.e. from the position of the addressee-recipient. The logical, stylistic and pragmatic approaches to the interpretation of the concept of “text” by famous Russian literary scholars are characterized. The main stylistic and functional features of the artistic text proposed by them are highlighted. The concept of text is connected with the term “information” and its types.

Keywords: artistic text, reading culture, text theory, text typology, information.

Авторлық үлестер

Құралқанова Б.Ш. – концептуалдау, формалды талдау, әдіснама, жазу – шолу және редакциялау.

Мажинова Э.Ж. – әдістеме, формалды талдау, рөлдер / жазу – бастапқы нобай, жазу.

G. N. Starchenko*Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan* <https://orcid.org/0000-0001-9617-1215>*email: galnikstar@mail.ru***Zh. K. Shirokova***Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan**email: jo.anna.4ka@mail.ru*

THE WAYS FOR FORMING STUDENTS' SPEECH COMPETENCE IN THE LESSONS OF RUSSIAN AS FOREIGN AND A FOREIGN LANGUAGE

Abstract. In modern teaching methodology, the mastery of a non-native language is described through the concept of speech competence, i.e. knowledge of the basic laws of language and speech functioning and the ability to use them to solve professional problems. The authors consider the most productive methods and techniques of forming students' speech competence in teaching Russian as a foreign language and English. An important direction is working with the lexical meaning of a word, its stylistic coloring, and etymology. Here, the technique of creating a cluster or a cinquain is applied. When forming speech competence, situationality is taken into account, i.e., the selection of relevant situations that encourage speech activity. Additionally, a significant role is played by the use of project-based learning, during which the student acquires knowledge and skills in Russian as a foreign language and English. The project-based method includes role-playing games, performances; research, creative tasks, and multimedia presentations. Oral forms of developing students' speech competence include participation in interviews, debates, discussions; dialogues and polylogues considering speech etiquette, etc. Speech competence of students in Russian and foreign language lessons is formed in the course of complex application of various ways, methods and techniques.

Key words: speech competence, situationality, work with vocabulary, project-based method, methods of developing oral speech.

Conflict of interest:

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history:

Date of admission: 20.06.2023

Printing date: 01.08.2023

Introduction

The demand for a specialist in the labor market, his competitiveness largely depend on the availability of competent speech (oral and written), knowledge of the methods of speech influence, persuasion, and the ability to communicate effectively. In our technological world, the trend towards the formation of a "clip" perception of the world is rapidly growing, which leads to a decrease in speech culture. In the life of a modern student, a decisive place is occupied by a computer, which is considered not only as a teaching machine or an object of study, but as a means of expanding the intellect

of students and their development. However, along with the positive influence of the computer on the learning process, it is necessary to note the negative: there is a "rejection" of students from communication with other people; there is no way to open the spiritual world, to check the level of speech. Therefore, speech and communicative competences in the life of a student often turn out to be unclaimed.

The social significance of the Russian and foreign languages is determined by their ability to reflect the public face of a person, therefore, the task of the university is to form such a linguistic personality that can use the entire functional potential of the language system in its various stylistic, aesthetic, cultural manifestations. A student reaches the highest level of speech culture if he has a correct and coherent speech. This means that he/she does not make any mistakes, and also knows how to build statements in the best possible way in accordance with the purpose of communication, moreover, how to select the most suitable words and constructions in each case, taking into account who and under what circumstances he/she is addressing.

The main task of Russian and foreign language lessons in a pedagogical university is the formation of motivation for mastering and using a variety of speech means (disclosure of the creative initiative, awakening interest in the language based on one's own observations, impressions, etc.). Motivation can be formed if students are taught to separate the main from the secondary in the statement; argue their statements and understand the arguments of the interlocutor; analyze and predict; defend one point of view or another.

To create a learning process as a model of the communication, one means to form only the basic, fundamentally important, essential parameters of communication, including the following: the personal nature of the communicative activity of the subject of communication, the relationship and interaction of speech partners, situations as a form of communicative functioning, the content basis of the communication process, the system of speech means, the assimilation of which would provide the communicative activity in particular situations of communication, the functional nature of the assimilation and use of speech means, even its heuristic nature.

Materials and methods

The fall in the general level of students' speech culture leads to the requirement to find such methods that can improve their speech competence. Methods and techniques to form students' speech competence in the lessons of Russian as a foreign language and a foreign language should be of a certain system of interdependent and complementary means, taking into account the characteristics of these academic disciplines in general and the characteristics of each of their sections. Among the traditionally established teaching methods, we focus on the communicative method which is considered as the functional representation of linguistic material at all levels (phonetic, lexical-phraseological, derivational, grammatical), which allows to perform a speech-communicative function, expressing a certain meaning. According to A.N. Yurieva and M.S. Kunapyaeva, the content of the educational material is "determined by the communicative-activity method" (Yuriev, Kunapyaeva, 2021, p.3). S. Kunanbaeva considers the communicative approach as the main pedagogical theory in the modern foreign education (Kunanbaeva, 2010, p.20). Communicative method is based on "ability and readiness of a student to make a contact with their groupmates and a foreigner, and be aware of the foreign culture and

through it to introduce their own culture”, such an ability is a constituent of the foreign communicative competence, according to I. Bim (Bim, 2007, p.47).

Special studies of the last decades convincingly prove that speech competence is an integral part of personality culture. In the context of competence-based approach in the modern educational paradigm of higher education, the great importance is attached to the formation of the studied competence. To solve the task of forming students' competence is possible if a teacher can reveal his own and students' interest in creative attitude to the modern Methodology.

Speech competence can be specified only when speech competence is defined, that is, the range of relevant issues, problems and tasks. If competence delineates the boundaries of a problem, then competence implies a means of solving this problem. The “New Dictionary of Methodological Terms and Concepts (Theory and Practice of Language Teaching)” notes “speech competence is part of communicative competence. It means possession of methods of forming and formulating thoughts through language and the ability to use such methods in the process of perception and generation of speech. We should talk about the quantitative and qualitative composition of speech competence. It can be more or less. However, speech competence, like language competence, is not an end in itself, but an intermediate link on the way to communicative competence. It is subject to assimilation in the amount necessary and sufficient to solve the problems of interaction in the process of communication in accordance with the norms of the language being studied, the usage and traditions of the culture of this language” (Nefedova, Ukhova, 2016, p.40). Speech competence is a subcompetence of any foreign language communicative competence. According to I. Bim, “the speech competence is associated with the ability to perceive and generate texts (statements) of various genres, nature and volume in accordance with a specific communication situation and with communicative intention” (Bim, 2007, p.56).

The role of the teacher in the formation of these competencies should be correctly defined. The correct speech behavior of a teacher is a “strategic weapon”, which is a consequence of the formed speech competence, which, in our opinion, consists of the following basic components: rhetorical, pragmatic, stylistic. A teacher of Russian and a foreign language acts as a manager who is able to organize interaction with students within the educational process in such a way as to contribute to the formation of their own competence: readiness for independent and creative development of various types of speech activity.

Results and discussion

When forming the competence of students in the field of speech communication, their orientation to the interlocutor it is necessary to determine their orientation to the interlocutor in the way you speak, write, and express your attitude towards the interlocutor. A teacher of Russian and a foreign language should have a high level of methodological competence and a sufficient amount of knowledge about the national and cultural characteristics of students, which largely determines the success of the learning process and the effectiveness of the pedagogical system.

It should be taken into consideration that teaching any languages is the improvement of the skills of using the language in certain communicative situations, in oral and written speech, which contributes to the self-development of the individual. Therefore, it is

necessary to implement a communicative orientation in teaching a language, that is, to teach students to solve certain communicative tasks with language means in different areas and situations of communication. The problem under consideration is due to the social need for the development of free, logically consistent, expressive monologue speech, which students do not know enough.

Today we widely use communicative, creative, and game methods in practice that contribute to the development of oral and written activities of students. The role of modern educational technologies in the development of personality is quite high. However, in our opinion, everything is based on everyday work with *the word* – an important tool for understanding the world and a means of self-expression. In the process of work, students are acquainted with the lexical meaning of the word, its stylistic coloring, and etymology. It is painstaking work with the word that helps to create a cluster or a sync wine, write an acrostic, which helps to create a situation for finding a new solution in the lesson, and the development of *critical thinking*. The accuracy of speech is the choice of such language means that best express the content of the statement; reveal its topic and main idea (Yuriev, 2020, p. 4).

On the other hand, we cannot but take into account the independent work of students. The quality of students' speech training depends on the effectiveness of independent work in the lessons of languages. A teacher should know the communicative, learning and educational needs of students to determine the structure and scope of their independent work. *Communication needs* are identified based on an analysis of the situations in which they have to use Russian or a foreign language, and the establishment of an existing gap between what the student has already known and can do and what he should achieve.

The need to start communication is generated by a *situation* that can be understood as a set of speech and non-speech conditions necessary and sufficient for the performance of speech activity, i.e. such a combination of circumstances that prompts a person to act verbally. The *principle of situationally* means the selection of topical problems that make up the content side of communication and contribute to the creation of situations in the classroom that contain an incentive to speak. Such a principle can be implemented with the help of situate exercises which include the following tasks: Determine the features of the communication situation (where? with whom? why is it being spoken?), the style of speech and the main style features inherent in the speech of this style"; "Read the text. Imagine the environment in which the events take place" Compare two texts. Where can each text be used, in what situation of communication, etc. Such tasks contribute to the formation of the need (motivation) for communication; stimulate the desire of the student to share with others how the situation or event is perceived. The exercises will be more effective if they are performed systematically and consistently, and arranged according to the principle of increasing difficulty: they reflect the gradation of communication skills from working with a sample text (receptive activity) to creating your own text (creative activity).

In our opinion, the most productive means for forming speech competences of students in oral (written) forms are *a project work, a dialogue and a presentation*.

The project method is a learning system in which the student acquires knowledge and skills in the process of planning and performing gradually more complex practical tasks – projects. The project activity of students is an independent structured work aimed at solving a specific problem that requires integrative knowledge and research search. The

theme of the project should always be problematic. The teacher is obliged to direct the student to solve the problem on his own.

M.A. Palagunina defines an educational project as a complex of search, research, calculation, graphic and other types of work performed by students on their own with the aim of practical or theoretical solution of a significant problem. The purpose of the project work is to develop in students: independence in thinking and actions; communication and research skills; the ability to cooperate; ability to work with information, formulate problems and find ways to solve them; critical thinking (Palagunina, 2010, p.156).

The use of this method in the lesson is as follows: setting a general problem – self-formulation of micro problems in groups – finding a solution in the process of speaking in groups – creating a group (or individual) reference summary – presentation of a micro project at the blackboard (one person from the group) – additions, correction of the presented project by the members of the group – presentation of the project as a whole.

During the preparation of a reasoned statement, a general reference summary is drawn up, in which quotes, aphorisms, catchphrases from texts should be presented, confirming the keywords of the lesson's problem. It is important to teach students speech skills, the ability to choose the most stylistically accurate, justified, expressive, intelligible language option. The development of the problem must end with a real, practical result, formalized in one way or another.

The main objectives of the project method are:

- 1) self-expression and self-improvement of students, increasing the motivation for learning, the formation of cognitive interest;
- 2) the implementation in practice of the acquired skills and abilities, the development of speech, the ability to competently and reasonably present the material under study, to conduct debatable polemics;
- 3) demonstrate the level of culture, education, social maturity.

We can determine some project types as:

- 1) role-playing games, dramatizations (fairy tales, TV shows, holidays, musical performances, etc.);
- 2) research (country studies, generalization of scientific knowledge, historical, environmental, etc.);
- 3) creative (essays, translation, scripts, wall newspapers, etc.);
- 4) multimedia presentations.

During the preparation of a reasoned statement, a general reference summary is drawn up, in which quotes, aphorisms, catchphrases from texts should be presented, confirming the keywords of the lesson's problem. It is important to teach students speech skills, the ability to choose the most stylistically accurate, justified, expressive, intelligible language option. The development of the problem must end with a real, practical result, formalized in one way or another. The main sources of information usually used in the project preparations are the internet, books, and teachers.

Like any phenomenon in science and methodology, the project method has some drawbacks including: 1) lack of references, citations or incorrect citation volume; 2) ignoring abstract clichés – compositions, connective structures; 3) lack of an author's position: presentation of one's own concept, vision of the problem; 4) factual errors, inaccuracies; 5) weak or formal argumentation, the presence of repetitions, violations of logic; 6) colloquial connotation, non-compliance with the language features of the style (the presence of terms, impersonal or generalized personal constructions, split predicates,

denominative prepositions); non-compliance with the norms of spelling and punctuation. The teacher needs to correct the found errors and recommend the work for re-issuance.

Oral statements help to teach students to listen and hear, formulate their thoughts and argue them. Oral forms of work include participation in interviews, debates, discussions; the art of conversation, negotiations; telephone conversation; a story about viewed films, video films; speeches, messages, reports; dialogue and polylogue, taking into account speech etiquette. Written forms of work include: writing articles, reviews of the book, annotations and reviews of the book read, article; drawing up a plan, notes; writing a speech, editing a written text; writing essays, presentations and creative dictations.

Any teacher in the process of pedagogical activity encounters students who have trouble in mastering and testing the educational material according to the program. Students should be helped to realize the need to focus their words on the interlocutor (interlocutors), to emphasize the importance of the most accurate selection of language means for the implementation of their communicative intention. For this purpose, it is very effective to use oral dialogue in the lessons.

In the process of communication, students resort to various communication strategies that bear the imprint of a person's personality. The communicative strategy of *dialogical interaction* can be defined as a set of options for speech implementations that are possible in specific communicative circumstances and reflect the process of choosing a specific option in a specific communicative situation. Communicative tactics, as opposed to strategy, as a general outline of communicative behavior, is considered as a set of practical moves in the real process of speech interaction. It does not correspond to a communicative goal, but to a set of separate communicative intentions. The more competent students are in language and speech, in applying the rules of communication, the more diverse and flexible their strategies and tactics are, and the more successfully they achieve their goals.

To arrange a productive work with *the presentation* a teacher should motivate students for their speech activity. Students as analogous to the main task – to deepen knowledge about the subject, should perceive this goal. When a student is speaking, the teacher should not interrupt him, trying to help or correct him, even if it is obvious that the performance is doomed to failure. The teacher's attempt to formulate what the student has to say leads the student away from the system of verbal and cogitative coordinates and imposes on him the "saving" facts of someone else's verbal thinking.

Communicative interaction involves evaluating a presentation according to certain criteria developed and agreed upon in the group. After the presentation, each student expresses his opinion about what he saw and evaluates the work according to these criteria. The role of the teacher is defined as providing a correct summary of the speaker and the group.

The process of communicative development of a personality is impossible without the formation of a theoretically clear idea of the functional-semantic typology of speech, without developing the ability to analyze a text in terms of its belonging to a certain type, the ability to create texts in accordance with the functional-communicative, compositional-structural, lexical-grammatical characteristics of that or another functional type of speech.

Conclusion

Based on the foregoing, the following conclusions can be drawn: the pedagogical capabilities of an educational institution consist in the formation and activation of the speech competence of students and represent a set of opportunities that provide Russian and foreign language lessons; abilities (interaction between a teacher and a student) and resources (i.e. the entire education system of the university). The formation of speech competence is based on the personal qualities of the student, skills, abilities, knowledge and horizons.

The speech competence of students in the lessons of Russian and foreign languages is guaranteed by the result of a comprehensive study of all aspects of speech (its textual basis, style varieties and types of utterance organization). The style of pedagogical communication largely determines the effectiveness of mastering subject knowledge and skills by students' influences the culture of interpersonal relations, creates an appropriate moral and psychological climate of the educational process.

In modern society, people who can quickly adapt to new conditions are in demand. That is why the modernization of education puts forward the idea of competence-based education, when the first place is put forward not awareness, but the ability to apply the acquired knowledge, skills and abilities in a real life situation, that is, in society. The core of this process is the ability to be fluent in all types of speech activity. Communication is an important condition for the socialization of the individual.

References

Bim, I. (2007). *Competentnostnyy podhod k obrazovaniyu i obucheniyu inostrannym yazykam* [Competent approach to education and teaching foreign languages]. Sbornik nauchnykh trudov. Moskva: INEK. (in Russ.)

Kunanbaeva, S. (2010). *Teoriya i praktika sovremennogo inoyazychnogo obrazovaniya* [Theory and practice of Contemporary Foreign Education]. Almaty: Edelweis. (in Russ.)

Nefedova, L.A., Ukhova, N.M. (2016). *Razvitie kluchevykh kompetentsiy v proektnom obuchenii* [Development of key competencies in the project education]. *Shkolnye tehnologii* 4, 30–43. (in Russ.)

Palagunina, M.A. (2011). *Innovatsionnye tehnologii obucheniya inostrannym yazykam* [Innovative technologies for teaching foreign languages] // *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya: materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchnoi konferentsii* (Perm, April 2011). Vol.1 / pod red. G. Akhmetovoy. Perm: Merkuriiy, 156–159. (in Russ.)

Yuriev, A.N. (2020). *Kultura rechi i yazykovaya kommunikatsiya: uchebnoe posobie dlya studentov kazakhskogo i russkogo otdeleniy (bakalavriat)* [Speech culture and language communication: a teaching aid for students of Kazakh and Russian departments (baccalaureat)]. Almaty: New Book. (in Russ.)

Yuriev, A.N. & M.S. Kunapyaeva (2021). *Russkiy yazyk: uchebnoe posobie dlya studentov kazakhskikh otdeleniy universiteta (baccalaureat)* [The Russian language: a teaching aid for students of Kazakh departments of University]. Almaty: Evero. (in Russ.)

Список использованной литературы

Бим И. Компетентностный подход к образованию и обучению иностранным языкам. Сб. научных трудов. Москва: ИНЭК, 2007.

Кунанбаева С. Теория и практика иноязычного обучения. Алматы: Эдельвейс, 2010.

Нефедова Л.А., Ухова Н.М. Развитие ключевых компетенций в проектном обучении //

Школьные технологии. 2016. № 4. С. 30–43.

Палагунина М. А. Инновационные технологии обучения иностранным языкам // Проблемы и перспективы развития образования: материалы международной заочной научной конференции. Т. I / Под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Пермь: Меркурий, 2011. С. 156–159.

Юрьев А.Н. Культура речи и языковая коммуникация: учебное пособие для студентов казахского и русского отделений (бакалавриат). Алматы: New book, 2020.

Юрьев А.Н., Кунапьяева М.С. Русский язык: учебное пособие для студентов казахских отделений университета (бакалавриат). Алматы: Эверо, 2021.

Г.Н. Старченко

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар, Қазақстан*

Ж.К. Широкова

*Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті,
Павлодар, Қазақстан*

ОҚУШЫЛАРДЫҢ СӨЙЛЕУ ҚҰЗЫРЕТТІЛІГІН ҚАЛЫПТАСТЫРУДЫҢ ЖОЛДАРЫ ШЕТЕЛ ЖӘНЕ ШЕТЕЛ ТІЛ РЕТІНДЕГІ ОРЫС ТІЛІ САБАҒЫНДА

Аңдатпа. Қазіргі оқыту әдістемесінде ана тілі емес тілін игеру сөйлеу құзыреттілігі ұғымы арқылы сипатталады, яғни тіл мен сөйлеу қызметінің негізгі заңдылықтарын білу, және оларды кәсіби мәселелерді шешуде пайдалана білу. Авторлар орыс және ағылшын тілдерін шетел тілі ретінде оқыту кезінде оқушылардың сөйлеу құзыреттілігін дамытудың ең өнімді әдістері мен тәсілдерін қарастырды. Сөздің лексикалық мағынасымен, стилистикалық бояуымен және этимологиясымен жұмыс істеу жолдары маңызды сала болып табылады. Мұнда кластер немесе синквейн жасау техникасы қолданылады. Сөйлеу құзыреттілігін қалыптастыру кезінде ситуациялық жағдай ескеріледі, яғни сөйлеу белсенділігін ынталандыратын ағымдағы жағдайлар қарастырылады. Сонымен қатар, жоба әдісін қолдану маңызды рөл атқарады, жлба әдісі арқылы студент орыс және ағылшын тілдерді шетел тілдері ретінде игереді. Жоба әдісі рөлдік ойындарды, драматизацияны қамтиды; зерттеу, шығармашылық тапсырмалар, мультимедиялық презентациялар. Студенттердің сөйлеу құзыреттілігін дамытудың ауызша түрлеріне сұхбат, пікірталас, пікірталасқа қатысу; сөйлеу этикетін ескере отырып диалог пен полилог және т.б. құрастыру. Орыс және ағылшын тілдері сабақтарында оқушылардың сөйлеу құзыреттілігі әртүрлі әдістерді, тәсілдерді кешенді қолдану арқылы қалыптасады.

Түйінді сөздер: сөйлеу құзыреттілігі, жағдаяттық қабілет, сөздікпен жұмыс, жобалық әдіс, ауызша сөйлеуді қалыптастыру әдістері.

Г.Н. Старченко

*Павлодарский педагогический университет имени Алькея Маргулана,
Павлодар, Казахстан*

Ж.К. Широкова

*Павлодарский педагогический университет имени Алькея Маргулана,
Павлодар, Казахстан*

СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ НА УРОКАХ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО И ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В современной методике преподавания владение неродным языком описывается через понятие речевая компетентность, т.е. знание основных законов функционирования языка и речи, способность к их использованию для решения профессиональных задач. Авторами рассмотрены наиболее продуктивные методы и приемы формирования речевой компетентности студентов при обучении русскому как иностранному и английскому языкам. Важным направлением является работа с лексическим значением слова, его стилистической окраской, этимологией. Здесь применяется прием создания кластера или синквейна. При формировании речевой компетентности учитывается ситуативность, т.е. отбор актуальных ситуаций, побуждающих к речевой деятельности. Кроме этого, большую роль играет использование метода проектов, при которой студент приобретает знания и умения по русскому языку как иностранному и английскому языку. Проектный метод включает ролевые игры, инсценировки; исследовательские, творческие задания, мультимедийные презентации. Устные формы формирования речевой компетентности студентов включают участие в интервью, дебатах, дискуссиях; диалог и полилог с учетом речевого этикета и т.д. Речевая компетенция студентов на занятиях по русскому и иностранному языкам формируется в ходе комплексного применения различных способов, методов и приемов.

Ключевые слова: речевая компетентность, ситуативность, работа с лексикой, проектный метод, методы формирования устной речи.

Authors` contributions

Starchenko G.N. – conceptualization, formal analysis, methodology, writing – review and editing.

Shirokova Zh.K. – methodology, software, formal analysis, roles/writing – initial draft, writing.

3 БӨЛІМ.
ХРОНИКА. ОҚИҒАЛАР. ТҰЛҒАЛАР

РАЗДЕЛ 3.
ХРОНИКА. СОБЫТИЯ. ПЕРСОНАЛИИ

SECTION 3.
CHRONICLE. EVENTS. PERSONALITIES

[DOI: 10.52301/2957-5567-2023-4-99-102](https://doi.org/10.52301/2957-5567-2023-4-99-102)

ВАЛЕНТИНА ДМИТРИЕВНА НАРОЖНАЯ

(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Нарожной Валентине Дмитриевне – известному казахстанскому ученому, доктору филологических наук, профессору – 26 июня 2023 г. исполнилось 70 лет. Валентина Дмитриевна – член Казахстанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы (КАЗПРЯЛ); член Совета КАЗПРЯЛ, член Общественной организации «Выпускники российских вузов».

В развитии науки, в формировании новых направлений помимо объективных условий значительную роль играет фактор личности ученого. Особенно это важно для вузовской науки, когда успехи и в образовательной, и в научной деятельности во многом определяются кадровым потенциалом вуза. Научно-педагогическая деятельность В.Д. Нарожной неизменно связана с Чимкентским педагогическим институтом (ныне Южно-Казахстанский педагогический университет). Валентина Дмитриевна – выпускница этого вуза, который она окончила с отличием в 1974 году, и с 1975 г. по настоящее время работает на кафедре русского языка и литературы. История кафедры, ее достижения во всех аспектах: в подготовке педагогических и научных кадров, в развитии актуальных направлений современной филологической науки непосредственно связаны с именем Валентины Дмитриевны. За это время в стенах родного вуза ею пройдены все ступени педагогической (преподаватель, старший преподаватель, доцент, профессор) и научной карьеры (защищены кандидатская и докторская диссертации), подготовлены высококвалифицированные кадры, которые ныне трудятся в разных уголках не только южного региона, но и всей страны. Это учителя школ, ученые – преподаватели вузов, журналисты и телеведущие, которых и сейчас Валентина Дмитриевна активно привлекает к важным научно-методическим мероприятиям, не устывая делиться своими знаниями и бесценным опытом.

Валентина Дмитриевна – автор более 300 научных трудов, среди которых две монографии, словарь, учебники, научные статьи, посвященные актуальным проблемам языкознания и методики обучения русскому языку как родному и как второму. Многочисленные научные труды отражают широту исследовательских интересов Валентины Дмитриевны: теория невербальной коммуникации, проблемы

этнолингвистики, межкультурного общения, национального языкового сознания, диахронии русского языка.

Труды В.Д. Нарожной серьезно обогатили отечественную лингвистику, особенно плодотворны ее научные изыскания, связанные с изучением национально-культурной специфики речевого и неречевого общения представителей разных этносов, роли невербальных средств общения как национально-культурных кодов, являющихся богатейшим источником интерпретации менталитета народа, специфики его духовной культуры. В 1992 г. Валентина Дмитриевна защитила кандидатскую диссертацию «Формы трансформации речевого этикета в негомогенной культурной среде» в МГУ им. М.В. Ломоносова. Докторская диссертация «Невербальная коммуникация как этнокультурный феномен (теоретико-экспериментальное исследование)» была успешно защищена в 2010 году в специализированном совете КГУ им. Ш. Уалиханова.

Результативны лингвометодические исследования ученого, которые нашли свою реализацию в 26 вузовских и школьных учебниках и учебных пособиях, в том числе рекомендованных МОН РК и активно используемых в учебном процессе школ и вузов Казахстана.

Валентина Дмитриевна – ведущий лектор кафедры по многим фундаментальным дисциплинам бакалавриата и магистратуры: «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка», «Исторический аспект изучения орфографии», «Практикум по орфографии и пунктуации» (бакалавриат), «Актуальные проблемы языкознания», «Русский язык и межкультурная коммуникация» (магистратура).

Незаурядные организаторские способности, научно-методический и творческий потенциал Валентины Дмитриевны разносторонне и ярко проявились в организации и проведении масштабных мероприятий для преподавателей вузов и учителей школ: она принимала активное участие в организации и проведении V, VI и VII Евразийских лингвистических школ «Эпоха и личность: язык, культура, образование», проходивших в Алматы, Шымкенте и Туркестане; в качестве координатора по работе с учителями русского языка и литературы в школах южного региона страны – в организации и проведении ряда научно-методических семинаров, посвященных юбилейным датам русских и казахских поэтов и писателей. Кроме того, Валентина Дмитриевна является координатором «Тотального диктанта» в Шымкенте, председателем предметной комиссии по русскому языку и литературе сетевой олимпиады по общеобразовательным предметам среди учащихся Назарбаев Интеллектуальных школ.

Восхищает и поражает подвижническая, просветительская деятельность Валентины Дмитриевны, связанная с сохранением и популяризацией научно-педагогического наследия Шымкентского педагогического института, трудов известных ученых-педагогов, стоящих у истоков этого старейшего вуза страны. Следует особо отметить вклад Валентины Дмитриевны в воссоздание Лингвистического музея в Шымкентском педагогическом институте, приуроченного к 100-летию известного казахстанского ученого-лингвиста, доктора филологических наук, профессора Валентины Николаевны Поповой. Благодаря инициативе Валентины Дмитриевны, кропотливой серьезной работе и неимоверным усилиям под ее руководством коллективу кафедры удалось собрать все труды профессора В.Н. Поповой и воссоздать

Лингвистический музей в том виде, в каком он был когда-то создан профессором В.Н. Поповой и долгие годы активно функционировал в качестве учебной аудитории и замечательной исследовательской лаборатории для студентов-лингвистов.

В.Д. Нарожная – постоянный и активный участник крупных международных форумов, конгрессов, конференций в странах ближнего (Россия, Украина, Кыргызстан) и дальнего (Великобритания, Польша, Венгрия, Болгария и др.) зарубежья.

Плодотворная научная деятельность ученого-педагога по достоинству отмечена высокими наградами: нагрудный знак «Почетный работник образования Республики Казахстан» (2011); медаль А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка», присуждаемая Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ, 2018), юбилейная медаль «К 80-летию ЮКГПИ» (2017), Благодарственное письмо Российского центра науки и культуры в г. Астане (2011), Благодарственное письмо Славянского центра Сайрамского района за вклад в развитие русистики в Южном Казахстане (2014).

Валентине Дмитриевне свойственны высокая порядочность, интеллигентность, большая работоспособность, трудолюбие, креативность, открытость, доброжелательность, внимательное отношение к коллегам и студентам. В ней удивительно гармонично сочетаются качества большого ученого, талантливого педагога с исключительным человеческим обаянием, отзывчивостью, душевной теплотой и необычайной скромностью.

Сердечно поздравляя глубокоуважаемую Валентину Дмитриевну с юбилеем, хочется искренне пожелать дорогому УЧИТЕЛЮ, КОЛЛЕГЕ крепкого здоровья, семейного благополучия, неиссякаемой созидательной энергии и удачи во всех делах!

Агманова Атиркуль Егембердиевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической и
прикладной лингвистики ЕНУ им. Л.Н. Гумилева

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

Ағманова Әтіркүл Егембердіқызы, филология ғылымдарының докторы, Л.Н. атындағы Еуразия ұлттық университетінің теориялық және қолданбалы тіл білімі кафедрасының профессоры. Гумилева, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>

Андрющенко Ольга Константиновна, филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>

Абзулдинова Гүлсім Кенжебекқызы, филология ғылымдарының кандидаты, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Қайыржанов Абай Қайыржанұлы, филология ғылымдарының докторы, профессор, Л.Н. Гумилев атындағы ЕҰУ, Астана, Қазақстан Республикасы. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5940-7433>

Түксаитова Райхан Өмерзаққызы, филология ғылымдарының докторы, профессор, С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

Кукенова Гүлжихан Әнуарбекқызы, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, С.Сейфуллин атындағы Қазақ агротехникалық университеті, Астана, Қазақстан Республикасы

Тезекбаев Әлібек Дулатұлы, орыс тілі мен әдебиеті магистрі, Торайғыров атындағы Павлодар университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9827-5530>

Хомяков Валерий Иванович, филология ғылымдарының докторы, профессор, Ф. М. Достоевский атындағы Омбы мемлекеттік университеті, Омбы, Ресей Федерациясы, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4434-3342>

Гаранина Екатерина Петровна, филология ғылымдарының кандидаты, оқытушы-эксперт, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан Республикасы, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Васич Бибигуль К. педагогика ғылымдарының кандидаты, доцент, «Академиялық қызмет қоғамы» қауымдастығы, Ниш қаласы, Сербия. <https://orcid.org/0000-0002-8723-1703>

Құралқанова Ботакөз Шайкенқызы, филология ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8558-1315>

Мажинова Эльмира Жанарбековна, 2 курс магистранты, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Гуманитарлық ғылымдар жоғары мектебі, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4082-8198>

Старченко Галина Николаевна, педагогика ғылымдарының кандидаты, педагог-зерттеушісі, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан, <https://orcid.org/0000-0001-9617-1215>

Широкова Жанна Константиновна, педагог-сарапшысы, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан, <https://orcid.org/0009-0005-5029-219X>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агманова Атиркуль Егембердиевна, доктор филологических наук, профессор, кафедра теоретической и прикладной лингвистики, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>

Андрющенко Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>

Абзулдинова Гульсум Кенжебековна, кандидат филологических наук, Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Каиржанов Абай Каиржанович, доктор филологических наук, профессор, ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5940-7433>

Туксаитова Райхан Омерзаковна, доктор филологических наук, профессор, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

Кукенова Гульжихан Ануарбековна, кандидат филологических наук, доцент, Казахский агротехнический университет имени С. Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

Тезекбаев Алибек Дулатулы, магистр русского языка и литературы, Павлодарский университет имени С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9827-5530>

Хомяков Валерий Иванович, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4434-3342>

Гаранина Екатерина Петровна, кандидат филологических наук, преподаватель-эксперт, Павлодарский педагогический университет имени Әлкей Марғұлан, Павлодар, Республика Казахстан, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Васич Бибигуль К. кандидат педагогических наук, доцент, Ассоциация «Общество академической деятельности», г. Ниш, Сербия. <https://orcid.org/0000-0002-8723-1703>

Куралканова Ботакоз Шайкеновна, кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, Павлодарский педагогический университет имени А.Марғулана, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8558-1315>

Мажинова Эльмира Жанарбековна, магистрант 2 курса, Павлодарский педагогический университет имени А.Марғулана, Высшая школа гуманитарных наук, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4082-8198>

Старченко Галина Николаевна, кандидат педагогических наук, преподаватель-исследователь, Павлодарский педагогический университет имени А. Марғулана, Павлодар, Казахстан, <https://orcid.org/0000-0001-9617-1215>

Широкова Жанна Константиновна, преподаватель-эксперт, Павлодарский педагогический университет имени А. Маргулана, Павлодар, Казахстан, <https://orcid.org/0009-0005-5029-219X>

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Agmanova Atirkul Egemberdievna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Eurasian National University named after L.N. Gumileva, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9285-0824>

Andryuchshenko Olga Konstantinovna, Candidate of philological science, associate professor, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Kazakhstan ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4269-9588>

Abzuldinova Gulsum Kenzhebekovna, Candidate of philological science, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Kazakhstan ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9108-892X>

Kairzhanov Abay Kairzhanovich, Doctor of Philology, Professor, ENU named after L.N. Gumilev, Astana, Republic of Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5940-7433>

Tuksaitova Raikhan Omerzakovna, Doctor of Philology, Professor, Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

Kukenova Gulzhikhan Anuarbekovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kazakh Agrotechnical University named after S. Seifullin, Astana, Republic of Kazakhstan

Tezekbaev Alibek Dulatuly, Master of Russian Language and Literature, Pavlodar University named after S. Toraygyrov, Pavlodar, Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-9827-5530>

Khomyakov Valerij Ivanovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4434-3342>

Garanina Yekaterina Petrovna, Candidate of Philological Sciences, expert teacher, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Republic of Kazakhstan, ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4134-0445>

Vasic Bibigul K., Candidate of Pedagogical Sciences, docent, Association «Society for Academic Activity», Nis, Serbia. <https://orcid.org/0000-0002-8723-1703>

Kuralkanova Botakoz Shaikenovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8558-1315>

Mazhinova Elmira Zhanarbekovna, master's student of 2nd year, Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Higher School of Humanities, Pavlodar, Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-4082-8198>

Starchenko Galina Nikolaevna, candidate of pedagogical Sciences, a teacher-researcher, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Kazakhstan, <https://orcid.org/0000-0001-9617-1215>

Shirokova Zhanna Konstantinovna, a teacher-expert, Pavlodar Pedagogical University named after A. Margulan, Pavlodar, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0005-5029-219X>

«Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі» / «Язык и литература: теория и практика» /
«Language and Literature: Theory and Practice» филологиялық бағыты бойынша журналға

МАҚАЛАЛАРДЫ РӘСІМДЕУ ЕРЕЖЕЛЕРІ

1. Мақала публикациясына өтініш жасау үшін журналдың сайтында тіркелу керек: <https://yazlit.ppu.edu.kz/>.

Содан кейін мәтіндік тармақтарды толтыру керек.

Мақала файлдарын doc/docx (MS Word) пішімінде тіркеу:

бірінші файл автор(лар)дың толық деректерімен болуы керек,

екінші файл автор(лар)дың деректерін көрсетпей, анонимдік болуы керек, анонимдік файлды «анонимдік мақала» деп аталуы керек.

Бұдан әрі көпшілік оферта – ұсынылған қолжазбаның дербес сипаты, мақаланы плагиат мәніне тексерумен келісу және баспагерге айрықша құқық беру туралы келісімге қол қою керек.

Толтырылған деректерді тексеріп, «Жіберу» түймешігін басыңыз.

Мақаланы қарау кезеңдері мен нәтижелері сіздің жеке кабинетіңізде көрсетіледі.

Бұдан әрі көпшілік оферта – ұсынылған қолжазбаның дербес сипаты, мақаланы плагиат мәніне тексерумен келісу және баспагерге айрықша құқық беру туралы келісімге қол қою керек.

Толтырылған деректерді тексеріп, «Жіберу» түймешігін басыңыз.

Мақаланы қарау кезеңдері мен нәтижелері сіздің жеке кабинетіңізде көрсетіледі.

2. Мақаланың көлемі, барлық метадеректерімен: аннотацияларымен, пайдаланылған әдебиеттер тізімі, автор(лар) туралы мәліметтермен бірге, кемінде 15 мың таңба (бос орындарды қоса алғанда) болуға тиіс, сондай-ақ көлемі 35 мың таңбадан (бос орындарды қоса алғанда) аспауға тиіс. Көрсетілген көлемнен асатын жұмыстар ерекше жағдайларда журналдың редакциялық алқасының келісімі бойынша жариялануға қабылданады.

3. Жұмыс мәтіні FTAXP (Ғылым-техникалық ақпараттың халықаралық рубрикаторы; сілтеме арқылы анықталады: <http://grnti.ru/>), ЭОК (эмбебап ондық код) ретінде басталады, содан кейін жартылай қалың қаріппен автордың (лардың) аты-жөні мен тегі, ұйымның толық атауы, қала, ел, автор(лар)дың ID ORCID, автор(лар)дың e-mail, мақаланың тақырыбы бас әріптермен жартылай қалың қаріппен, аңдатпа, түйінді сөздер. Аңдатпа 150–200 сөзден құрылуы керек, онда үлкен формулалар болмауы тиіс, мақаланың мазмұны мен атауы қайталанбауы тиіс, онда дәйексөздер, жұмыс мәтініне сілтемелер, пайдаланылған дереккөздер тізімі болмауы тиіс, зерттеу нәтижелері мен қорытындыларының қысқаша мазмұны болуы тиіс.

Мақала Times New Roman 12 қарпімен бір жарым интервал арқылы, барлық жағынан 2 см жолақтар, 1,25 тармақ арқылы теріледі. Аннотациялар, әдебиеттер тізімі, авторлар туралы мәліметтер 11 қаріппен ресімделеді. Мақаладағы мысалдар тек курсивпен, астын сызусыз ерекшеленеді. Бөліп алу қажет болған жағдайда мысалда жартылай қалың қаріп пайдаланылады. Бөлімдердің тақырыптары жартылай қалың қаріппен ерекшеленеді. Бөлімдер ішіндегі кіші бөлімдерді араб цифрларымен нөмірлеуге рұқсат етіледі.

4. Ғылыми мақаланың құрылымы келесі бөлімдерден тұрады: Кіріспе, Материалдар мен әдістер, Нәтижелер, Талқылау, Қорытынды, қаржыландыру туралы ақпарат (болған жағдайда), Пайдаланылған әдебиеттер тізімі. Нәтижелер және Талқылау бөлімдерін бір бөлімге біріктіруге жол беріледі.

5. Кестелер тікелей мақаланың мәтініне енгізіледі, олар нөмірленуі, атаулары болуы және мәтінінде оларға сілтеме жасалуы тиіс. Суреттер, графиктер стандартты пішімдердің бірінде ұсынылуы тиіс: PS, PDF, TIFF, GIF, JPEG, BMP, PCX. Нүктелік суреттерді 600 dpi рұқсатымен орындау қажет. Суреттерде барлық бөлшектер анық берілуі тиіс.

6. Пайдаланылған әдебиет тізімі мақала мәтінінде дөңгелек жақшада келесі нұсқада беріледі: (Ахметов, 2020, 23 с.) немесе (Ибраев, 2018). Бірнеше дереккөздер атап өткен кезде: (Ибраев, 2018; Ахметов, 2020; Иванов, 2022). Бір автордың жұмыстары шыққан жыл сәйкес келген жағдайда сілтеме әріптік символмен қоса беріледі: (Ибраев, 2018а), (Ибраев, 2018б).

Пайдаланылған әдебиет тізімі мақала мәтінінде сілтемелері бар жұмыстарды ғана қамтуы тиіс. Әдебиеттер тізімі әліпбилік тәртіппен, нөмірсіз ресімделеді. Ағылшын тіліндегі жұмыстар қазақ және орыс тілдеріндегі жұмыстардан кейін, сондай-ақ әліпбилік тәртіппен орналастырылады. Нәтижелері дәлелдемелерде пайдаланылатын жарияланбаған жұмыстарға сілтеме жасауға жол берілмейді.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімін ресімдеу мысалдары Журнал сайтындағы мақала үлгісінде келтіріледі.

*Редакция авторлардан дефис (-) пен сызықты (-) ажыратуды сұрайды. Журналдағы, жинақтағы мақала беттерінің шекаралары сызықша арқылы ресімделеді.

7. Пайдаланылған әдебиеттер тізімінен кейін библиографиялық деректерді орыс және ағылшын тілдерінде (егер мақала қазақ тілінде жазылса), қазақ және ағылшын тілдерінде (егер мақала орыс тілінде жазылса) және орыс және қазақ тілдерінде (егер мақала ағылшын тілінде жазылса) көрсету қажет.

Содан кейін пайдаланылған әдебиеттер тізімінің (References) ағылшын тіліндегі және транслитерацияланған бөліктерінің (<http://translitionline.ru/>) комбинациясы келтіріледі, ол APA (<https://apastyle.apa.org/products/publication-manual-7th-edition>) стиліне сәйкес ресімделеді (Американдық психологтар қауымдастығын жариялау жөніндегі нұсқаулық). Бұдан әрі әрбір автор бойынша мәліметтер (ғылыми атағы, қызметтік мекенжайы, ORCID, e-mail – қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде) беріледі. Авторлар сайтта көрсетілген транслитерацияны ұстануы тиіс <http://translitionline.ru/>.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімінің ағылшын тіліндегі және транслитерацияланған бөліктері комбинациясының мысалын Мақалаларды ресімдеу үлгісінен қараңыз. Пайдаланылған әдебиеттер тізімінің ағылшын тіліндегі және транслитерацияланған бөлігінің комбинациясында мақаланың, кітаптың ағылшын тіліндегі ресми аудармасын төрт бұрышты жақшада көрсету қажет.

8. Ашықтықты қамтамасыз ету үшін біз тиісті авторлардан CRediT рөлдерін пайдалана отырып, қолжазбаның тең авторлығына үлес қосуды сұраймыз. CRediT таксономиясы әрбір қатысушының ғылыми нәтижелерге қосқан нақты үлесін сипаттайтын 14 түрлі рөлді қамтиды.

Рөлдер: Тұжырымдама; Деректерге жетекшілік ету; Формалды талдау; Қаржыландыруды сатып алу; Тексеру; Әдіснама; Жобаны әкімшілендіру; Ресурстар; Бағдарламалық қамтамасыз ету; Қадағалау; Тексеру; Визуалдау; Рөлдер/Хат – бастапқы жоба; және Жазу – шолу және редакциялау.

Әр қолжазбаға барлық рөлдерді қолдануға болмайтынын және авторлар бірнеше рөлді орындау арқылы өз үлестерін қоса алатынын ескеріңіз.

Бірлескен авторлардың үлестерінің сипаттамасы мақаланың соңында «Автор туралы мәлімет» дегеннен кейін «Авторлық үлестер» деген тақырыпта берілген.

9. Редакцияға келіп түскен баптар міндетті түрде Антиплагиаттан - antiplagiat.com (<https://antiplagiat.com/>) өтеді, мақаланың түпнұсқалық пайызы кемінде 70-ті құрауы тиіс. Содан кейін мақалалар жасырын екі рет «соқыр» рецензиялауға жіберіледі, рецензиялау мерзімі 1-3 ай. Бап бойынша барлық пікірлер авторға жіберіледі. Теріс пікір алған баптар қайта қарауға қабылданбайды. Мақалалардың түзетілген нұсқалары және автордың жауабы редакцияда көрсетілген мерзімде редакцияға жіберіледі. Оң пікірлері бар баптар журналдың редакциясына талқылау үшін ұсынылады.

10. Редакцияның мекенжайы: Қазақстан Республикасы, 140002, Павлодар қ., Олжабай батыр көшесі, 60, Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті

Тел.: 8 (7182) 651617

E-mail: yazlit_os@pspu.kz, yazlit@pspu.kz

Website: <https://yazlit.ppu.edu.kz>

11. Ақы төлеу. Жариялау құны – 8600 теңге (сегіз мың алты жүз теңге). Павлодар педагогикалық университетінің қызметкерлері үшін – 5000 теңге. Төлем редакциямен расталған мақаланы жариялауға қабылдаған жағдайда ғана жүргізіледі.

Жарияланым үшін төлем енгізуге арналған ақпарат:

- шет елдерден келген авторлар үшін:

«Павлодар педагогикалық университеті» КЕАҚ

БСН 040340005741

КЖСК KZ609650000061536309

АҚ «ForteBank» («Альянс Банк»)

БСК IRTYKZKA

КҰЖЖ 40200973

BeK 16

- Қазақстан авторлары үшін: Kaspi Gold → ТӨЛЕМДЕР → БІЛІМ → ЖОО-ЛАР ҮШІН ТӨЛЕМ → ПАВЛОДАР → ПАВЛОДАР МЕМЛЕКЕТТІК ПЕДАГОГИКАЛЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ (Мира, 60) → ФАКУЛЬТЕТ: ГУМАНИТАРЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР ЖОҒАРЫ МЕКТЕБІ → КУРС: Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі, мақала → ТАӨ → СОМАСЫ.

Төлем түбіртегінің сканерленген нұсқасын yazlit_os@pspu.kz электрондық поштасына жіберуіңізді сұраймыз.

Р. О. Асельдерова

*Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия
email: rumotarovna@mail.ru*

Д.Х. Аринова

Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Казахстан

О ПОНЯТИИ «НЕЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС»

Аннотация. В статье рассматривается понятие независимого таксиса в русской синтаксической традиции. Термин «независимый таксис» используется для обозначения сообщаемого факта в отношении к другому факту и независимо к моменту сообщения. Эту проблему изначально рассматривали в своих трудах многие известные российские ученые, которые выявляли соотношение времени действия глаголов-сказуемых. В теории функциональной грамматики проблема таксиса раскрывается во взаимосвязи с аспектуальными характеристиками глагола-сказуемого. Важным фактором в разграничении одновременности/ последовательности ситуаций, выраженных однородными членами, является точка отсчета действия. Также интересным для характеристики категории таксиса выступает семиотическое положение об иконичности / неиконичности отражения таксисных отношений в синтаксической и пропозициональной структуре предложения.

Ключевые слова: независимый таксис, одновременность, последовательность действий, иконичность таксиса, предложение.

R. O. Asel'derova

Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russia

D. Kh. Arinova

Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

ABOUT THE CONCEPT OF "INDEPENDENT TAXIS"

Abstract. The article deals with the concept of independent taxis in the Russian syntactic tradition. The term "independent taxis" is used to denote a reported fact in relation to another fact and the time. This problem was initially considered in their works by many famous Russian scientists, who revealed the correlation of the time of action of verbs-predicates. In the theory of functional grammar, the problem of taxis is revealed in relation to the aspectual characteristics of the verb-predicate. An important factor in distinguishing the simultaneity/sequence of situations expressed by homogeneous members is the starting point of the action. Also interesting for the characterization of the category of taxis is the semiotic position about the iconicity / non-iconicity of the reflection of taxis relations in the syntactic and propositional structure of a sentence.

Keywords independent taxis, simultaneity, sequence of actions, iconicity of taxis, sentence.

Сведения об авторе

Руманият Омаркызы Әселдерова, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Дағыстан білім беруді дамыту институты, Махачкала, Ресей. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Руманият Омаровна Асельдерова, кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Rumaniyat Omarovna Asel'derova, Candidate of philological science, associate professor, Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russia. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Динара Холдарқызы Аринова, магистрант, Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Динара Холдаровна Аринова, магистрант, Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Dinara Kholdarovna Arinova, master's student, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Авторлық үлестер

Әселдерова Р.О. – концептуалдау, формалды талдау, әдіснама, жазу – шолу және редакциялау.

Аринова Д.Х. – әдістеме, бағдарламалық қамтамасыз ету, рөлдер/жазу – бастапқы нобай, жазу.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

в журнал по филологическому направлению «Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі» /
«Язык и литература: теория и практика» / «Language and Literature: Theory and Practice»

1. Для подачи заявки на публикацию статьи необходимо пройти регистрацию на сайте журнала <https://yazlit.ppu.edu.kz/>.

Затем заполнить текстовые поля.

Прикрепить файлы статьи в формате doc/ docx (MS Word):

первый файл должен быть с полными данными автора(-ов),

второй файл должен быть анонимным без указания данных автора(-ов), назовите анонимный файл «анонимная статья».

Далее надо подписать публичную оферту – соглашение о самостоятельном характере представленной рукописи, согласии с проверкой статьи на предмет плагиата и предоставлении исключительных прав издателю.

Проверить заполненные данные и нажать кнопку «Отправить».

Этапы и результаты рассмотрения статьи будут отражаться в вашем личном кабинете.

2. Объем статьи должен быть не менее 15 тыс. знаков (включая пробелы) вместе со всеми метаданными статьи: аннотациями, списком источников, сведениями об авторе(-ах), а также объем не должен превышать 35 тыс. знаков (включая пробелы). Работы, превышающие указанный объем, принимаются к публикации в исключительных случаях по согласованию с редколлегией журнала.

3. Текст работы начинается с рубрикатора МРНТИ (Международный рубрикатор научно-технической информации; определяется по ссылке <http://grnti.ru/>), УДК (универсальный десятиричный код), затем следуют инициалы и фамилия автора(-ов) полужирным шрифтом, полное наименование организации, город, страна, ID ORCID автора, e-mail автора(-ов), заглавие статьи прописными буквами полужирным шрифтом, аннотация, ключевые слова. Аннотация должна состоять из 150-200 слов, не должна содержать громоздкие формулы, повторять содержание и название статьи, не должна содержать цитаты, ссылки на текст работы, список использованных источников, должна быть кратким изложением результатов и выводов исследования.

Статья набирается 12 шрифтом Times NewRoman через полуторный интервал, поля 2 см со всех сторон, абзац 1,25. Аннотации, список литературы, сведения об авторах оформляется 11 шрифтом. Примеры в статье выделяются только курсивом, без подчеркивания. При необходимости выделения в примере используется полужирный шрифт. Заголовки разделов выделяются полужирным шрифтом. Допустима нумерация арабскими цифрами подразделов внутри разделов.

4. Структура научной статьи включает следующие разделы: Введение, Материалы и методы, Результаты, Обсуждение, Заключение, информацию о финансировании (при наличии), Список использованной литературы. Допускается объединение разделов Результаты и Обсуждение в один раздел Результаты и обсуждение.

5. Таблицы включаются непосредственно в текст работы, они должны быть пронумерованы, иметь название и сопровождаться ссылкой на них в тексте работы. Рисунки, графики должны быть представлены в одном из стандартных форматов: PS, PDF, TIFF, GIF, JPEG, BMP, PCX. Точечные рисунки необходимо выполнять с разрешением 600 dpi. На рисунках должны быть ясно переданы все детали.

6. Ссылки на использованные источники даются в тексте статьи в круглых скобках в следующем варианте: (Ахметов, 2020, с. 23) или (Ибраев, 2018). При перечислении нескольких источников: (Ибраев, 2018; Ахметов, 2020; Иванов, 2022). В случае совпадения года издания работ одного автора ссылка сопровождается буквенным символом: (Ибраев, 2018а), (Ибраев, 2018б).

Список использованных источников должен содержать только те работы, на которые имеются ссылки в тексте статьи. Список литературы оформляется в алфавитном порядке, без нумерации. Работы на английском языке располагаются после работ на казахском и русском языках, также в алфавитном порядке. Ссылки на неопубликованные работы, результаты которых используются в доказательствах, не допускаются.

Примеры оформления списка использованной литературы приводятся в Шаблона статьи на сайте журнала.

*Редакция просит авторов различать дефис (-) и тире (–). Границы страниц статьи в журнале, сборнике оформляются с помощью тире.

7. После списка использованных источников необходимо указать библиографические данные на русском и английском языках (если статья написана на казахском языке), на казахском и английском языках (если статья написана на русском языке) и на русском и казахском языках (если статья написана на английском языке).

Затем приводятся комбинация англоязычной и транслитерированной частей (<http://translitoline.ru/>) списка использованной литературы (References), который оформляется в соответствии со стилем APA (<https://apastyle.apa.org/products/publication-manual-7th-edition>) (Руководство по публикации Американской ассоциации психологов). Далее следуют сведения по каждому из авторов (ученое звание, служебный адрес, ORCID, e-mail – на казахском, русском и английском языках). Авторы должны придерживаться транслитерации, указанной на сайте <http://translitoline.ru/>

Пример комбинации англоязычной и транслитерированной частей в References смотрите в Шаблоне оформления статей. В комбинации англоязычной и транслитерированной части списка использованных источников необходимо указать официальный перевод статьи, книги на английском языке в квадратных скобках.

8. Для обеспечения прозрачности мы просим, чтобы соответствующие авторы вносили вклад в соавторство рукописи, используя соответствующие роли CRediT. Таксономия CRediT включает 14 различных ролей, описывающих конкретный вклад каждого участника в научные результаты.

Роли: Концептуализация; Курирование данных; Формальный анализ; Приобретение финансирования; Расследование; Методология; Администрирование проекта; Ресурсы; Программное обеспечение; Надзор; Проверка; Визуализация; Роли/Письмо – первоначальный проект; и Написание – обзор и редактирование.

Обратите внимание, что не все роли могут применяться к каждой рукописи, и авторы могли вносить свой вклад, выполняя несколько ролей.

Описание вклада соавторов приводится в конце статьи под заголовком «Вклад авторов» после «Сведений об авторах».

9. Статьи, поступившие в редакцию, в обязательном порядке проходят antiplagiat.com (<https://antiplagiat.com/>), процент оригинальности статьи должен составлять не менее 70. Затем статьи отправляются на анонимное двойное «слепое» рецензирование, сроки рецензирования 1–3 месяца. Все рецензии по статье отправляются автору. Статьи, получившие отрицательные рецензии, к повторному рассмотрению не принимаются. Исправленные варианты статей и ответ автора рецензенту присылаются в редакцию в сроки, указанные редакцией. Статьи, имеющие положительные рецензии, представляются редакции журнала для обсуждения.

10. Адрес редакции: Республика Казахстан, 140002, г. Павлодар, ул. Олжабая батыра, 60, Павлодарский педагогический университет им. А. Маргулана

Тел.: 8(7182) 65 16 17

E-mail: yazlit_os@pspu.kz, yazlit@pspu.kz

Website: <https://yazlit.ppu.edu.kz>

11. Оплата. Стоимость публикации – 8600 тенге (восемь тысяч шестьсот тенге). Для сотрудников Павлодарского педагогического университета – 5000 тенге. Оплата производится только в случае принятия статьи к публикации, подтвержденном редакцией.

Информация для внесения оплаты за публикацию:

- для авторов из зарубежных стран:

НАО «Павлодарский педагогический университет»

БИН 040340005741

ИИК KZ609650000061536309

АО «ForteBank» («Альянс Банк»)

БИК IRTYKZKA

ОКПО 40200973

КБе 16

- для авторов из Казахстана: Kaspi Gold → ПЛАТЕЖИ → ОБРАЗОВАНИЕ → ОПЛАТА ЗА ВУЗЫ → ПАВЛОДАР → ПАВЛОДАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (Мира, 60) → ФАКУЛЬТЕТ: ВЫСШАЯ ШКОЛА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК → КУРС: Язык и литература: теория и практика, статья → ФИО → СУММА.

Сканированный вариант квитанции об оплате просим направить электронной почтой на адрес: yazlit_os@pspu.kz.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

УДК 81-2
МРНТИ 16.01.33

Р. О. Асельдерова

Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>
email: rumotarovna@mail.ru

Д.Х. Аринова

Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Казахстан
<https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>
e-mail: dina-arinova@mail.ru

О ПОНЯТИИ «НЕЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС»

Аннотация. В статье рассматривается понятие независимого таксиса в русской синтаксической традиции. Термин «независимый таксис» используется для обозначения сообщаемого факта в отношении к другому факту и независимо к моменту сообщения. Эту проблему изначально рассматривали в своих трудах многие известные российские ученые, которые выявляли соотношение времени действия глаголов-сказуемых. В теории функциональной грамматики проблема таксиса раскрывается во взаимосвязи с аспектуальными характеристиками глагола-сказуемого. Важным фактором в разграничении одновременности/ последовательности ситуаций, выраженных однородными членами, является точка отсчета действия. Также интересным для характеристики категории таксиса выступает семиотическое положение об иконичности / неиконичности отражения таксисных отношений в синтаксической и пропозициональной структуре предложения.

Ключевые слова: независимый таксис, одновременность, последовательность действий, иконичность таксиса, предложение.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Введение

Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
ТекстТекст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст ТекстТекст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
Текст Текст Текст

Материал и методы

Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст
Текст Текст Текст.

Результаты и обсуждение

Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст
Текст Текст Текст. Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст Текст Текст.
Текст Текст Текст Текст Текст.

Заключение

Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст Текст Текст Текст. Текст Текст
Текст Текст Текст. Текст Текст Текст Текст Текст.

Список использованной литературы

Айтбайұлы Ө. Қазақ әдеби тілі терминологиясының кейбір мәселелері // ҚазССР ҒА Хабарлары. Филология сериясы. 1984. №4. 1–8 б.

Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. Москва: Индрик, 2004.

Бабалова Г.Г., Кучешева И.Л. Семантическая классификация мифонимов (на материале английского языка) // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Омск, 2016. С. 61–64.

Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Дис. ... докт. филол. наук. Москва: Институт славяноведения РАН, 2001.

Кудеринова К.Б. вопросы перехода современной казахской письменности на латинскую графику: предложения и проект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 10–1. С. 144–149. Электронный ресурс. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10306> (дата обращения: 10.02.2022).

Сүтжанов С.Н. Рухани алмасу арналары. Павлодар, 2003. 186 б.

Кера М. *Slavic Daemons: The Good, the Bad & the Ugly*. 2017. Электронный ресурс. URL: <https://culture.pl/en/article/slavic-daemons-the-good-the-bad-the-ugly#> (дата обращения: 10.03.2022).

Nurtazina Z. Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // *World Applied Sciences Journal*. 2013. Vol. 24. No 6. P. 822–825.

References

Aytbayuly, O. (1984). Kazak adebi tili terminologiyasynyn keybir maseleleri [Some problems of terminology of the Kazakh literary language]. *KazSSR GA Khabarlary. Filologiya seriyasy* 4, 1–8 (in Kaz.).

Arutyunova, N.D. (2004). *Logicheskij analiz yazyka. Yazyki estetiki: Kontseptual'nyye polya prekrasnogo i bezobraznogo* [Logical analysis of language. Languages of aesthetics: Conceptual fields of beauty and ugliness]. Moskva: Indrik (in Russ.).

Babalova, G.G. & I.L. Kucheshcheva (2016). Semanticheskaya klassifikatsiya mifonimov (na materiale angliyskogo yazyka) [Semantic classification of mythonyms (on the material of the English language)]. *Aktual'nyye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov*. Omsk, 61–64 (in Russ.).

Vinogradova, L.N. (2001). *Slavyanskaya narodnaya demonologiya: problemy sravnitel'nogo izucheniya* [Slavic folk demonology: problems of comparative study]. Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva: Institut slavyanovedeniya RAN (in Russ.).

Kuderinova, K.B. (2016). Voprosy perekhoda sovremennoy kazakhskoy pis'mennosti na latinskuyu grafiku: predlozheniya i proyekt [Issues of the transition of modern Kazakh writing to the Latin script: proposals and project]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* 10–1, 144–149. Retrieved 28 February 2023 from <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=10306>. (in Russ.).

Sutzhanov, S.N. (2003). *Rukhani almasu arnalary* [Spiritual exchange channels]. Pavlodar (in Kaz.).

Kera, M. (2017). *Slavic Daemons: The Good, the Bad & the Ugly*. Retrieved 28 February 2023 from <https://culture.pl/en/article/slavic-daemons-the-good-the-bad-the-ugly#>

Nurtazina, Ye. (2013). Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal* 24 (6), 822–825.

Р. О. Әселдерова

Дағыстан білім беруді дамыту институты, Махачкала, Ресей

Д.Х. Аринова

Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан

“ТӘУЕЛСІЗ ТАКСИС” ҰҒЫМЫ ТУРАЛЫ

Аңдатпа. Мақалада орыс синтаксистік дәстүріндегі тәуелсіз таксис ұғымы талқыланады. «Тәуелсіз таксис» термині хабарланған фактіні басқа фактіге қатысты және есеп беру уақытына тәуелсіз белгілеу үшін қолданылады. Бұл мәселені алғашында көптеген атақты орыс ғалымдары өз еңбектерінде қарастырды, олар предикат етістіктерінің әрекет ету мерзімі арасындағы байланысты анықтады. Функционалды грамматика теориясында таксис мәселесі етістік-баяндауыш аспектілік сипаттамаларымен байланысы ашылады. Сөйлемнің бірінғай мүшелерінің біртектілік / реттілік жағдайларын межелеуінің маңызды факторы болып бастапқы нүкте саналады. Сондай-ақ, таксис категориясының сипаттау барысында сөйлемнің синтаксистік және пропозициялық құрылымында таксис қатынастары көрінуінің иконикалық / иконикалық емес семиотикалық ұстанымы қызықты болып табылады.

Түйінді сөздер: тәуелсіз таксис, біртектілік, әрекеттердің реттілігі, таксис икондылығы, сөйлем.

R. O. Asel'derova

Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russia

D.Kh. Arinova

Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

ABOUT THE CONCEPT OF “INDEPENDENT TAXIS”

Abstract. The article deals with the concept of independent taxis in the Russian syntactic tradition. The term "independent taxis" is used to denote a reported fact in relation to another fact and the time. This problem was initially considered in their works by many famous Russian scientists, who revealed the correlation of the time of action of verbs-predicates. In the theory of functional grammar, the problem of taxis is revealed in relation to the aspectual characteristics of the verb-predicate. An important factor in distinguishing the simultaneity/sequence of situations expressed by homogeneous members is the starting point of the action. Also interesting for the characterization of the category of taxis is the semiotic position about the iconicity / non-iconicity of the reflection of taxis relations in the syntactic and propositional structure of a sentence.

Keywords: independent taxis, simultaneity, sequence of actions, iconicity of taxis, sentence.

Сведения об авторе

Руманият Омаровна Әселдерова, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Дағыстан білім беруді дамыту институты, Махачкала, Ресей. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Руманият Омаровна Асельдерова, кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Rumaniyat Omarovna Asel'derova, Candidate of philological science, associate professor, Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russia. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Динара Холдаркызы Аринова, магистранты, Павлодар педагогикалык университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Динара Холдаровна Аринова, магистрант, Павлодарский педагогический университет, Высшая школа гуманитарных наук, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Dinara Kholdarovna Arinova, master's student, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Вклад авторов

Асельдерова Р.О. – концептуализация, формальный анализ, методология, написание – обзор и редактирование.

Аринова Д.Х. – методология, программное обеспечение, роли/письмо – первоначальный проект, написание.

THE REQUIREMENTS TO THE ARTICLE LAYOUT

in the journal focused on philological studies «Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі» / «Язык и литература: теория и практика» / «Language and Literature: Theory and Practice»/

1. To submit an article for publication, you need to register on the journal's website <https://yazlit.ppu.edu.kz/>.

Next, fill in the text fields.

Attach the article files in doc/docx format (MS Word):

the first file should contain the full details of the author(s),

the second file should be anonymous without indicating the author(s) details, name the anonymous file “anonymous article”.

Next, you need to sign a public offer – an agreement about the independent nature of the submitted manuscript, consent to check the article for plagiarism, and grant exclusive rights to the publisher.

Review the filled-in details and click the “Submit” button.

The stages and results of the article review will be reflected in your personal account.

2. The article should be no less than 15,000 characters (including spaces) in total, including all article metadata: abstracts, references, author information, etc. Additionally, the volume should not exceed 35,000 characters (including spaces). Works exceeding the specified volume are accepted for publication in exceptional cases upon agreement with the journal's editorial board.

3. The text of the paper begins with the classifier of the IRSTI (International Rubricator of Scientific and Technical Information; determined by the link <http://grnti.ru/>), UDC (Universal Decimal Classification), followed by the initials and surname of the author(s) in bold font, the full name of the organization, city, country, author's ORCID ID, author(s) email, the title of the article in uppercase bold font, abstract, and keywords. The abstract should consist of 150–200 words, should not contain complex formulas, repeat the content and title of the article, should not contain quotations, references to the text of the work, or a list of references used. It should be a brief summary of the research results and conclusions.

The article should be typed in 12-point Times New Roman font with one and a half line spacing, 2 cm margins on all sides, and a 1.25 paragraph indent. Abstracts, bibliography, and author information should be formatted in 11-point font. Examples in the article are highlighted only in italics, without underlining. If necessary to emphasize something within an example, bold font is used. Section headings are highlighted in bold font. Subsections within sections can be numbered with Arabic numerals.

4. The structure of a scientific article includes the following sections: Introduction, Materials and Methods, Results, Discussion, Conclusion, information about funding (if applicable), References. Combining the Results and Discussion sections into one “Results and Discussion” section is permissible.

5. Tables should be included directly in the text of the paper. They must be numbered, have a title, and be accompanied by a reference to them in the text. Figures and graphs should be presented in one of the standard formats: PS, PDF, TIFF, GIF, JPEG, BMP, PCX. Dot drawings should be done with a resolution of 600 dpi. All details on the figures should be clearly visible.

6. References to the sources used are given in the text of the article in round brackets in the following format: (Akhmetov, 2020, p. 23) or (Ibraev, 2018). When listing multiple sources: (Ibraev, 2018; Akhmetov, 2020; Ivanov, 2022). In case of the same publication year of works by one author, the reference is accompanied by a letter symbol: (Ibraev, 2018a), (Ibraev, 2018b).

The list of references should only include works that are cited in the text of the article. The bibliography is arranged in alphabetical order, without numbering. English-language works are placed after works in Kazakh and Russian languages, also in alphabetical order. References to unpublished works, the results of which are used as evidence, are not allowed.

Examples of formatting the list of references are provided in the Article Template on the journal's website.

*The editorial board asks authors to distinguish between a hyphen (-) and an en dash (–). The page ranges in the journal or collection should be formatted using an en dash.

7. After the list of references, it is necessary to provide bibliographic information in Russian and English languages (if the article is written in Kazakh), in Kazakh and English languages (if the article is written in Russian), and in Russian and Kazakh languages (if the article is written in English).

Next, a combination of the English and transliterated parts (<http://translitoline.ru/>) of the list of references is provided, which is formatted according to the APA style (<https://apastyle.apa.org/products/publication-manual-7th-edition>) (Publication Manual of the American Psychological Association). This is followed by information about each of the authors (academic title, institutional address, ORCID, e-mail – in Kazakh, Russian, and English languages). Authors must adhere to the transliteration specified on the website <http://translitoline.ru/>.

Refer to the Article Formatting Template for an example of the combination of the English and transliterated parts of the list of references. In the combination of the English and transliterated parts of the list of references, an official translation of the article or book into English should be indicated in square brackets.

8. For transparency, we ask that corresponding authors specify contributions to the manuscript using the appropriate CRediT roles. The CRediT taxonomy includes 14 different roles describing the specific contributions of each participant to the scientific results.

Roles: Conceptualization; Data Curation; Formal Analysis; Funding Acquisition; Investigation; Methodology; Project Administration; Resources; Software; Supervision; Validation; Visualization; Roles/Writing – Original Draft; and Writing – Review & Editing.

Note that not all roles may apply to every manuscript, and authors may have contributed with multiple roles.

A description of the contributions of co-authors is provided at the end of the article under the heading “Authors’ contributions” after “Information about authors”.

9. Manuscripts submitted to the editorial office must undergo mandatory Antiplagiat.com (<https://antiplagiat.com/>) checks, and the originality percentage of the article should be at least 70%. Subsequently, the articles are sent for anonymous double-blind peer review, with a review period of 1-3 months. All reviews of the article are sent to the author. Articles receiving negative reviews are not reconsidered. Revised versions of the articles and the author’s response to the reviewer are sent to the editorial office within the deadlines specified by the editorial board. Articles with positive reviews are submitted to the journal’s editorial board for discussion.

10. Editorial address: Republic of Kazakhstan, 140002, Pavlodar, Olzhabay batyr street, 60, Margulan Pavlodar Pedagogical University

Phone number: 8 (7182) 651617

E-mail: yazlit_os@pspu.kz, yazlit@pspu.kz

Website: <https://yazlit.ppu.edu.kz>

11. Payment. The publication fee is 8,600 tenge (eight thousand six hundred tenge). For employees of Pavlodar Pedagogical University – 5,000 tenge. Payment is made only upon acceptance of the article for publication, confirmed by the editorial board.

Information for making the publication payment:

- for authors from foreign countries:

NJSC “Pavlodar Pedagogical University”

BIN 040340005741

IIC KZ609650000061536309

JSC “ForteBank” (“Alliance Bank”)

BIN IRTYKZKA

OKPO 40200973

BeC 16

- for the authors from Kazakhstan:

Kaspi Gold → PAYMENTS → EDUCATION → PAYMENTS FOR UNIVERSITIES → PAVLODAR → PAVLODAR STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY (Mira, 60) → FACULTY: HIGH SCHOOL OF HUMANITIES → COURSE: Language and Literature: Theory and Practice, article → FULL NAME → PAYMENT AMOUNT.

Please send the scanned copy of the payment receipt via email to the following address: yazlit_os@pspu.kz.

Р. О. Асельдерова

Дагестанский институт образования, Махачкала, Россия

Д. Х. Аринова

Павлодарский педагогический университет, Павлодар, Казахстан

О ПОНЯТИИ «НЕЗАВИСИМЫЙ ТАКСИС»

Аннотация. В статье рассматривается понятие независимого таксиса в русской синтаксической традиции. Термин «независимый таксис» используется для обозначения сообщаемого факта в отношении к другому факту и независимо к моменту сообщения. Эту проблему изначально рассматривали в своих трудах многие известные российские ученые, которые выявляли соотношение времени действия глаголов-сказуемых. В теории функциональной грамматики проблема таксиса раскрывается во взаимосвязи с аспектуальными характеристиками глагола-сказуемого. Важным фактором в разграничении одновременности/последовательности ситуаций, выраженных однородными членами, является точка отсчета действия. Также интересным для характеристики категории таксиса выступает семиотическое положение об иконичности / неиконичности отражения таксисных отношений в синтаксической и пропозициональной структуре предложения.

Ключевые слова: независимый таксис, одновременность, последовательность действий, иконичность таксиса, предложение.

About the authors

Руманият Омаровна Эселдерова, филология ғылымдарының кандидаты, доцент, Дағыстан білім беруді дамыту институты, Махачкала, Ресей. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Руманият Омаровна Асельдерова, кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский институт развития образования, Махачкала, Россия. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Rumaniyat Omarovna Asel'derova, Candidate of philological science, associate professor, Dagestan Institute of Education Development, Makhachkala, Russia. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4261-6703>

Динара Холдарқызы Аринова, магистранты, Павлодар педагогикалық университеті, Павлодар, Қазақстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Динара Холдаровна Аринова, магистрант, Павлодарский педагогический университет, Высшая школа гуманитарных наук, Павлодар, Казахстан. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Dinara Kholdarovna Arinova, master's student, Pavlodar Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan. ID ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6061-3672>

Authors' contributions

Aselderova R. O. – conceptualization, formal analysis, methodology, writing – review and editing.

Arinova D. Kh. – methodology, software, roles/writing – initial draft, writing.

Басуға 27.09.2023 ж. қол қойылды.
Форматы 70×100 1/16. Кітап-журнал қағазы.
Көлемі 7,6 шартты б.т. Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс №1463

Подписано в печать 27.09.2023 г.
Формат 70×100 1/16. Бумага книжно-журнальная.
Объем 7,6 уч.-изд. л. Тираж 300 экз.
Цена договорная.
Заказ №1463

Редакционно-издательский отдел
Павлодарский педагогический университет им. Ө.Марғұлан
140002, г. Павлодар, ул. Олжабая батыра, 60
Контакты: e-mail: yazlit_os@pspu.kz, yazlit@pspu.kz